

Джордж Фридман - Следующие 100 лет. Прогноз событий XXI века

«Следующие 100 лет: Прогноз событий XXI века»: Эксмо; Москва; 2010
ISBN ISBN 978-5-699-41208-2

Эта провокационная книга мгновенно вошла в список бестселлеров газеты The New York Times. Ее автор, американский политолог Джордж Фридман, директор частной разведывательно-аналитической организации STRATFOR, предлагает читателям прогноз изменений, которых можно ожидать в мире в XXI веке.

Нынешнее кажущееся ослабление США, согласно Фридману, — иллюзия. Американская мощь столь велика, что подорвать ее невозможно. Пик могущества Штатов придется на конец XXI столетия. Безвольная и потерявшая вкус к битвам Европа утратит свое значение. Китайский рост — мыльный пузырь, который лопнет уже в скором времени. На геополитическом горизонте по очереди взойдут новые звезды: Япония, Турция, Польша, Мексика. Россия добьется своего и восстановит контроль над постсоветским пространством в 2020-х годах, но после этого рухнет и развалится уже окончательно, не выдержав конкуренции с более сильными государствами.

Шокирующие прогнозы мирового развития вызвали в Рунете бурную полемику задолго до выхода этой книги на русском языке. Сценарий будущего, изложенный Фридманом, без сомнения, субъективен. Однако глубокий анализ современных тенденций, отмеченных очень точно, заставляет всерьез задуматься о вызовах, с которыми столкнется мир и Россия.

Джордж Фридман — американский политолог, основатель и исполнительный директор частной разведывательно-аналитической организации STRATFOR. Почти 20 лет он преподавал политические науки в колледже Дикинсон, регулярно проводил брифинги по проблемам безопасности и национальной обороны для командного состава вооруженных сил и сотрудников Управления всесторонней оценки, Технического центра Штаба объединенных вооруженных сил НАТО в Европе, Армейского военного колледжа, Национального

университета обороны и корпорации РАНД. В 1994 г. он основал Центр геополитических исследований при университете штата Луизиана. Этот центр занимался интегрированным экономическим, политическим и военным моделированием и прогнозами. Фридман изучал политическую философию, поначалу сосредоточившись на марксизме и международных конфликтах, в том числе на изучении военного аспекта советско-американских отношений. После развала СССР Фридман переключился на изучение возможностей конфликта между США и Японией. Является автором и соавтором четырех книг, в том числе *Future of War* («Будущее войны»), *The Intelligence Edge* («Передовая линия разведки») и *America's Secret War* («Тайная война Америки»). Фридман живет в Остине, штат Техас.

Постоянно обновляемые аналитические и дополнительные материалы компании STRATFOR см. на сайте www.stratfor.com.

Предстоящие перемены:

завершение войны Америки с приверженцами джихада и последующая вторая полномасштабная холодная война с Россией;

глубокий, затяжной внутренний кризис в Китае и возвышение Мексики, которая превратится в мировую державу;

третья мировая война, в которой США будут сражаться с коалицией стран Восточной Европы, Евразии и Дальнего Востока (правда, противостоящие армии будут меньше, а бои — менее кровопролитными);

новейшие технологии сосредоточатся на космосе, господство в котором и обеспечит огромные военные преимущества, и позволит обрести важный новый источник энергии что будет иметь серьезнейшие последствия для окружающей среды;

золотой век, который США переживут во второй половине XXI в.

Предисловие к российскому изданию Игра в будущее

Предсказание будущего — занятие столь же бессмысленное, сколь и увлекательное. Чем смелее и конкретнее прогноз, тем вероятнее его успех здесь и сейчас — люди хотят видеть ясную картину, желательно с живописными деталями, а не читать общие рассуждения о трендах и вероятных сценариях. Хотя, конечно, элемент занудства — статистические выкладки, теоретические рассуждения и основы методологии — необходим, он придает футурологической беллетристике впечатление достоверности. А долгосрочность взгляда позволяет не опасаться быть уличенным в ошибках — сегодняшняя аудитория не сможет оценить, насколько сбудется прогноз на 50 или тем более сто лет, а к тому времени давние предсказания станут интересовать разве что узких специалистов.

Автор книги «Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века» Джордж Фридман, основатель и руководитель аналитической группы «Стратфор», в совершенстве владеет приемами, позволяющими держать читателя в напряжении. Его «история будущего» — детектив с лихо закрученным сюжетом. Фабула кажется правдоподобной, поскольку автор исходит из убеждения: мир стремительно меняется, но, по сути, ничего не изменится. Фридман свято верит в незыблемость принципов геополитики, согласно которым государства и народы ведут себя в соответствии с раз и навсегда предначертанной логикой. Тактические зигзаги текущего политического курса не влияют на национальную стратегию, которая всегда и повсюду диктуется объективными условиями. Стремление к доминированию и экспансии определяет политику великих держав, а конфликты прошлого повторятся вновь.

Подход Джорджа Фридмана ценен, прежде всего, двумя обстоятельствами. Во-первых, автор призывает творчески подходить к вероятности тех или иных событий — экстраполяция текущих процессов даже на относительно близкое будущее, как правило, не

позволяет увидеть истинные тенденции. Между тем, большинству официальных стратегов по всему миру свойственен как раз инерционный взгляд. Во-вторых, Фридман обходится без лицемерия, с которым политики всех стран неизменно живописуют собственные цели и намерения. Без тумана политической корректности многое становится яснее и понятнее.

Конечно, Фридману не удастся выдержать объективность, на которую он претендует, вера в неизбежность величия Америки, заявленная с первой страницы книги, делает автора предвзятым. Хроника предстоящих десятилетий изобилует нестыковками, связанными отчасти с желанием подстроить доказательный ряд под заранее сформулированный вывод, отчасти с небрежностью и невниманием к реальным обстоятельствам на местах. По мере удаления от сегодняшнего дня описание все больше напоминает сценарий компьютерной игры, а анализ окончательно замещается фантазией. Тем не менее, «Следующие 100 лет» — не просто занимательная беллетристика. Глубокий анализ современных тенденций, зачастую отмеченных весьма пронизательно, заставляет всерьез задуматься о современном мире и о тех вызовах, с которыми уже очень скоро столкнется Россия.

*Федор Лукьянов,
главный редактор журнала
«Россия в глобальной политике»,
член президиума Совета по внешней и оборонной политике*

От автора

Посвящается Мерседит, музе и вдохновительнице.

Я не обладаю даром провидца. Однако у меня есть собственный метод, который помогает понять прошлое и предвосхитить будущее, пускай он и далек от совершенства. Во внешне беспорядочном ходе истории я пытаюсь разглядеть определенные закономерности — и предугадать, к каким событиям они могут привести. Может показаться, что предсказывать на 100 лет вперед — пустая затея, но, надеюсь, вы убедитесь сами, что это вполне рациональный и осуществимый процесс, который едва ли можно считать бессмысленным. Довольно скоро у меня будут внуки, и кто-нибудь из них наверняка будет жить в XXII в., что делает все вышесказанное весьма реалистичным.

В этой книге я пытаюсь передать свое ощущение будущего. Я не претендую на безусловную точность данных, ибо моя главная задача — определить основные тенденции (например, геополитические, технологические, демографические, культурные, военные и пр.) в самом широком смысле и указать наиважнейшие события, которые могут произойти. Я буду рад, если мне удастся объяснить некоторые детали нынешнего мироустройства и как это, в свою очередь, определяет будущее. И я буду совершенно счастлив, если мои внуки, заглянув в эту книгу в 2100 г., смогут сказать: «А что, совсем неплохо!»

Все, что разумно, то неизбежно.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель.

Пролог. Введение в американскую эру

Лето 1900 г. Представьте себе, что вы живете в Лондоне, бывшем в те времена столицей мира. Европа господствует над Восточным полушарием, и едва ли можно отыскать такое место, которое если и не управляется напрямую, то контролируется косвенным образом из одной из европейских столиц. В Европе царит мир, благодаря чему она достигла невиданного дотоле процветания. В это время взаимозависимость в Европе, обусловленная торговлей и инвестициями, столь велика, что здравомыслящие люди утверждают, что войны стали невозможны — а если и возможны, то лишь на считанные недели, потому что

глобальные финансовые рынки не смогут вынести такого напряжения. Будущее кажется неизбежным: мирная, процветающая Европа будет править миром.

Лето 1920 г. Европа разорвана на части ужасающей войной. Континент лежит в руинах. Австро-Венгерская, Российская, Германская и Османская империи исчезли, и миллионы людей погибли в войне, которая длилась несколько лет. Война закончилась после вмешательства в нее американской армии численностью в 1 млн человек — армии, которая ушла столь же быстро, как и появилась. Доминирующей силой в России стал коммунизм, но еще не ясно, надолго ли он сохранится. Страны, находившиеся на периферии зоны влияния европейских государств, такие, как США и Япония, внезапно приобрели статус сверхдержав. Но в одном можно быть уверенным: мирный договор, навязанный Германии, — гарантия того, что она еще не скоро встанет с колен.

Лето 1940 г. Германия не только поднялась с колен, но и, завоевав Францию, доминирует в Европе. Коммунистический строй сохранился, и Советский Союз подписал договор с нацистской Германией. Великобритания в одиночку противостоит Германии, и, с точки зрения самых здравомыслящих людей, война закончена. Даже если бы дело не завершилось «тысячелетним рейхом», судьба Европы, безусловно, была предрешена на целый век. Германия должна была господствовать в Европе и унаследовать ее империю.

Лето 1960 г. Германия разбита в войне, потерпев поражение менее чем через 5 лет после указанной нами ранее даты. Оккупированная Европа поделена пополам США и СССР. Европейские империи рухнули, а США и СССР состязаются за право быть их преемниками. С помощью своих союзников США окружили Советский Союз и, обладая огромными запасами ядерного оружия, могли уничтожить его в считанные часы. США стали глобальной сверхдержавой, господствовавшей на всех мировых океанах, и за счет своего ядерного потенциала могли диктовать условия любой стране в мире. Советский Союз неизбежно оказывался в тупике — до тех пор, пока не вторгся бы в Германию и не завоевал бы Европу полностью. Все ждали новой войны. К тому же маоистский Китай, с присущей ему фанатичностью, все подсознательно воспринимали как еще одну угрозу.

Лето 1980 г. К этому времени США терпят поражение в 7-летней войне — не от СССР, а от коммунистического Северного Вьетнама. В глазах всего мира и по мнению самих американцев это отступление. Вслед за изгнанием из Вьетнама американцев также изгнали из Ирана. Нефтяные месторождения Ирана, которые американцы более не контролировали, казалось, вот-вот попадут в руки Советского Союза. Чтобы сдержать СССР, США заключили союз с маоистским Китаем. Президент США и председатель компартии Китая провели дружескую встречу в Пекине. Представлялось, что только этот альянс способен сдержать могучий Советский Союз, который, как казалось со стороны, стремительно развивается.

Лето 2000 г. Советский Союз полностью распался. Государственный строй в Китае, формально все еще коммунистический, на деле уже давно стал капиталистическим. Войска НАТО продвинулись в глубь Восточной Европы и даже на территорию бывшего СССР. Мир процветает и наслаждается покоем. Все понимают, что по важности геополитические соображения теперь уступают экономическим и что единственные оставшиеся проблемы носят сугубо региональный характер, даже в таких крайне сложных случаях, как Гаити или Косово.

А затем наступило 11 сентября 2001 г., и в мире снова все перевернулось с ног на голову.

Когда речь заходит о будущем, в определенный момент единственное, в чем можно быть уверенным, — это то, что руководствоваться здравым смыслом было бы ошибкой. Нет никакого магического 20-летнего цикла, в соответствии с которым можно было бы управлять по упрощенной схеме. Все дело в следующем: декорации, кажущиеся неизбежными и долговечными, в любой момент истории могут поменяться с ошеломляющей быстротой. Эпохи сменяют друг друга, и в международных отношениях то, как мир выглядит сейчас, совсем не похоже на то, как он будет выглядеть через 20 лет... или даже ранее того. Падение

СССР было трудно себе представить, и именно об этом и идет речь. Традиционным политическим аналитикам остро не хватает воображения. Они принимают мимолетные события за долговременные и не замечают глубинных, долгосрочных перемен, происходящих у всех на виду.

Если бы мы жили в начале XX в., предсказать все те события, которые я только что перечислил, было бы невозможно. Но некоторые события могли быть и, в сущности, были предсказаны. Например, уже тогда было очевидно, что объединившаяся в 1871 г. Германия представляла собой крупную державу, находящуюся в ненадежном положении (она была зажата между Россией и Францией) и жаждущую пересмотреть установившиеся в Европе и в мире порядки. Большинство конфликтов в 1-й половине XX в. касались статуса Германии в Европе. Если время и место той или иной войны определить было невозможно, вероятность того, что война все же *будет*, многими европейцами *была* предсказана.

Более сложной частью данного уравнения явилось утверждение, что войны будут весьма разрушительными и что в результате Первой и Второй мировых войн Европа утратит свой имперский статус. Но были люди (в особенности после изобретения динамита), которые предсказывали, что война обернется катастрофическими последствиями. Если бы прогнозирование будущих технологий объединили с прогнозированием развития геополитики, распад Европы вполне можно было бы предвидеть. Безусловно, подъем США и России был предсказан в XIX в. И Алексис де Токвиль, и Фридрих Ницше писали о превосходстве этих двух стран. Поэтому в начале XX в. было возможно предугадать его общие очертания, при условии использования четкой системы и определенного везения.

XXI в.

Стоя на пороге XXI в., нам нужно определить ключевое событие для данного столетия, по эффекту эквивалентное объединению Германии в XX в. Если мысленно убрать в сторону остатки европейской империи и Советского Союза, перед нами останется только одна держава, резко выделяющаяся своей мощью. Эта держава — США. Безусловно, в настоящее время складывается впечатление (впрочем, довольно традиционное), что США «наломали дров» в различных уголках земного шара. Но очень важно не дать этому преходящему хаосу сбить себя с толку. С точки зрения экономики, военно-промышленного комплекса и политики США являются самой мощной страной в мире, конкурировать с которой никто не в состоянии. Как и в случае с испано-американской войной, через 100 лет о войне США с радикальными исламистами едва ли будут часто вспоминать, несмотря на бурную реакцию, которую она сейчас вызывает в обществе.

Начиная с гражданской войны, экономика США переживала необыкновенный подъем. Из неспешно развивающейся страны Америка превратилась в государство с экономикой, по объему превышающей экономический потенциал четырех следующих стран, вместе взятых, — Японии, Германии, Китая и Великобритании. В военном отношении США проделали путь от незначительного влияния до полного господства на земном шаре. С точки зрения политики США затрагивают практически все происходящее в мире, порой намеренно, а иногда самим фактом своего присутствия. По мере прочтения этой книги у читателя может сложиться впечатление, что она ориентирована на Америку, что она написана с американской точки зрения. Возможно, это и так, но аргумент, который я выдвину в ответ, заключается в том, что мир и впрямь вращается вокруг США.

Причина этого кроется не только в мощи Америки. Это также объясняется фундаментальными изменениями, произошедшими в устройстве мира. Последние 500 лет центром международных влияний была Европа, а главной дорогой в Европу — Северная Атлантика. Тот, кто контролировал Северную Атлантику, контролировал доступ к Европе — и, одновременно, доступ Европы к остальным странам мира. География мировой политики была неразрывно связана с данной акваторией.

А затем, в начале 1980-х гг., произошло нечто удивительное. Впервые в истории сравнялись объемы транстихоокеанской и трансатлантической торговли. В связи с тем что после Второй мировой войны многие страны Европы обрели новый мировой статус, а также

из-за наступивших изменений в торговой системе Северная Атлантика утратила свою ключевую роль. Теперь любая страна, контролирующая и Североатлантический, и Тихоокеанский регионы, при желании могла контролировать мировую торговую систему и, тем самым, мировую экономику в целом. В XXI в. любая страна, имеющая выход к обоим океанам, обладает огромным преимуществом.

Учитывая высокую стоимость строительства военно-морского флота и значительные расходы на его содержание в различных частях света, страна, чьи берега омываются двумя океанами, стала ведущим игроком современности в международной системе по той же причине, по которой Британия доминировала в XIX в.: она буквально «жила» на море, которое должна была контролировать. Таким образом, Северная Америка заменила Европу в качестве мирового центра притяжения, и тому, кто будет господствовать в Северной Америке, фактически гарантирована роль доминирующей мировой державы. В XXI в. (как минимум) такой державой будут США.

Изначально присущая мощь в сочетании с географическим местоположением делает США ключевым игроком XXI столетия, что, безусловно, не добавляет этой стране всеобщей любви. С другой стороны, сила США внушает страх. Поэтому история XXI в., в особенности его 1-й половины, будет вращаться вокруг двух противостояний. Первое из них — это попытки второстепенных государств сформировать коалиции для сдерживания и контроля США. Второе — упреждающие действия США с целью помешать созданию эффективной коалиции.

Если посмотреть на начало XXI в. как на зарю американской эры (приходящей на смену европейской эре), мы увидим, что она началась с попыток группы мусульман воссоздать Халифат — великую исламскую империю, когда-то простиравшуюся от Атлантического океана до Тихого. Естественно, исламисты были вынуждены нанести удар по США, пытаясь втянуть сильнейшую страну мира в войну, чтобы продемонстрировать ее слабость и тем самым вызвать восстание мусульман. В ответ США вторглись в исламский мир. Но страна не ставила перед собой цели победить. Было даже не ясно, что именно будет означать победу. Целью США было просто разрушить исламский мир и настроить входящие в него страны друг против друга, чтобы исламская империя больше никогда не возникла.

США не обязательно выигрывать войны. В их задачи входит планомерное разрушение всех систем жизнеобеспечения противника и, тем самым, лишение его возможности накопить достаточно сил, чтобы соперничать с Америкой. С одной стороны, XXI в. станет свидетелем серии противостояний, в которых страны «второго плана» будут пытаться создавать коалиции, чтобы контролировать поведение Америки, а США, в свою очередь, будут проводить военные операции, чтобы помешать таким планам. В XXI в. будет еще больше войн, чем в XX, но их последствия окажутся менее катастрофическими как из-за технологических изменений, так и из-за сущности геополитических проблем.

Как мы убедились, изменения, которые ведут к наступлению новой эры, всегда происходят совершенно неожиданно, и первые 20 лет этого нового столетия не станут исключением. Война США с исламским миром уже заканчивается, и новый конфликт не за горами. Россия восстанавливает свою прежнюю сферу влияния и неизбежно вступит в противоречие с интересами США. Русские будут продвигаться на запад по территории Восточно-Европейской равнины. Когда Россия вновь окрепнет, она столкнется с контролируемым США НАТО в трех прибалтийских государствах — Эстонии, Латвии и Литве, а также в Польше. В начале XXI в. будут и другие источники разногласий, но именно эта новая холодная война приведет к появлению горячих точек после окончания войны между США и мусульманами.

Россия обязательно попытается вновь установить свои порядки, а США обязательно попытаются этому помешать. Но в конечном счете Россия не сможет победить. Ее глубокие внутренние проблемы, стремительно сокращающееся население и плохая инфраструктура в итоге делают надежды России на долговременное существование призрачными. И вторая холодная война, не такая страшная и гораздо менее глобальная, чем первая, закончится

схожим образом — падением России.

Многие люди предсказывают, что основным претендентом на место США будет Китай, а не Россия. Я не согласен с этим мнением по трем причинам.

Во-первых, если внимательно посмотреть на карту Китая, видно, что он находится в довольно изолированном положении, на севере гранича с Сибирью, а на юге — с Гималаями и покрытыми джунглями территориями. Если также учесть, что большинство населения проживает в восточной части страны, становится очевидно, что Китаю будет не так-то просто расширять свои границы.

Во-вторых, Китай уже много веков не является крупной морской державой, а создание флота подразумевает не только строительство кораблей, но и подготовку квалифицированных и опытных моряков, на что уйдет много лет.

В-третьих, есть более веская причина не беспокоиться по поводу Китая, так как этой стране свойственна хроническая нестабильность. Каждый раз, когда Китай открывает свои границы внешнему миру, прибрежные районы начинают процветать, но подавляющее большинство китайцев, живущих в глубине страны, по-прежнему прозябают в нищете, что и выливается в напряженность, конфликты и нестабильность. В силу этого решения в сфере экономики принимаются по политическим мотивам, что делает их неэффективными и способствует росту коррупции. Это не первый раз, когда Китай открывает внутренний рынок для иностранной торговли, и не последний, когда в результате подобного шага он приходит в нестабильное состояние. И, безусловно, в его истории не в последний раз появляется такая фигура, как Мао Цзэдун, чтобы изолировать страну от окружающего мира, сделать всех одинаково богатыми (или одинаково бедными) и начать цикл заново. Некоторые люди полагают, что мировые тенденции, наметившиеся в последние 30 лет, будут существовать в течение неопределенного времени. Я думаю, что в наступающем десятилетии китайский цикл перейдет на свою следующую и неизбежную стадию. А США, для которых Китай вовсе не является соперником, будут стараться ему помогать и удерживать от распада, чтобы сохранить его в качестве противовеса России. Нынешний динамичный рост экономики Китая не перейдет в долгосрочный успех.

В середине столетия на авансцену выйдут другие страны, о которых сейчас не думают как о сверхдержавах, но которые, по моим расчетам, станут более мощными и влиятельными в несколько ближайших десятилетий. В особенности выделяются три страны. Первая из них — Япония. Это вторая по экономической мощи держава в мире и, одновременно, самая уязвимая, так как она крайне зависима от импорта сырья, которого у нее практически нет. Можно с уверенностью сказать, что Япония, с ее милитаристскими традициями, не останется той миролюбивой, находящейся на периферии страной, которой она была в последние годы. У нее это просто не получится. Глубокие демографические проблемы и неприятие крупномасштабной иммиграции заставят Японию искать новых рабочих в других странах. Слабые стороны Японии, о которых я писал в прошлом и с работой над которыми японцы на настоящий момент справляются лучше, чем я ожидал, в конечном счете заставят эту страну изменить свою политику.

Затем идет Турция, которая в данное время занимает 17-е место в мире по экономическому потенциалу. Исторически сложилось так, что с появлением мощной исламской империи на ее первых ролях оказались турки. Османская империя рухнула в конце Первой мировой войны, оставив на своих руинах современную Турцию. Но последняя представляет собой остров стабильности посреди хаоса. И Балканы, и Кавказ, и арабский мир к югу от Турции отличаются нестабильностью. И по мере того как будет расти мощь Турции (учитывая, что ее экономике и армии уже нет равных в этом регионе), ее влияние также будет усиливаться.

И наконец, Польша. Польша не была великой державой с XVI в. Но когда-то она была таковой... и, думаю, станет снова. Достичь этого помогут два фактора. Первый — будущий упадок Германии, чья экономика, несмотря на внушительный объем и продолжающийся рост, утратила динамичность, свойственную ей последние два века. Кроме этого, в

следующие 50 лет население Германии резко сократится, что подорвет и без того обескровленный экономический сектор. Вторым фактором будет нежелание немцев ввязываться в третью войну с Россией, несмотря на давление, которое Россия будет оказывать на Польшу с востока. В отличие от них, США поддержат Польшу, предложив ей всемерную экономическую и техническую помощь. Если война не приводит к уничтожению определенной страны, она стимулирует в ней экономический рост, и Польша станет ведущим игроком в коалиции государств, расположенных близ России.

Каждая из этих стран — Япония, Турция и Польша — будет считаться с мнением США еще меньше, чем это было после второго падения России. Сложится взрывоопасная ситуация. Как мы увидим в ходе чтения этой книги, отношения между этими четырьмя странами окажут огромное влияние на XXI в. и, в конечном счете, приведут к началу следующей мировой войны, военные действия во время которой будут вестись принципиально новым образом — с использованием оружия, находящегося в наши дни в области научной фантастики. Но, как я постараюсь показать в общих чертах, этот конфликт середины XXI в. будет следствием динамических сил, зародившихся на заре нового столетия.

Эта война приведет к значительному техническому прогрессу, как это было и в случае Второй мировой войны, а одно техническое новшество окажется особенно важным. По очевидным причинам, все стороны будут искать новые формы энергии, способные заменить углеводороды. Теоретически, самый эффективный источник энергии на Земле — солнечная энергия, но для ее получения требуется установка множества солнечных батарей. Такие батареи занимают много места на поверхности земли и отрицательно воздействуют на окружающую среду, не говоря уже о том, что смена дня и ночи для них разрушительна. Однако в ходе мировой войны будущего разработанные до ее начала концепции получения электроэнергии в космосе и последующей ее передачи на Землю в форме микроволнового излучения из прототипа стремительно превратятся в реальность. Развитие нового источника энергии будет финансироваться практически так же, как и развитие Интернета или железных дорог, — на государственном уровне, что даст возможность использовать всю мощь военно-космических сил для вывода на орбиту требуемого оборудования. В итоге начнется настоящий экономический бум.

Но в основе всего этого будет лежать самое важное событие XXI в.: конец демографического взрыва. По сути, начиная с 1750 г. вся мировая система строилась на ожидании постоянного прироста населения. Больше рабочих, больше потребителей, больше солдат — вот в чем состояли всеобщие ожидания. Но в XXI в. это перестанет быть актуальным, так как вся система производства претерпит изменения. К 50-м годам XXI в. население развитых промышленных стран будет убывать катастрофическими темпами. К началу XXII в. даже самые слаборазвитые страны достигнут уровня рождаемости, который стабилизирует численность их населения. Как следствие, во всем мире возрастет зависимость от технологий (в особенности от роботов, которые заменят человеческий труд) и от углубленных генетических исследований (в большей степени направленных на увеличение срока работоспособности человека, чем на продление его жизни).

Каковы же будут непосредственные результаты сокращения мирового населения? Говоря простым языком, в 1-й половине XXI в. такое сокращение вызовет массовую нехватку рабочей силы в развитых промышленных странах. В наши дни развитые страны видят проблему в том, чтобы не пускать на свою территорию иммигрантов. Но ближе к концу 1-й половины XXI в. проблемой станет именно привлечение иммигрантов. Это коснется и США, которые будут бороться за все более немногочисленных иммигрантов и принимать все возможные меры, чтобы, к примеру, уговорить мексиканцев приехать — вот каковым станет полное иронию, но неизбежное нововведение.

Такие перемены приведут к итоговому кризису XXI в. В настоящее время Мексика занимает 15-е место в мире по экономической мощи. По мере того как европейские страны будут сходить с мировой сцены, Мексика, как и Турция, будет приобретать все больший вес,

пока в конце XXI столетия не станет одной из ведущих мировых экономических держав. Во время крупномасштабной миграции на север, стимулируемой США, соотношение населения на бывшей мексиканской территории (отобранной США у Мексики в XIX в.) резко изменится, и в конце концов большинство из проживающих в данном регионе станут составлять мексиканцы.

Мексиканское правительство воспримет сложившуюся ситуацию ни больше ни меньше как исправление прошлых поражений. Полагаю, что к началу 80-х годов XXI в. между США и все более сильной и влиятельной Мексикой возникнет серьезная конфронтация. Такая конфронтация вполне может иметь непредвиденные последствия для США и едва ли закончится к началу XXII в.

На первый взгляд, многое из вышесказанного может показаться совершенно неправдоподобным. То, что кульминацией XXI в. станет противостояние Мексики и США, весьма сложно себе представить в 2009 г., как трудно представить и мощную Турцию или Польшу. Но вспомните начало этой главы, где я описывал, как мир менялся в течение всего XX в. с промежутками в 20 лет, и вы поймете, к чему я клоню: полагаться на здравый смысл в данном случае будет равнозначно ошибке.

Совершенно очевидно, что чем подробнее описываются будущие события, тем выше риск допуска неточностей. Предсказать историю наступающего столетия во всех деталях невозможно — за исключением того факта, что к тому времени меня уже давно не будет в живых и я не узнаю, какие ошибки допустил, а в чем оказался прав. Но, по моему глубокому убеждению, разглядеть общие очертания грядущих событий действительно возможно, чтобы попытаться дать им какое-то определение, каким бы гипотетическим оно ни казалось. Именно об этом идет речь в настоящей книге.

Прогноз на столетие.

Перед тем как углубиться в подробности мировых войн, изменений численности и структуры населения или технологических переворотов, крайне важно рассказать о моем методе — то есть о том, *каким образом* я могу прогнозировать то или иное событие. Я не ожидаю, что читатели серьезно отнесутся к подробностям войны 50-х годов XXI в., которую я предсказываю. Но я очень хотел бы, чтобы они серьезно отнеслись к тому, каким образом в это время будут вестись военные действия, к центральной роли американского влияния, к вероятности того, какие именно страны, по моему мнению, будут сопротивляться такому влиянию, а какие — нет. А для этого требуется дать определенные пояснения. Мысль о конфронтации и даже войне между США и Мексикой вызовет у большинства здравомыслящих людей большие сомнения, но мне хотелось бы показать, почему и как можно делать подобные утверждения. В этой книге я уже отмечал, что именно рассудительные люди часто неспособны предвидеть будущее.

Старый лозунг «новых левых»: «Будь реалистом, требуй невозможного!» необходимо заменить новым: «Будь реалистом, ожидай невозможного!» Эта идея лежит в основе моего метода. С другой, более основательной перспективы, это называется геополитикой.

Геополитика — это не просто более вычурное название международных отношений. Это метод осмысления мира и прогнозирования того, что может произойти в будущем. Экономисты часто говорят о «невидимой руке», которая через движимую личными интересами краткосрочную деятельность направляет людей к тому, что Адам Смит называл «богатством народов». Геополитика применяет концепцию «невидимой руки» к поведению народов и других международных игроков. Преследование краткосрочных личных интересов группами людей и их лидерами ведет если и не к богатству народов, то, по крайней мере, к предсказуемому поведению и, следовательно, способности предсказывать форму будущей международной системы.

И геополитика, и экономика признают, что игроки рациональны, по крайней мере, с точки зрения осознания своих краткосрочных личных интересов, и, подтверждая свою

рациональность, они понимают, что в реальности имеют ограниченный выбор. Принято считать, что в целом люди преследуют личные интересы если не безупречным образом, то уж точно не наугад. Представьте себе партию в шахматы. На первый взгляд кажется, что у каждого игрока есть 20 различных вариантов того, как сделать первый ход. На деле их гораздо меньше, потому что большинство этих ходов настолько неудачны, что они быстро приведут к поражению. Чем лучше вы играете в шахматы, тем четче видите свои варианты и тем меньше число действительно возможных ходов. Чем лучше игрок, тем более предсказуемы ходы. Гроссмейстер играет с абсолютно предсказуемой точностью... до тех пор, пока не сделает гениальный, неожиданный ход.

Целые народы ведут себя схожим образом. Миллионы или сотни миллионов людей скованы принятыми условностями. Они порождают лидеров, которые не стали бы лидерами, веди они себя иррационально. Подниматься на вершину горы из миллионов людей — это не то занятие, которому часто предаются глупцы. Лидеры заранее рассчитывают свои последующие ходы и совершают их если не безупречно, то, по крайней мере, весьма неплохо. И несмотря на то что время от времени кто-либо из экспертов может предложить (и предлагает!) абсолютно неожиданный и успешный ход, все же процесс управления в большей степени означает просто выполнение необходимого и логичного следующего шага. Когда политические лидеры руководят международной политикой страны, они действуют так же. Если лидер сходит со сцены и его заменяют, то довольно быстро появляется другой, который, как правило, продолжает то, что делал предыдущий.

Я не пытаюсь доказать вам, что политические лидеры — это гении, ученые или даже просто джентльмены и леди. Но они знают, как быть лидерами, иначе бы они ими не стали. В любом обществе обожают принижать своих политических лидеров, которые, безусловно, совершают ошибки. Но, при ближайшем рассмотрении, эти ошибки редко бывают глупыми. Гораздо чаще ошибки совершаются под давлением обстоятельств. Нам всем хотелось бы верить, что мы (или наш любимый кандидат) никогда бы не повели себя так глупо. Но это редко соответствует действительности. Поэтому геополитика не слишком серьезно воспринимает отдельно взятого лидера, равно как и экономика без излишнего трепета относится к определенному бизнесмену, ибо оба являются игроками, которые знают, как руководить процессом, но не могут нарушать крайне жесткие правила, установленные в их профессиях.

Таким образом, политики редко обладают свободой действий. Их поступки предопределены обстоятельствами, а государственная политика является ответом на фактически сложившуюся обстановку. При этом принимаемые ими решения имеют, безусловно, определенное значение. Но даже самый гениальный политик, стоящий во главе Исландии, никогда не сделает ее сверхдержавой, в то время как самый ограниченный правитель Рима в пору его расцвета не смог бы подорвать фундаментальной мощи Римской империи. Геополитика не занимается вопросами добра и зла, добродетелями или пороками политиков или рассуждениями о внешней политике. Предмет внимания геополитики — разнообразные безличные силы, которые ограничивают свободу как целых народов, так и отдельных личностей, и вынуждают их действовать определенным образом.

Для понимания экономических процессов необходимо признать, что всегда будут присутствовать непредвиденные обстоятельства. Поступки, которые люди совершают по собственным мотивам, приводят к неожиданным для них результатам. То же будет верным и в отношении геополитики. Довольно сомнительно, что у деревни Рим, когда она только начала захватнические войны в VII в. до Рождества Христова, был генеральный план завоевания Средиземноморья через 500 лет. Но первое действие, которое ее жители предприняли против соседних деревень, запустило процесс, который одновременно сдерживался реальностью и был полон непредвиденных обстоятельств. С одной стороны, создание Римской империи не было запланировано, но с другой стороны, это произошло не случайно.

Следовательно, прогнозирование в геополитике исходит не из представления о том, что

все предопределено. При этом предполагается следующее: то, что люди (по их мнению) делают, чего они хотят добиться и каким будет окончательный итог — не одно и то же. Преследуя непосредственные цели, и целые народы, и отдельные политики находятся в такой же зависимости от реальности, в какой гроссмейстер зависит от шахматной доски, фигур и правил. Иногда это увеличивает силу нации. Иногда — ведет ее к катастрофе. Случаи, когда окончательный итог соответствует изначальным планам, крайне редки.

В геополитике приняты два постулата. Первый — люди организуются в формирования крупнее семьи, что вынуждает их заниматься политикой. Также считается, что у людей существует естественная привязанность к себе подобным и к родным местам, окружающим их с момента рождения. Привязанность к племени, к городу или к народу естественна для человека. В наше время национальное самосознание значит очень много. Геополитика учит, что отношения между народами являются важным аспектом человеческой жизни, что говорит о повсеместном распространении такого явления, как война.

В соответствии со вторым постулатом характер нации (как и отношения между народами) во многом определяется географией. В данном случае мы используем термин «география» в широком смысле. Помимо физических характеристик местности он включает в себя воздействие на человека или общину того или иного места. В древности разница между Спартой и Афинами была разницей между городом, окруженным сушей, и морской империей. Афины олицетворяли богатство и космополитизм, в то время как для Спарты были характерны бедность, провинциальность и крайняя суровость нравов. Спартанец очень отличался от афинянина и по культурному развитию, и по политическим взглядам.

Если вам понятны эти утверждения, вы сможете представить себе большое количество людей, связанных воедино естественными человеческими узами, находящихся под влиянием географии и действующих определенным образом. США — это США, и поэтому они обязаны вести себя определенным образом. То же будет справедливым и для Японии, Турции или Мексики. Таким образом, становится ясно, что силы, формирующие нации, состоят из довольно ограниченного числа компонентов.

XXI в., как любое другое столетие, будет иметь свои войны, проблемы с бедностью, триумфы и поражения. Не обойдется без трагедий и удач. Люди будут трудиться, зарабатывать деньги, рожать детей, влюбляться и ненавидеть. Эти явления не носят циклического характера; они — неизменное условие человеческого существования. Но XXI в. окажется примечательным в следующем: он начнет собою эпоху, когда новая глобальная сила подчинит себе весь мир. Подобное случается не так часто.

Мы вступили в эру особенного внимания к США. Чтобы понять это лучше, нам нужно понять эту страну не столько из-за ее сокрушительной мощи, сколько из-за того, что ее культура распространится по всему свету и станет определяющей. Так же как французская и британская культуры были определяющими в период господства этих держав, американская культура, несмотря на свой юный возраст и варварскую сущность, будет определять образ мышления и поведения на всей Земле. Поэтому изучение XXI в. означает изучение Соединенных Штатов Америки.

Если бы я мог высказать только одну мысль о XXI в., я бы сказал, что европейская эра закончилась, а североамериканская — началась и США будут доминировать на мировой арене следующие 100 лет. Ход событий в XXI в. будет определяться Вашингтоном. Это не гарантирует того, что США обязательно являются справедливым или высоконравственным государством. Это точно не значит, что американская цивилизация уже стала зрелой. Но это значит, что во многом история США будет историей XXI в.

Глава 1. Заря американской эры

В США глубоко укоренилось мнение, что недалек тот день, когда страна потерпит полный крах. Почитайте письма, присылаемые в редакции журналов, побродите по Интернету или послушайте обсуждаемые по телевидению темы. Разрушительные войны,

неконтролируемый дефицит бюджета, высокие цены на бензин, коррупция в бизнесе и правительстве, стрельба в университетах и бесконечный список других проблем, каждая из которых носит абсолютно реальный характер, — все это создает впечатление, что американская мечта разбита и что пора расцвета США миновала. Если это вас не убеждает, послушайте европейцев. Они заверяют, что лучшие дни Америки позади.

Самое странное здесь в том, что все эти дурные предчувствия, как и многие другие подобные страхи, имели место еще во времена президентства Ричарда Никсона. Американцам свойственно опасаться, что их мощь и процветание — всего лишь иллюзия и что катастрофа поджидает где-то за углом. Это ощущение выходит за рамки идеологии. И защитники окружающей среды, и христиане-фундаменталисты говорят об одном: если мы не раскаемся в том образе жизни, который ведем, нам придется заплатить высокую цену... если не будет уже слишком поздно.

Любопытно, что нации, которая верит в свое «явное предназначение», свойственно не только ощущение приближающегося несчастья, но и не дающее покоя чувство, что ныне страна совершенно не та, что была прежде. Мы испытываем глубокую ностальгию по 50-м годам XX в., когда «все было проще». Это довольно странное убеждение. Если вспомнить, что в начале того периода были война в Корее и маккартизм, в середине — кризис в Литл-Рок, а в конце — паника, вызванная запуском *спутника* в СССР и берлинские события вместе с постоянно присутствовавшей угрозой атомной войны, то 50-е годы прошлого века представляются временем, полным тревог и мрачных предчувствий. Одна из самых популярных книг того периода носила название *The Age of Anxiety* («Век беспокойства»), а ее читатели с ностальгией вспоминали о былой Америке, так же как мы сейчас ностальгически вспоминаем о 50-х годах.

Американская культура представляет собой адскую смесь торжествующего высокомерия и беспросветной тоски. Итог — чувство уверенности, постоянно сменяемое страхом того, что страна уйдет под воду из-за таяния ледников при глобальном потеплении или будет стерта с лица земли Господом, разгневанным гомосексуальными браками, за что в обоих случаях мы несем личную ответственность. Перепады настроения американцев затрудняют осознание подлинной сущности США в начале XXI в. Но факт остается фактом — Америка невероятно сильна. Может быть, эта страна и приближается к катастрофе, но, если проанализировать основные данные, никаких признаков этого не видно.

Взглянем на статистику, которая сделает ситуацию яснее. Американцы — это около 4 % мирового населения, но производят около 26 % всех товаров и услуг. В 2007 г. валовой внутренний продукт (ВВП) США равнялся приблизительно 14 трлн. долларов, в то время как ВВП всех стран мира составлял 54 трлн. долларов. Около 26 % мировой экономической активности приходится на США. Вторая страна по мощи экономики — Япония, чей ВВП приблизительно равен 4.4 трлн. долларов, т. е. примерно 73 американской экономики. Экономика США столь сильна, что превосходит экономическую мощь четырех ближайших стран, вместе взятых, — Японии, Германии, Китая и Соединенного Королевства.

Многие люди указывают на упадок в автомобильной и сталелитейной отраслях промышленности, поколение назад бывших локомотивами американской экономики, как на пример нынешней деиндустриализации США. Да, безусловно, значительная часть промышленности переместилась за границу, а собственное производство в США сократилось до 2,8 трлн. долларов (в 2006 г.), оставаясь тем не менее самым крупным в мире, превосходящим более чем в 2 раза производство второй крупнейшей промышленной державы — Японии — и превышая объемы производства в Японии и Китае, вместе взятых.

Часто можно услышать разговоры о нехватке нефти, которая действительно существует и будет только усиливаться. Тем не менее, нужно отдавать себе отчет, что в 2006 г. США ежедневно добывали 8.3 млн баррелей нефти. Сравните эту цифру с 9.7 млн баррелей, добываемых Россией, и 10.7 млн баррелей — Саудовской Аравией. Объем нефти, добываемой США, равен 85 % объема нефти, добываемой Саудовской Аравией. США добывают больше нефти, чем Иран, Кувейт или Объединенные Арабские Эмираты. Импорт

нефти в страну очень велик, но, учитывая масштабы ее производства, это вполне объяснимо. Если сравнивать добычу природного газа в 2006 г., то Россия стала первой с показателем в 22, 4 трлн кубических футов добытого газа, а США оказались вторыми с 18, 7 трлн кубических футов, что превышает объем добычи природного газа вместе взятых стран, занявших последующие пять мест. Другими словами, несмотря на крайнюю озабоченность тем, что США полностью зависят от зарубежных энергоресурсов, фактически эта страна является одним из крупнейших мировых добытчиков энергоносителей.

Учитывая размеры американской экономики, по мировым меркам, США остаются малонаселенной страной. Средняя плотность населения в мире составляет 49 человек на 1 км². В Японии этот показатель равен 338, в Германии — 230, а в Америке — всего 31. Если исключить Аляску, большая часть которой непригодна для проживания, плотность населения в США возрастет до 34 человек на 1 км². В сравнении с Японией, Германией или остальной Европой, США заселены очень слабо. Даже если просто сравнить соотношение между населением и пригодной для возделывания землей, у Америки будет в 5 раз больше земли на человека, чем в Азии; почти в 2 раза больше земли, чем в Европе, и в 3 раза больше, чем в среднем во всем мире. Экономика складывается из трех факторов — земли, труда и капитала. Цифры говорят о том, что США есть куда расти, так как «потолок» этих трех показателей будет достигнут еще очень нескоро.

Есть много ответов на вопрос, почему экономика США столь сильна, но самый простой из них — военная мощь этой страны. США полностью господствуют на континенте, который неуязвим для вторжения и оккупации и на котором американские вооруженные силы превосходят силы их соседей. Практически все остальные промышленные державы мира пережили в XX в. разрушительные последствия той или иной войны. США участвовали в войнах, но сама Америка не познала всех послевоенных тягот. Военная мощь и географическое расположение привели к созданию экономической реальности. Другие страны теряли время, приходя в себя после очередной войны, а США — нет. Фактически благодаря этим войнам Америка и стала тем, чем она является сегодня.

К одному простому факту я вернусь еще не один раз. Флот США контролирует все океаны мира. О каком бы судне ни шла речь — о джонке в Южно-Китайском море, кенийском доу близ побережья Африки, танкере в Персидском заливе или прогулочном катере посреди Карибского архипелага, — каждый из них перемещается в любой точке земного шара под наблюдением американских космических спутников, и флот США по своему усмотрению решает, пропустить такой корабль или нет. Объединенные ВМС всех остальных стран мира даже не приближаются к тому, чтобы сравняться по числу кораблей с флотом США.

Такого еще никогда не происходило в истории человечества, даже в случае с Британией. Флоты, доминировавшие в своих регионах, бывали и раньше, но еще никогда не существовало флота, который имел бы подавляющее преимущество во всем мире. Это значит, что США могут вторгаться в другие страны, в то время как к ним вторгнуться — невозможно. Из чего следует, что, по здравому размышлению, США контролируют международную торговлю. Это стало основанием американской безопасности и богатства. Контроль над морями возник после Второй мировой войны и только укрепился во время последней стадии европейской эры, теперь представляя собой оборотную сторону экономических возможностей Америки и основу ее военной мощи.

Какие бы временные проблемы ни существовали у США, самым важным фактором в международных делах является огромный дисбаланс экономических, военных и политических сил. Любая попытка предсказать события XXI в., которая не начинается с признания исключительной мощи США, не имеет ничего общего с реальностью. Но я пойду еще дальше, сделав довольно неожиданное заявление: США лишь набирают силу. XXI столетие станет веком Америки. Это вовсе не голословное утверждение.

Последние 500 лет мировая система держалась на силе атлантической Европы — европейских стран, чьи берега омывает Атлантический океан: Португалии, Испании,

Франции, Англии и, в меньшей степени, Нидерландов. Эти страны преобразили мир, создав первую мировую политическую и экономическую систему в истории человечества. Как мы знаем, государства Европы утратили былое могущество в ходе XX в. вслед за распадом европейских колониальных империй. После этого образовался вакуум, который был заполнен США — доминирующей силой в Северной Америке и единственной мощной державой, граничащей и с Атлантическим, и с Тихим океанами. Северная Америка заняла место, которое Европа занимала 500 лет — между путешествием Колумба в 1492 г. и падением Советского Союза в 1991 г. США стали центром притяжения международной системы.

Почему же так произошло? Для того чтобы понять XXI в., очень важно осмыслить фундаментальные структурные изменения, которые произошли в последние десятилетия XX в., подготовив почву для нового столетия, столь же радикально отличающегося по форме и содержанию, как США отличаются от Европы. Мой аргумент заключается не только в том, что произошло нечто исключительное, но также в том, что у США был при этом весьма небольшой выбор. Дело тут не в политике. Все дело в том, каким образом действуют безлические геополитические силы.

Европа

До наступления XV в. люди жили замкнутыми, изолированными друг от друга сообществами. Человечество не осознавало, что все люди во многом подобны друг другу. Китайцы не знали про ацтеков, а майя — про зулусов. Возможно, европейцы и слышали про японцев, но по-настоящему их не знали и, безусловно, никак с ними не взаимодействовали. Вавилонская башня не только лишила людей возможности понимать друг друга. Она заставила цивилизации забыть о существовании друг друга.

Европейские страны, омываемые водами Атлантического океана, сняли барьеры между этими изолированными регионами и превратили мир в единое целое, в котором все его части взаимодействовали друг с другом. То, что происходило с австралийскими аборигенами, теперь было тесно связано с отношениями Англии с Ирландией и необходимостью найти за границей место для строительства исправительных колоний для британских заключенных. То, что происходило с вождями инков, непосредственно касалось отношений между Испанией и Португалией. Империалистический строй атлантической Европы привел к созданию единого мира.

Атлантическая Европа стала центром притяжения мировой системы (см. карту, стр. 35). События в Европе определяли многое из того, что происходило в других частях света. Без учета ее мнения другие народы и страны не осмеливались сделать ни единого шага. С XVI по XX в. едва ли существовал такой уголок земли, который бы избежал влияния европейских держав. Все вращалось вокруг них, как бы плохо или хорошо это ни было. А главной частью Европы была Северная Атлантика. И у того, кто контролировал это водное пространство, были ключи ко всему миру.

Европа не была ни самым цивилизованным, ни самым развитым регионом в мире. Так почему именно она стала центром? Фактически в XV в. Европа была настоящим захолустьем в техническом и научном отношении, в отличие от Китая или исламского мира. Тогда почему именно эти маленькие, удаленные страны? И почему их господство началось именно тогда, а не на 500 лет раньше или позже?

Европейское могущество предопределили два фактора: деньги и географическое расположение. Европа зависела от импорта товаров из Азии, в частности из Индии. К примеру, перец использовался не только как специя, но и как средство для заготовки мяса; его импорт играл существенную роль в европейской экономике. В Азии было много различных предметов роскоши, в которых нуждалась Европа, за что и готова была платить, и исторически импорт азиатских товаров осуществлялся по знаменитому Шелковому пути и другим маршрутам, достигавшим Средиземноморья. Из-за подъема Турции (которая станет

гораздо более заметной фигурой в XXI в.) эти пути оказались перекрыты, что увеличило стоимость импорта.

Европейские торговцы изо всех сил пытались найти путь в обход Турции. Жители Иберийского полуострова — испанцы и португальцы — выбрали мирную альтернативу: они стали искать другую дорогу в Индию. До этого им был известен только один путь в Индию, который шел в обход Турции, — вдоль всего атлантического побережья Африки и затем в Индийский океан. Они стали думать о другом пути, исходя из предположения о том, что Земля — круглая; о пути, который привел бы их в Индию и лежал бы на запад.

Возникла уникальная ситуация. В любое другое время в истории оказалось бы весьма вероятно, что отсталость и нищета атлантической Европы лишь усилятся. Но экономический ущерб был весьма ощутимым, а турки — очень опасны, поэтому необходимо было срочно что-то предпринять. Кроме того, имел место важнейший психологический момент. В Испании, откуда незадолго до этого изгнали мусульман, повсеместное чувство высокомерия и самодовольства достигло невиданных высот. В довершение всего под рукой имелось средство для выполнения такого исследования: уже существовали технологии, которые, при правильном использовании, могли решить турецкую проблему.

У испанцев и португальцев имелись корабли (каравеллы), приспособленные к океанским плаваниям, а также немало навигационных приборов, начиная с компаса и заканчивая астрольбией. Наконец, у них было оружие, в частности, пушки. И хотя все это оснащение было позаимствовано у других народов, именно испанцы и португальцы использовали его для создания эффективной экономической и военной системы. Теперь они могли плыть в самые далекие места, а пристав к берегу, вступить в бой — и победить. Люди, которые слышали пушечную канонаду и видели, как взрываются здания, неизменно становились уступчивей на переговорах. Когда испанцы и португальцы достигали цели своего путешествия, они могли вломиться в любую дверь и взять то, что считали нужным. В течение следующих нескольких веков европейские корабли, оружие и деньги доминировали в мире и создали первую глобальную систему — *европейскую эру*.

Атлантическая Европа

«Европа господствовала в мире, но не смогла совладать сама с собой»

И в этом кроется ирония: Европа господствовала в мире, но не смогла совладать сама с собой. В течение 500 лет ее раздирали на куски гражданские войны. В результате европейская империя так и не сложилась. Вместо нее существовали Британская, Испанская, Французская, Португальская империи и т. д. Европейские народы вели друг с другом изнурительные, бесконечные войны, одновременно вторгаясь на чужие территории, поработывая другие народы и правя большей частью мира.

Существовало множество причин, препятствовавших объединению Европы, но определяющим стал географический фактор: Ла-Манш. Сначала Испании, затем Франции и, наконец, Германии удалось подчинить себе Европейский континент, но никто из них не сумел пересечь Ла-Манш. Из-за того, что никому не удавалось разбить Британию, один завоеватель за другим терпел неудачу в своих попытках покорить всю Европу. Мирные периоды были лишь временными затишьями. Европа была обессилена начавшейся Первой мировой войной, в которой погибло более 10 млн человек — значительная часть целого поколения. Европейская экономика была разрушена, а уверенность в себе — подорвана. С точки зрения демографии, экономики и культуры Европа стала лишь бледной тенью себя прежней. А затем дела пошли еще хуже.

Последняя битва старой эры.

После Первой мировой войны США стали мировой сверхдержавой. Однако эта держава еще была явно в младенческом возрасте. С точки зрения геополитики Европа была способна еще на одну схватку, а психологически Америка еще не была готова стать постоянным игроком на мировой сцене. Но произошли два события. В Первую мировую войну США недвусмысленно заявили о своем присутствии. Кроме того, США оставили в

Европе тикающую часовую мину, которая должна была гарантировать могущество Америки после следующей войны. Такой часовой миной был Версальский договор, завершивший Первую мировую войну, но оставивший неразрешенными основные конфликты, из-за которых она была развязана. Этот договор гарантировал еще один раунд военных действий.

И война действительно разразилась в 1939 г., через 21 год после окончания предыдущей. Германия снова нанесла удар первой, на этот раз покорив Францию за 6 недель. Некоторое время США не вступали в войну, но следили за тем, чтобы она не окончилась победой Германии. Великобритания в нее вступила, вскоре начав получать от США помощь по программе ленд-лиза. Все мы помним первую часть этого словосочетания, согласно которой США поставляли Великобритании истребители и другую технику для борьбы с немцами, но о второй части обычно забываем. А ведь именно в соответствии с этим договором британцы передали почти все свои военно-морские базы в Западном полушарии Америке. Контроль этих баз и та роль, которую флот США играл при патрулировании Атлантического океана, означали, что Британия передала американцам ключи от Северной Атлантики, служившей Европе воротами во весь мир.

По обоснованным оценкам, общее количество жертв Второй мировой войны составило приблизительно 50 млн человек убитыми (военных и гражданских). После ее окончания от Европы не осталось камня на камне, и целые страны пребывали в плачевном состоянии. США же, напротив, потеряли около полумиллиона военных убитыми и почти не понесли жертв среди гражданского населения. В конце войны промышленность Америки была гораздо мощнее, чем до ее начала; США были единственным воюющим государством, имевшими подобные показатели. Ни один американский город не подвергся бомбардировкам (за исключением Перл-Харбора), никакая территория США не была оккупирована (кроме двух маленьких островков Алеутского архипелага), а людские потери, понесенные США, составили менее 1 % от общего числа погибших на войне.

Благодаря этому после Второй мировой войны США стали не только контролировать Северную Атлантику, но и господствовать на всех океанах. США также оккупировали Западную Европу, определив судьбу таких стран, как Франция, Нидерланды, Бельгия, Италия, и фактически судьбу самой Великобритании. Одновременно США завоевали и оккупировали Японию, практически как дополнение к завоеваниям в Европе.

Вот так европейские державы утратили свои империи — частично из-за истощения сил, частично из-за неспособности нести расходы на их содержание, равно как и из-за того, что США просто не хотели, чтобы эти империи существовали и дальше. Эти империи постепенно исчезли *в следующие 20 лет*, чему европейцы лишь изредка слабо сопротивлялись. Геополитическая ситуация (первые признаки которой можно было рассмотреть в дилемме, с которой столкнулась несколькими веками ранее Испания) пришла к своей логической развязке, окончившись катастрофой.

А теперь вопрос: было ли превращение США в ключевую сверхдержаву в 1945 г. следствием гениальной игры в духе Макиавелли? Американцы добились глобального превосходства ценой 500 тыс. жизней, в то время как другие народы потеряли на войне 50 млн соплеменников. Был ли Франклин Рузвельт столь неразборчив в средствах, или становление сверхдержавы произошло естественным образом, пока он реализовывал свой *принципы «четырех свобод» и выполнял устав ООН?* В конечном счете это не имеет значения. В геополитике наибольшую ценность имеют непредвиденные последствия.

Противостояние между США и СССР, известное как холодная война, было по-настоящему глобальным конфликтом. По своей сути это был спор за право наследия европейских империй, лежавших в руинах. Хотя за каждой стороной стояла мощная армия, у США изначально имелось одно важное преимущество. Территория Советского Союза была огромна, но в основном окружена сушей. Америка была почти столь же велика, но имела свободный доступ к мировым океанам. В то время как Советский Союз не мог сдерживать Америку, она, безусловно, могла сдерживать СССР. В этом заключалась *американская стратегия: сдерживать Советский Союз, тем самым препятствуя его росту.* От мыса

Нордкап в Норвегии до Турции и Алеутских островов США сформировали группу союзнических государств, опоясывавших Советский Союз, в которую после 1970 г. вошел даже Китай. В каждой точке, где у СССР был порт, его возможности оказывались ограниченными из-за географических факторов и американского флота.

В геополитике существуют две основные противоборствующие точки зрения на географию и власть. Согласно первой, которой придерживался англичанин Хэлфорд Джон Маккиндер, контроль над Евразией означает контроль над миром. Маккиндер говорил, что «тот, кто правит Восточной Европой [российской частью Европы], тот господствует над Хартлендом [центральной частью Евразии]. Держава, контролирующая Хартленд, господствует над Мировым островом [Евразией]. Кто контролирует Мировой остров, тот господствует в мире». Такой образ мышления определял британскую и, в сущности, американскую стратегию в холодной войне, когда США и Великобритания всячески пытались сдерживать экспансию из европейской части России. Иного мнения придерживался американский адмирал Альфред Тайер Мэхэн, считающийся величайшим американским экспертом в области геополитики. В своей книге *«Влияние морской силы на историю»* Мэхэн¹ выдвигает против утверждений Маккиндера контраргумент, доказывая, что контроль над морем равнозначен контролю над всем миром.

Как показала история, в определенной степени правы оказались оба. Маккиндер был прав, подчеркивая значимость сильной и объединенной России. Распад СССР поднял США на уровень единственной мировой сверхдержавы. Но именно американец Мэхэн указал на два принципиальных фактора. Падение Советского Союза было вызвано превосходством Америки на море и открыло путь военно-морским силам США к безраздельному владычеству в мире. Мэхэн также верно утверждал, что товары всегда дешевле перевозить морем, чем каким-либо иным способом. Еще в V в. до Рождества Христова афиняне были богаче спартанцев, потому что Афины имели порт, торговые корабли и военный флот для их защиты. Морские державы всегда богаче своих «сухопутных» соседей при равенстве всех прочих факторов. С началом глобализации в XV в. эта истина стала настолько абсолютной, насколько это только возможно в геополитике.

Контроль над морями со стороны США означал, что, во-первых, они получили возможность не только участвовать в мировой морской торговле, но и определять ее, что означало устанавливать правила или, по крайней мере, препятствовать установлению чужих правил, не подпуская другие страны к мировым торговым путям. В целом США сформировали международную торговую систему более тонко, используя право доступа к огромному американскому рынку как рычаг для формирования поведения других народов. Поэтому неудивительно, что, в дополнение к своему удачному географическому расположению, США достигли невиданного процветания за счет своего могущества на море, и, в свою очередь, Советский Союз просто не мог с ними состязаться, будучи заперт посреди массива суши.

Во-вторых, контроль над морями также давал США огромное политическое преимущество. В Америку нельзя было вторгнуться, а она могла вторгаться в другие страны, когда бы и как того ни пожелала. Начиная с 1945 г. США могли вести войны, не боясь того, что пути подвоза их подкрепления отрежут. Ни одна внешняя сила не могла вести войну на Северо-американском континенте. Фактически ни одна страна не могла проводить операции по высадке морского десанта без одобрения Америки. Например, когда британцы развязали против Аргентины войну из-за Фолклендских островов в 1982 г., это стало возможным лишь потому, что США не предотвратили этого. Когда британские, французские и израильские войска вторглись в Египет в 1956 г. вопреки желанию США, им пришлось уйти.

На протяжении всей холодной войны союз с США был всегда выгоднее, чем союз с

¹ Мэхэн (*Mahan*) Альфред Тайер. Влияние морской силы на историю 1660–1783. Пер. с англ. М. -Л. 1941. — Прим. ред.

СССР.

Советская империя

Советский Союз мог предложить оружие, политическую поддержку, некоторые технологии и многое другое. Но американцы могли предложить доступ к своей международной торговой системе и право поставлять товары на американский рынок. По значению это затмевало все остальное. Исключение из системы означало обнищание; включение в нее означало богатство. Вспомните, к примеру, различную судьбу Северной и Южной Кореи, Западной и Восточной Германии.

Интересно отметить, что в течение холодной войны США психологически были постоянно настороже. Корея, маккартизм, Куба, Вьетнам, *спутник*, «левый» терроризм в 70-80-х гг. XX в. и жесткая критика Рейгана со стороны европейских союзников — все это способствовало формированию в Америке чувства постоянного уныния и неуверенности. Царившие в обществе настроения неизменно наводили на мысль о том, что США постепенно утрачивают свое преимущество в холодной войне. Но в действительности с точки зрения соотношения сил, у СССР не было ни единого шанса. Об этой разнице между настроением американцев и геополитической реальностью важно помнить по двум причинам. Во-первых, она показывает незрелость американской мощи. Во-вторых, она свидетельствует об огромной силе. В связи с тем, что США не ощущали себя в безопасности, они действовали с невиданным до того упорством и энергией. В том, каким образом вели себя во время холодной войны американцы — от политических лидеров и инженеров до военных и сотрудников разведки, — не было и намека на какую-либо небрежность, а также уверенность.

Это стало одной из основных причин того, что США были удивлены своей победой в холодной войне. Америка и ее союзники окружили Советский Союз. Советские не могли себе позволить состязаться с Америкой на море и вместо этого были вынуждены тратить бюджет на строительство армий и ракет, будучи не в состоянии угнаться за темпами экономического роста США или привлечь своих союзников экономическими барышами. Советский Союз отставал все больше и больше. А затем он рухнул.

Распад СССР в 1991 г., через 499 лет после экспедиции Колумба, ознаменовал конец целой эпохи в истории. Впервые за 500 лет Европа лишилась власти, одновременно перестав быть основным пунктом международной конкуренции. После 1991 г. единственной мировой сверхдержавой стали США, превратившиеся в центр международной системы.

Мы проследили за тем, как США пришли к власти в XX в. Существует один дополнительный факт — малоизученные статистические данные, о которых я упоминал

раньше и которые об очень многом говорят. В 1980 г., когда дуэль США и СССР шла к своей кульминации, заметно увеличившийся объем транстихоокеанской торговли впервые в истории сравнялся с трансатлантической торговлей. Всего 10 лет спустя, вместе с развалом Советского Союза, масштаб транстихоокеанской торговли резко вырос, превысив объем трансатлантической торговли на 50 %. Вся геометрия международной торговли и, следовательно, всей мировой системы претерпевала невиданные изменения.

Как это повлияло на остальной мир? Стоимость контроля над морскими путями огромна. Большинство торгующих стран не в состоянии нести расходы по контролю над морскими путями, и поэтому они зависят от государств, у которых есть на это ресурсы. Поэтому военно-морские силы становятся инструментом мощного политического давления, и другие страны предпочитают держаться в стороне от таких расходов. Стоимость контроля над близлежащим водным пространством высока. Стоимость контроля над водным просторами, расположенными за тысячи миль от ваших границ, ошеломляюще высока. В истории было лишь считанное число народов, которым было под силу выдержать такие расходы — а в наши дни делать это не стало легче или дешевле. Взгляните на военный бюджет США и суммы, выделяемые на флот и соответствующие космические системы. Стоимость содержания авианосных ударных групп в Персидском заливе превышает общие военные бюджеты большинства стран. А контролировать Атлантический или Тихий океаны, не имея омываемых ими береговых линий, было бы слишком тяжелым экономическим бременем практически для любой страны мира.

Только в Северной Америке возможно существование страны, раскинувшейся на весь материк и способной диктовать свои порядки одновременно в Атлантическом и Тихоокеанском регионах. Поэтому Америка является центром притяжения международной системы. В начале американской эры США, безусловно, доминируют в Северной Америке. Это страна, которая в 1944–1945 гг. одновременно вторглась в Европу и Японию. Ее военные силы взяли под контроль оба океана и сохраняют этот контроль по сей день. Поэтому именно она будет играть в новой эре главенствующую роль.

Но важно помнить о том, что Испания некогда господствовала в Европе и была основным игроком в I-м столетии европейской эры. Ожидая, что Северная Америка будет центром притяжения международной системы ближайшие несколько веков, я также предполагаю, что США будут доминировать в Северной Америке по крайней мере столетие. Но, как и в случае с Испанией, утверждение о том, что Северная Америка — это центр притяжения, не гарантирует того, что США всегда будут доминирующей силой в Северной Америке. Много может случиться — от гражданской войны и поражения в войне за рубежом до появления новых государств у границ США с течением времени.

Но в краткосрочной перспективе (а под этим я подразумеваю следующие 100 лет) я готов утверждать, что мощь США настолько велика и так глубоко увязана с экономическими, технологическими и культурными реалиями, что Америка продолжит свой стремительный рост в XXI в., несмотря на неизбежные потрясения в виде войн и кризисов.

Такая точка зрения не вступает в противоречие с характерной для Америки неуверенностью в собственных силах. Психологически США представляют собой причудливую смесь самоуверенности и уязвимости. Любопытно, что это точное описание душевного состояния подростка, и это именно та стадия, на которой Америка вступила в XXI в. Ведущая мировая держава переживает затянувшийся подростковый кризис, находясь в поисках самой себя, к тому же довершенный невероятной новой силой и иррациональными перепадами настроения. С точки зрения истории США — это совсем юное и поэтому незрелое общество. Поэтому в данный момент не стоит ждать от Америки ничего иного, кроме бравады и отчаяния. А какие еще чувства может испытывать подросток, ищущий себя и свое место в этом мире?

Но если мы думаем о США как о подростке, находящемся в начале своего пути, мы также должны отдавать себе отчет в том, что, несмотря на настоящий имидж, впереди лежит зрелость. Взрослые люди отличаются большей стабильностью и силой, чем подростки.

Поэтому было бы логично предположить, что Америка находится на ранней стадии своего могущества. Это еще не полностью цивилизованное государство. Как и Европа в XVI в., Америка по-прежнему — варварское государство (это лишь описание, а не моральное суждение). Ее культура не сформирована. Ее воля определяет многое. Ее эмоции толкают страну в различных, подчас противоположных направлениях.

Существуют три стадии развития культуры. Первая — варварство. Варвары считают, что обычаи их деревни являются законами природы и что каждый, кто живет не так, как они, не достоин даже презрения и должен избавиться от своих заблуждений или умереть. Третья стадия — декаданс, упадок. Декаденты цинично полагают, что нет ничего, что было бы хоть чем-то лучше чего-то другого. Если они кого-то и презирают, так это тех, кто во что-либо верит. Нет ничего такого, за что стоило бы бороться.

Цивилизация — это вторая и самая редкая стадия развития. Цивилизованные люди могут мысленно сопоставить две противоположные идеи. Они считают, что существуют истины, которым приблизительно соответствуют культуры. В то же самое время они всегда помнят о возможности того, что они ошибаются. Сочетание веры и скептицизма изначально подразумевает нестабильность. Культуры переходят от варварского состояния к цивилизации, а затем к декадансу, по мере того как скептицизм подрывает уверенность в себе. Цивилизованные люди ведут выборочную, но эффективную борьбу. Безусловно, в каждой культуре есть люди, стоящие на варварской, цивилизованной или декадентской стадиях, но в разные времена в каждой культуре доминирует одно из таких состояний.

В XVI в. Европа находилась на варварском этапе развития, и уверенность христианства в собственных силах вдохновляла ее на первые завоевания. В XVIII и XIX вв. Европа перешла в цивилизованное состояние, а в ходе XX в. впадала в декаданс. США находятся в самом начале своего культурного и исторического пути. До настоящего времени они были недостаточно последовательны для того, чтобы у них была определенная культура. По мере того как они становятся центром притяжения мира, у них развивается такая культура, которая неизбежно будет в варварском состоянии. Америка — это то место, в котором правое крыло презирает мусульман за их веру, а левое — за их отношение к женщинам. Эти точки зрения, на первый взгляд столь различные, объединяет уверенность в том, что их собственные ценности совершенно очевидно являются лучшими. И, как и все варварские культуры, американцы готовы бороться за свои очевидные истины.

Я говорю это не в качестве критики, во всяком случае, не в большей степени, в какой можно критиковать подростка за то, что он такой, каков он есть. Это необходимая и неизбежная стадия развития. Но Америка — это юная культура, со свойственной ей неуклюжестью, прямоотой, порой жестокостью и частыми случаями глубоких внутренних противоречий. Американских диссидентов объединяет только уверенность в том, что их ценности лучшие. Каждая из этих характеристик пригодна для описания США, но, как и Европа в XVI в., Соединенные Штаты, несмотря на кажущуюся неумелость своих поступков, будут действовать с предельной эффективностью.

Глава 2. «Землетрясение» (война США с приверженцами джихада)

Американская эра началась в декабре 1991 г., когда распался Советский Союз, сделав США единственной сверхдержавой в мире. Но по-настоящему XXI в. начался через 10 лет, 11 сентября 2001 г., когда самолеты протаранили башни Всемирного торгового центра и Пентагон. Это стало первым серьезным испытанием американской эры. Можно спорить о том, одержали ли США победу в войне с исламскими террористами, но они, безусловно, выполнили свои стратегические задачи. Представляется очевидным и то, что эта война, как и любая другая, приближается к своему финалу, каким бы он ни был.

Люди часто говорят о «длительной войне» и о том, что противостояние США и мусульман будет длиться целое столетие. Как это часто бывает, в данном случае временное явление принимают за постоянное. Вспомните про 20-летние циклы, которые мы обсуждали.

Конфликт может перейти в тлеющую фазу, но уже не будет представлять собой стратегической угрозы интересам США. Аль-Каиде не удалось достигнуть своих целей. США преуспели не столько в том, чтобы победить в войне, сколько в том, чтобы не позволить добиться этого исламистам, чего с точки зрения геополитики вполне достаточно. XXI в. начался с крупного успеха Америки, который на первый взгляд казался не только поражением, но еще и осложнялся крайне затруднительной политической и психологической ситуацией.

В 2001 г. Аль-Каида планировала не просто провести атаку на США. Ее целью было продемонстрировать слабость Америки и силу Аль-Каиды. Лидеры этой организации считали, что, показав уязвимость Америки, они подорвут влияние тех правительств исламского мира, которые использовали отношения с США как инструмент стабилизации своих режимов. В таких странах, как Египет, Саудовская Аравия, Пакистан и Индонезия, Аль-Каида хотела свергнуть правительства, так как понимала, что для достижения своих целей ей необходим контроль над национальным государством, а не над одним Афганистаном, который из-за своей слабости и изолированности годился лишь на роль временной базы.

Очевидно, что распад СССР оказал огромное влияние на международную систему. Одно из последствий этого распада было особенно удивительным. Мощный Советский Союз и мощные США фактически обеспечивали стабильность международной системы за счет равенства сил между сверхдержавами. Это было наиболее ярко выражено вдоль границ СССР, где обе стороны находились в состоянии готовности в любой момент начать войну. К примеру, европейские государства из-за холодной войны старались быть «тише воды, ниже травы». Самый незначительный шаг мог привести к войне, поэтому ни Советский Союз, ни американцы не позволяли совершать ничего подобного. В действительности самыми интересными эпизодами холодной войны были те войны, которые так и не начались. Вторжение СССР в Германию не состоялось. Никакие военные операции в направлении Персидского залива предприняты не были. И, что важнее всего, удалось избежать ядерного холокоста.

Очень важно внимательно изучить последние 20 лет. Именно в этот период заложена основа тех событий, которые произойдут в следующие 100 лет. Так что в данной главе я буду больше говорить о прошлом, а не о будущем. Давайте представим, что крах СССР был подобен гигантскому состязанию по перетягиванию каната, в котором одна сторона внезапно обессилела и отпустила канат. Победа осталась за той стороной, которая по-прежнему его держала, но при этом она утратила равновесие, поэтому ее триумф также сопровождался полной неразберихой и расстройством. Канат, который до этого был туго натянут обеими сторонами, внезапно ослаб и стал вести себя непредсказуемым образом. Это было особенно хорошо заметно на границах двух блоков.

Некоторые перемены были мирными. Германия воссоединилась, а государства Балтии вновь стали независимыми, как и Украина с Белоруссией. Чехословакия разделилась на Чешскую Республику и Словакию, пройдя через «бархатный развод». В других странах события протекали куда более бурно. Румыния пережила настоящую революцию, а Югославия полностью распалась.

Откровенно говоря, из всех стран, расположенных у западной границы бывшего советского блока, Югославия была самым искусственным образованием. Основу ее населения составлял не один народ. Напротив, это был регион, где проживали различные народы и этнические группы, исповедовавшие разные религии и враждебные друг другу. Югославия, возникшая по воле стран, победивших в Первой мировой войне, была подобна клетке, в которую загнали одних из самых непримиримых соперников в Европе. Победители полагали, что для того, чтобы избежать войны на Балканах, следует создать единую страну, которая объединила бы все эти народы и группы. Довольно интересная теория. Но такой подход был подобен археологическим раскопкам в поисках окаменелых наций, оставшихся после древних завоеваний и упрямо цепляющихся за свою индивидуальность.

Так сложилось, что Балканы всегда были «горячей точкой» Европы. Здесь пролегал путь римлян на Средний Восток и путь турок в Европу. Здесь началась Первая мировая война. Каждый завоеватель оставлял после себя доминирующую нацию или религиозную группу, чьи представители с ненавистью относились ко всем, кто отличался от них по национальности или религиозным взглядам.

Югославия и Балканы

Всякая воюющая сторона совершала злодеяния неслыханной жестокости, о каждом из которых другие стороны помнили так же хорошо, как будто это случилось вчера. Балканы — не то место, где с легкостью забывают былые обиды.

Во время Второй мировой войны в Югославии произошел раскол, так как хорваты были на стороне Германии, а сербы — на стороне союзников. Затем ее целостность была восстановлена под руководством главы Коммунистической партии Югославии Иосипа Броз Тито. Политический курс страны был марксистским, но антисоветским, так как Югославия не желала становиться советским сателлитом и даже сотрудничала с Америкой. Оказавшись в зоне напряженности между государствами, входившими в НАТО и организацию Варшавского договора, югославы держались сплоченно, чему в немалой степени способствовала шаткость их положения.

В 1991 г., когда напряженность резко снизилась, Югославия распалась на составные части. Со стороны могло показаться, что произошел сдвиг горной породы, который привел к обширному землетрясению. У древних, но давно забытых и привыкших подчиняться национальностей внезапно появилась свобода действий. Вновь зазвучали названия, о которых никто не слышал с начала Первой мировой войны: Сербия, Хорватия, Черногория, Босния-Герцеговина, Македония, Словения. В каждой из этих стран немедленно оживились представлявшие соседние народы этнические меньшинства, которые обычно требовали выхода из состава таких государств. Словно кто-то открыл «ящик Пандоры», тем самым оказав большое влияние на развитие событий в первой половине XXI в.

Войну в Югославии часто ошибочно считают исключительно региональным, идиосинкразическим феноменом. Но рамки этого конфликта намного шире. Прежде всего, это было ответной реакцией на распад Советского Союза. Страсти, которые удавалось сдерживать почти 50 лет, вновь закипели. Границы, установленные, казалось бы, раз и навсегда, стали с легкостью меняться. Это был региональный феномен, который стал возможен (и неизбежен) из-за глобального сдвига.

Более того, война в Югославии не стала единичным случаем. Это был лишь первый пример сдвига горной породы в северной части воображаемой линии, которая тянулась до самого Гиндукуша — горной цепи, занимающей значительную часть Северного Афганистана и Пакистана. Взрыв в Югославии был только прелюдией к еще более крупному «землетрясению», которое началось с распадом Советского Союза.

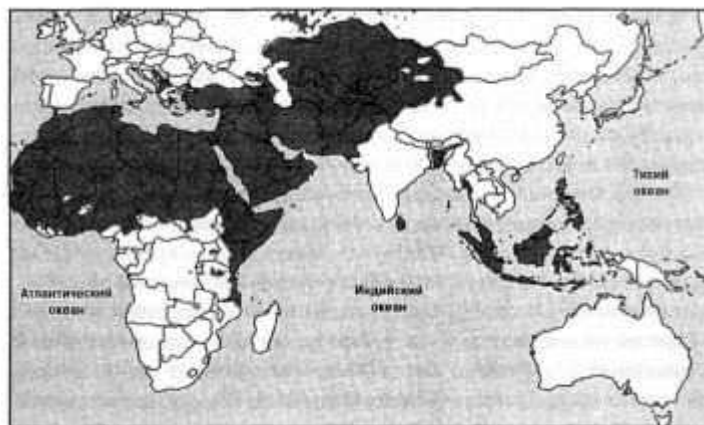
Исламское «землетрясение»

Зона конфронтации США и СССР охватывала все периферийные области Советского Союза. В конце холодной войны в ней выделялись три участка. Европейский участок тянулся от Норвегии до немецко-чешской границы, а азиатский начинался на Алеутских островах и через Японию уходил в Китай. Также существовал третий участок, простиравшийся от Северного Афганистана до Югославии. Именно он претерпел самые серьезные изменения после падения Советского Союза. Югославия распалась первой, но в итоге хаос охватил весь этот регион, перекинувшись даже на те страны, которые не располагались в непосредственной близости от границы.

В течение холодной войны обстановка на территории от Югославии до Афганистана и Пакистана практически не менялась.

Зона «землетрясения»

Исламский мир. Современность.

Время от времени там происходили различные события: например, Иран сменил свою проамериканскую ориентацию на антисоветскую и антиамериканскую одновременно, когда советские войска вторглись в Афганистан или во время ирано-иракской войны. Но, как ни странно, холодная война обеспечивала в регионе стабильность. Ни один из возникших там внутренних конфликтов так и не перерос в полномасштабный, международный кризис.

Но когда СССР перестал существовать, ситуация в регионе утратила всякую устойчивость. Речь идет в первую очередь о мусульманском регионе — одном из трех крупнейших в мире. Первый из них находится в Северной Африке, второй — в Юго-Восточной Азии, и, наконец, обширный, многонациональный, сотканный из противоречий регион тянется от Югославии до Афганистана и на юг, в глубь Аравийского полуострова (см. карту на этой стр.). Безусловно, его нельзя считать единым с самых разных точек зрения, но мы поступаем так, потому что он представлял собой группу государств, окружавших Советский Союз с юга.

Важно помнить о том, что демаркационная линия холодной войны проходила непосредственно через этот мусульманский регион. Азербайджан, Узбекистан,

Туркменистан, Кыргызстан и Казахстан в основном были мусульманскими республиками, входившими в состав Советского Союза. В Российской Федерации также есть места, где главным образом исповедуют ислам (например Чечня).

На протяжении всей истории этот район отличался крайней нестабильностью. С разных сторон его пересекают великие торговые и военные пути, которые завоеватели использовали еще со времен Александра Македонского и вплоть до эпохи завоеваний Британской империи. В геополитическом отношении он всегда представлял собой «горячую точку», но окончание холодной войны фактически подожгло фитиль, вставленный в пороховую бочку. После развала СССР шесть входивших в него мусульманских республик внезапно обрели независимость. Арабские государства на юге лишились либо своих покровителей (Ирак и Сирия), либо своих врагов (Саудовская Аравия и другие государства Персидского залива). У Индии больше не было покровителя, и Пакистан неожиданно освободился от индийской угрозы — по крайней мере на время. Все система международных отношений взлетела на воздух. Последние оплоты стабильности и постоянства пали.

Россия ушла из Центральной Азии и с Кавказа в 1992 г. Словно после отлива, на свет показались народы, не знавшие свободы уже около века или больше, у которых не было традиций самоуправления и, в некоторых случаях, жизнеспособной экономики. Одновременно с этим интерес Америки к этому региону снизился. После 1991 г., когда была проведена операция «Буря в пустыне», стало казаться, что уделять внимание таким местам, как Афганистан, более нецелесообразно. Холодная война осталась позади. Никакой стратегической угрозы американским интересам больше не существовало, и этот регион мог теперь сам определять свою дальнейшую судьбу.

В данной книге подробный рассказ о том, как весь этот регион, и Афганистан в частности, утратил стабильность, не более важен, чем поэтапное описание событий, происходивших в Югославии. Если резюмировать, получится приблизительно следующее: с конца 1970-х гг. и до падения Советского Союза США помогали создавать в Афганистане силы, которые могли бы сопротивляться СССР, а после распада Советского Союза эти силы обратились против самих США. Команды, обученные проведению секретных операций и хорошо знакомые с «кухней» американской разведки, провели против США операцию, которая состояла из множества этапов и закончилась 11 сентября 2001 г. В ответ США вторглись сначала в Афганистан, а затем в Ирак, что очень быстро привело к распаду региона.

Так же как поступал Советский Союз после Второй мировой войны, США использовали исламских террористов в собственных целях, а затем были вынуждены умирять монстра, которого сотворили собственными руками. Но это была еще не самая большая проблема. Более серьезную опасность представляло то, что развал СССР привел к разрушению системы отношений, которая кое-как поддерживала в регионе некоторый порядок. Без Аль-Каиды или с нею мусульманские государства внутри бывшего Советского Союза и к югу от него должны были стать нестабильными, и, как и в случае с Югославией, в эти процессы тем или иным образом неизбежно была бы вовлечена единственная сверхдержава — США. Это вызвало настоящую бурю. Все пространство от границы Австрии до Гиндукуша содрогалось, в то время как США пытались взять его под свой контроль, делая это, мягко говоря, не всегда успешно.

Существует и еще один аспект данной проблемы, на который стоит обратить внимание, особенно в свете демографических тенденций, которые мы обсудим в следующей главе. В это время весь мусульманский мир захлестнула волна народных волнений. Неприятие мусульманскими традиционалистами любых обусловленных демографическими изменениями отклонений от традиций (особенно касающихся статуса женщин) было одной из движущих сил, создававших нестабильность в регионе. Борьба между традиционалистами и сторонниками светской модели общества перевернула с ног на голову отношения между жителями этого региона, а США считали виновными во все чаще звучащих призывах к отделению религии от государства. Возможно, кто-то посчитает такое понимание ситуации

слишком поверхностным, но, как мы увидим дальше, оно имеет более глубокое и широкое значение, чем кажется на первый взгляд. Изменения в составе семьи, сопротивление таким изменениям и 11 сентября были тесно переплетены.

В самом широком геополитическом смысле события 11 сентября завершили период междувластия, возникшего между окончанием «холодной войны» и началом следующей эры — эры войны между США и мусульманами-фанатиками. Последние не могли победить, если под победой понимать воссоздание Халифата — исламской империи. Деление в исламском мире было слишком жестким, чтобы его преодолеть, а США были слишком сильны, чтобы потерпеть полное поражение. Воцарившийся хаос никогда не привел бы к победе приверженцев джихада.

Фактически эта эра представляет собой не столько цепочку последовательных событий, сколько региональный «спазм», результат исчезновения поля напряжения. Существование в исламском мире деления по этническим и религиозным принципам означает, что, даже если США будут вынуждены уйти из данного региона, там все равно не появится стабильной политической базы. Исламский мир разделен и нестабилен уже более тысячи лет и едва ли станет более сплоченным в обозримом будущем. Одновременно с этим даже поражение Америки в этом регионе не подорвет ее мирового могущества. Как и вьетнамская война, это станет лишь переходным этапом.

В настоящий момент конфликт между США и приверженцами джихада кажется настолько глубоким и значительным, что даже не верится, что он может просто прекратиться. Ученые мужи предсказывают, что ближайший век пройдет под знаком этого противостояния, но с точки зрения изложенного в общих чертах анализа событий в ближайшие 20 лет вероятность того, что в 2020 г. мир будет и дальше, затаив дыхание, следить за войной США и исламистов, крайне мала. В сущности, то, что сейчас происходит в исламском мире, в конечном счете не будет иметь большого значения. Если предположить, что траектория американской мощи будет по-прежнему устремлена вверх, тогда к 2020 г. перед США будут стоять абсолютно другие проблемы.

Национальная стратегия Америки и исламские войны

В числе сил, обеспечивающих продвижение США, мы должны рассмотреть еще одну силу — национальную стратегию, определяющую американскую внешнюю политику. Могло показаться, что ответная реакция Америки на события 11 сентября 2001 г. не имеет никакого смысла, и на первый взгляд так оно и было. Складывалось впечатление, что ответные шаги выполняются хаотично, наугад, но вместе с тем, их следовало ожидать. И если оглянуться назад и критически оценить все действия, предпринятые США в этот период, за кажущейся беспорядочностью сразу станет заметен трезвый расчет.

Национальная стратегия начинается там, где заканчивается разработка политического курса. Давайте на мгновение представим, что Франклин Рузвельт решил не выдвигать свою кандидатуру на третий президентский срок в 1940 г. Повели бы себя по-другому в таком случае Япония и Германия? Согласились бы США с господством Японии в западной части Тихого океана? Смирились бы они с разгромом Великобритании и ее флота Германией? Возможно, какие-то детали бы изменились, но трудно себе представить, что США не вступили бы в войну или что война не закончилась бы победой союзников. Могла измениться тысяча мелких деталей, но общие черты этого конфликта, определенные национальной стратегией, остались бы прежними.

Могла ли Америка в ходе холодной войны избрать какую-то иную стратегию, кроме сдерживания Советского Союза? США не могли вторгнуться в Восточную Европу. Для этого Советская армия была слишком сильна и велика. С другой стороны, США не могли позволить СССР захватить Западную Европу, так как если бы Советский Союз контролировал ее промышленный комплекс, он рано или поздно подавил бы США. Сдерживание было не произвольно выбранной политикой, а единственно возможным

ответом Америки Советскому Союзу.

У каждого народа есть национальная стратегия, хотя это не значит, что все народы в состоянии достигнуть своих стратегических целей. Например, цель Литвы — быть свободной от иностранной оккупации. Но, принимая во внимание экономику, демографию и географическое положение этой страны, можно с большой долей вероятности предсказать, что она будет добиваться своей цели лишь время от времени и на непродолжительный срок. В отличие от большинства других стран мира, США выполнили большинство своих стратегических задач, которые я вкратце изложу чуть ниже. Для их выполнения приспособлена как американская экономика, так и само общество.

Национальная стратегия страны так глубоко «сидит» в ДНК населяющего ее народа и кажется ему такой естественной и очевидной, что политики и генералы даже не всегда отдают себе в этом отчет. Эта стратегия в такой степени определяет их способность к логическому суждению, что является для них чем-то вроде подсознательной реальности. Но для геополитиков как национальная стратегия страны, так и логика, стоящая за поступками ее руководителей, быстро становится очевидной.

Национальная стратегия не всегда предполагает ведение войны. Она касается всех вместе взятых процессов, которые составляют мощь нации. Но в случае США (и, возможно, больше, чем для какой-либо другой страны) национальная стратегия действительно предполагает как ведение войны, так и взаимосвязь между войной и экономической жизнью. На протяжении всей своей истории США были воинственной страной.

США вели войну приблизительно 10 % времени всего своего существования. В этот перечень входят только крупные войны — война 1812 г., американо-мексиканская война, гражданская война, Первая и Вторая мировые войны, войны в Корее и Вьетнаме. Сюда не включены более мелкие конфликты вроде испано-американской войны или операции «Буря в пустыне». В течение XX в. США воевали уже 15 % времени. А во 2-й половине XX в. — 22 % времени. С начала XXI в., с 2001 г., США постоянно ведут военные действия. Войны играют центральную роль в американском познании жизни, и США все чаще и чаще обращаются к военным действиям. Понятие «война» составляет неотъемлемую часть американской культуры и глубоко укоренилось в американской геополитике. И поэтому цель, ради которой ведется война, необходимо четко понимать.

Америка возникла в результате войны и продолжает воевать по сей день со всевозрастающим темпом. Возможно, национальная стратегия Норвегии больше связана с экономикой, чем с военными действиями, но стратегические цели США, вместе с их национальной стратегией, изначально были продиктованы страхом. То же самое можно сказать о многих народах. Рим не собирался покорять весь мир. Он хотел защитить себя — и, по мере выполнения этой цели, превратился в империю. Изначально США были бы вполне удовлетворены и тем, чтобы не позволить британцам напасть и разбить их силы, как случилось в войну 1812 г. Однако избавление от одних страхов неизбежно приводит к появлению других. Нациями руководит страх утратить то, что у них есть. Поэтому постарайтесь рассмотреть все нижесказанное с точки зрения такого страха.

У США есть пять геополитических целей, которые определяют их национальную стратегию. Обратите внимание, что эти цели постепенно, шаг за шагом, становятся все масштабнее, амбициознее и сложнее.

1-я цель:

полное господство армии США в Северной Америке

Если бы США остались горсткой отдельных штатов, расположенных между Атлантическим побережьем и Аллеганскими горами, они имели бы крайне мало шансов на то, чтобы уцелеть. Им было необходимо не только объединиться, но еще и занять обширные пространства между Аллеганскими и Скалистыми горами. Это давало молодому государству стратегическую глубину территории, а также контроль над одними из самых плодородных сельскохозяйственных земель в мире. И, что еще важнее, эти земли были густо опутаны

сеть судоходных рек, позволявших доставлять излишки сельскохозяйственной продукции на мировые рынки, что привело к созданию класса фермеров-предпринимателей, не имевшего аналогов в истории.

Приобретение Луизианы в 1803 г. дало Соединенным Штатам права на эту землю. Но лишь после битвы при Новом Орлеане в 1814 г., в которой Эндрю Джексон разгромил британцев, нация получила полный контроль над этим районом, так как Новый Орлеан был единственным пунктом контроля всей системы речного судоходства. Если после битвы при Йорктауне произошло становление нации, то после битвы при Новом Орлеане произошло становление экономики всей страны. А сделать ее крепкой позволила битва при Сан-Хасинто, в нескольких сотнях миль к западу от Нового Орлеана, в которой мексиканская армия была разбита техасцами и больше никогда не могла представлять собой угрозы бассейну Миссисипи.

Система рек Америки

Поражение мексиканской армии вовсе не было неизбежно. Мексика была во многом более развитой и сильной страной, чем США. Ее поражение сделало американскую армию доминирующей силой в Северной Америке и закрепило весь континент за США — огромной и богатой страной, которой уже никто не мог бросить вызов.

2-я цель:

устранение любой угрозы США со стороны любого государства Западного полушария

После того как Северная Америка была взята под контроль, единственная непосредственная угроза могла исходить только от Латинской Америки. В действительности Северная и Южная Америка представляют собой острова, которые, по сути, не соединены: крупные армии не в состоянии пройти через Панаму и Центральную Америку. Объединение стран Южной Америки в единое целое произойдет еще не скоро. Если посмотреть внимательно на ее карту, оставив без внимания непроходимую местность, становится ясно, что здесь не может быть трансконтинентальной державы, так как континент разделен на две части (см. карту на стр. 62). Поэтому ни одно государство Южной Америки не может угрожать Соединенным Штатам.

Основная опасность в этом полушарии исходит от европейских стран с военно-морскими базами в Южной и Центральной Америке и в Карибском бассейне, а также сухопутными войсками в Мексике. Именно этому была посвящена доктрина Монро — еще задолго до того, как у США появилась возможность не позволять европейцам создавать здесь свои базы, они провозгласили блокирование действий европейцев стратегической необходимостью. Страны Латинской Америки могут доставить США серьезное беспокойство лишь в том случае, если там будут размещены базы иностранных государств.

Южная Америка: непроходимые территории

3-я цель:

полный контроль над морскими доступами к США и предотвращение любой возможности вторжения с моря

В 1812 г. британский флот поднялся по Чесапикскому заливу и уничтожил Вашингтон. В течение всего XIX в. США страшно боялись того, что британцы перекроют им доступ к океану, используя свой полный контроль над Северной Атлантикой, и тем самым их «задушат». Эти опасения не всегда были параноидальными: британцы действительно не раз рассматривали такую возможность. Именно в этой проблеме кроется первопричина американской одержимости Кубой, начиная с испано-американской и заканчивая холодной войной. И эта одержимость не раз проявлялась в других ситуациях. После того как США установили контроль над западным полушарием в конце XIX в., у них появилась идея вытеснить иностранные военно-морские силы с морских путей, пролежавших вблизи их границ. Сначала США обезопасили свои тихоокеанские подступы. Во время гражданской войны они купили Аляску, а в 1898 г. аннексировали Гавайи. Два этих акта лишили любой вражеский флот возможности приблизиться к континенту с запада, так как найти подходящее место для якорной стоянки и пополнения запасов было бы невозможно. Затем США закрепились в Атлантике, воспользовавшись слабостью Великобритании во время Второй мировой войны и оттеснив ее силы от ближних подступов к побережью США. А к концу Второй мировой войны США создали военно-морской флот такой мощи, что британцы были уже не в состоянии действовать в атлантическом регионе без одобрения Америки. Все это сделало США практически неуязвимыми для вторжения.

4-я цель:

*полное господство над мировым океаном
для укрепления физической безопасности США
и обеспечения контроля над международной торговой системой*

То, что после Второй мировой войны у США появился не только самый большой в мире военно-морской флот, но и разветвленная сеть морских баз в разных частях света, изменило систему мироустройства. Как я уже говорил, любое морское судно, торговое или военное, находящееся в Персидском заливе, Южно-Китайском море или в акватории Карибского архипелага, может быть под наблюдением военно-морского флота США, который волен принять решение о его досмотре, остановке или потоплении. С конца Второй мировой войны и до наших дней суммарная мощь всех существующих флотов мира не могла даже близко сравниться с мощью американских военно-морских сил.

И это выдвигает на первый план самый важный геополитический факт в мире: США контролируют все мировые океаны. Еще ни одна держава в истории не была способна на такое. И в таком контроле кроется не только основа американской безопасности, но и основа ее способности формировать международную систему. Ни одно судно не может попасть в какой-либо пункт назначения, если США не дадут на то своего согласия. И, в конечном счете, сохранение своего контроля над мировыми океанами является самой важной геополитической целью США.

5-я цель:

лишение любой страны возможности оказывать сопротивление глобальному превосходству военно-морских сил США

После беспрецедентного успеха США, позволившего им стать полновластными хозяевами всех мировых океанов, Америка, безусловно, хотела сохранить такое положение. Самым простым способом добиться этого было не позволять другим нациям строить флоты, что можно было сделать, лишив их мотивации к строительству кораблей... либо необходимых средств. Одна составляющая такой политики — «пряник» — заключается в том, чтобы обеспечить всем странам доступ к морю и тем самым сделать для них необязательным строительство собственных флотов. А другая составляющая — «кнул» — предусматривает вовлечение потенциальных противников в конфликты на суше, чтобы вынудить их расходовать военные бюджеты только на сухопутные войска и танки, а не на военно-морской флот.

После окончания холодной войны у США остались постоянные интересы и четкая стратегия. США были неизменно заинтересованы в том, чтобы не дать какому-либо государству в Евразии укрепиться настолько, чтобы оно могло выделять часть средств на строительство своего военно-морского флота. Так как единой угрозы евразийской гегемонии больше не существовало, США сосредоточили внимание на появлении второстепенных, региональных гегемонов, которые могли добиться в своем районе достаточного уровня безопасности для попытки строительства собственного флота. И поэтому США создавали многочисленные союзы с неоднократно меняющимся составом, которые должны были стеснять свободу действий любого потенциального регионального гегемона.

Соединенным Штатам приходилось поддерживать постоянную готовность к регулярному, но абсолютно непредсказуемому вмешательству в ход событий на всем евразийском пространстве. После падения СССР они провели ряд операций, целью которых было сохранить в регионе баланс сил и воспрепятствовать подъему того или иного государства. Их первым серьезным вмешательством были события в Кувейте, где США «наступили на горло» амбициям Ирака как раз в то время, когда Советский Союз доживал свои последние дни. Следующее вмешательство имело место в Югославии, где США стремились помешать установлению гегемонии Сербии на Балканском полуострове. Третьим примером вмешательства стала их борьба с исламским миром, направленная на разрушение планов Аль-Каиды (или чьих-то еще) по созданию мощной исламской империи. Частью этого вмешательства были военные действия в Афганистане и Ираке.

Несмотря на поднятую вокруг них шумиху, эти операции не были крупномасштабными. Например, в Ираке, во время самой крупной кампании, США

задействовали менее 200 тыс. солдат, из которых потеряли менее 5 тыс. убитыми. Это приблизительно 6–8% потерь, понесенных во Вьетнаме, и около 1% потерь во Второй мировой войне. Для страны с населением более четверти миллиарда людей оккупационные силы такого размера — это ничто. Склонность США чрезмерно драматизировать незначительные столкновения объясняется относительной незрелостью Америки как нации (говорю так, несмотря на то что за время военной службы моего сына дважды направляли в Ирак).

Все вышесказанное позволяет нам понять ответную реакцию Америки на вылазки исламских террористов и многое из того, что случилось. Систематически достигая своих стратегических целей, США видели свою конечную задачу в том, чтобы помешать появлению любого сильного государства в Евразии. Однако парадоксальность ситуации заключалась в следующем: как бы ни заверяли политики общественность в обратном, США всегда вмешивались не с целью чего-то достигнуть, а с целью помешать чему бы то ни было. США хотели помешать установлению стабильности в тех областях, где могла появиться другая сила. Их целью было не стабилизировать, а дестабилизировать. И это объясняет, каким образом США отреагировали на исламское «землетрясение» — США стремились помешать появлению крупного и мощного исламского государства.

Если обойтись без риторики, сохранение мира в Евразии не является одним из первостепенных интересов Соединенных Штатов. Они также не заинтересованы в том, чтобы полностью выиграть войну. Как и в случае с Вьетнамом или Кореей, цель США в этих конфликтах — просто чинить препятствия определенной стране или дестабилизировать ситуацию в регионе, а не наводить порядок. В свое время будет допустимо даже полное поражение Америки. Однако принцип использования, в случае крайней необходимости, минимального количества силы для сохранения равенства сил в Евразии в данный момент является (и останется в будущем) главной движущей силой внешней политики США в XIX в. В самых неожиданных местах, в самое неожиданное время будет еще много конфликтов, подобных Косово и Ираку. Действия США станут казаться иррациональными и якобы направленными на то, чтобы стабилизировать обстановку на Балканах или Ближнем Востоке. Но так как их основной целью будет, скорее, создание препятствий или дестабилизация Сербии или Аль-Каиды, вмешательство США будет вполне рациональным. При этом оно никогда не будет приводить к результатам, хотя бы отдаленно напоминающим «решение проблемы», и всегда будет выполняться со слишком незначительными силами, чтобы играть решающую роль.

После «землетрясения»

Современная международная система совершенно разбалансирована. США настолько сильны, что весь остальной мир практически не в состоянии контролировать их поведение. По своей сути международная система всегда стремится к равновесию. Это объясняется тем, что в неуравновешенном мире небольшим государствам угрожает опасность со стороны более крупных, никем не сдерживаемых стран. Поэтому они зачастую формируют коалиции с другими государствами, чтобы сравняться по силе со своими более мощными оппонентами. После того как США потерпели поражение во Вьетнаме, они объединились с Китаем, чтобы контролировать Советский Союз, чья мощь в тот момент казалась почти безграничной.

В XXI в. создавать коалиции для сдерживания США будет крайне сложно. Слабым странам легче достигнуть согласия с США, чем вступать в антиамериканскую коалицию, создать и сохранить которую довольно обременительно. А если коалиция распадется, как это часто случается, у США может оказаться хорошая память.

Как итог, налицо следующее противоречие: с одной стороны, к США испытывают крайнюю неприязнь и страх; с другой стороны, отдельные нации по-прежнему пытаются найти способ жить с США в мире. Для XXI в. такая неуравновешенность и попытки

сдержанность США станут весьма характерными. Это будет опасное столетие, особенно для всего остального мира.

В геополитике существует ключевой критерий, известный как «допустимая погрешность». С его помощью можно предсказать те пределы, в рамках которых у страны есть право на ошибку. Допустимая погрешность состоит из двух частей: типов опасности, угрожающей нации, и запаса силы, которой она обладает. У некоторых стран очень маленькая допустимая погрешность. Они бесконечно обдумывают каждую деталь своей внешней политики, понимая, что малейший ложный шаг приведет к катастрофе. У Израиля и Палестины допустимые погрешности минимальны, что объясняется небольшим размером их территорий и местоположением. У Исландии, напротив, практически неограниченные права на совершение ошибок. Это маленькая страна, но ее ближайшие соседи находятся очень далеко. Допустимая погрешность у США огромна. В Северной Америке США чувствуют себя в безопасности и обладают сокрушительной мощью. Поэтому США часто легкомысленно относятся к использованию своей силы в различных частях света. В этом нет ничего глупого. Просто им нет необходимости вести себя осмотрительнее. Более того, излишняя осмотрительность часто ведет к снижению эффективности. словно банкир, готовый выдавать крайне рискованные кредиты в ожидании того, что в конечном счете он все равно преуспеет, США придерживаются политики, которую другие страны считают безрассудной. Ее результаты будут болезненными или даже разрушительными для других стран. А США будут идти вперед и процветать.

Мы видели это во Вьетнаме, и мы также видим это в Ираке. Упомянутые конфликты — всего лишь отдельные эпизоды в истории США, не имеющие долгосрочного значения — но не для вьетнамцев и иракцев. США — молодая и варварская страна. Населяющий ее народ быстро приходит в волнение и испытывает нехватку чувства исторической перспективы. В действительности это добавляет Америке сил, подпитывая ее эмоциями для преодоления различных бедствий. США всегда реагируют на события излишне бурно. То, что в определенный момент кажется абсолютно катастрофическим, дает американцам мотивацию для окончательного разрешения проблем. Недавно появившаяся держава всегда реагирует чрезмерно бурно. Зрелая держава способна соблюсти равновесие. Держава, которая клонится к упадку, теряет способность к сохранению такого равновесия.

США — совсем юная нация, для которой роль ведущей мировой сверхдержавы еще не до конца привычна. И, подобно «зеленому» и полному эмоций подростку, она склонна все принимать близко к сердцу, даже если причина таких волнений будет забыта уже через несколько лет. Ливан, Панама, Кувейт, Сомали, Гаити, Босния и Косово — события во всех этих странах в свое время казались крайне важными и даже определяющими. А на поверку о них сейчас помнят лишь немногие — а если и помнят, то на вопрос, что именно вовлекло США в конфликт, едва ли дадут вразумительный ответ. Причина в том, что эмоциональное напряжение не может держаться долго и неизбежно спадает.

Но важнее всего здесь то, что ливанцы, панамцы, кувейтцы, сомалийцы, гаитяне, боснийцы и косовары хорошо помнят о своих размолвках с американцами. То, что для США было лишь временным явлением, становится определяющим событием в истории других стран. И в этом заключается основная асимметричность XXI в. Сфера интересов США охватывает весь мир, поэтому они ввязываются в многочисленные конфликты в разных уголках планеты. Такие столкновения не имеют для них решающего значения, но для стран, входящих в американскую сферу интересов, любое подобное вмешательство носит судьбоносный характер. Часто страна, столкнувшаяся с Америкой, ничего не может поделать с ее действиями, что вызывает у нее как минимум сильный гнев. Такой гнев только усиливается из-за того, что его объект — США — в целом неуязвим и безразличен к происходящему. XXI в. будет изобиловать примерами безразличия Америки к последствиям своих действий и растущего сопротивления и злости остальных стран к США.

Подводя итоги.

По мере того как война США и приверженцев джихада подходит к концу, первой линией обороны против представителей исламского радикализма станут сами мусульманские государства. Именно они являются конечной целью деятельности Аль-Каиды, и, каких бы взглядов на ислам или отношения с Западом они ни придерживались, мусульманские государства не передадут Аль-Каиде бразды правления. Более вероятен вариант, при котором они задействуют все возможности государственного аппарата (разведку, силы безопасности и армию), чтобы ее уничтожить.

Любое поражение Аль-Каиды равнозначно победе США. Царящие в исламском мире раздор и неспособность к единству говорят о том, что США добились своей стратегической цели. Совершенно очевидно, что с 2001 г. они старались внести в исламский мир хаос, тем самым вызывая к себе вражду и, возможно, способствуя появлению новых террористов, которые могли напасть на них в будущем. Но «землетрясение» в этом районе так и не привело к созданию региональной сверхдержавы. В сущности, этот регион еще никогда не был таким разобщенным, как сейчас, что с большой долей вероятности ставит точку в этом противостоянии. Скорее всего, США потерпят поражение или зайдут в тупик и в Ираке, и в Афганистане, что даст повод говорить о том, что эти войны закончились для них плачевно. Нет никаких сомнений, что во время кампании в Ираке американцы действовали неуклюже, прямолинейно и подчас бесхитростно. Своим стремлением решить все с помощью силы и чрезмерным упрощением сложных проблем они действительно напоминали подростка. Но в более широком стратегическом понимании вопроса это не имеет значения. До того момента, пока мусульмане будут враждовать друг с другом, победа всегда будет на стороне США.

Это вовсе не означает, что в исламском мире в определенный момент не может появиться национальное государство, способное стать региональной сверхдержавой и бросить вызов Америке. На протяжении многих веков Турция была лидером мусульманского мира, и, как мы увидим в следующих главах, она снова возвращается на мировую сцену. Основой ее подъема будет не хаос, вызванный падением СССР, а новые движущие силы. Гнев неспособен творить историю. Ее способна творить сила. Гнев может лишь дополнить силу, которая складывается из более фундаментальных реалий: географии, демографии, технологий и культуры. Каждая из них будет определять мощь Америки так же, как мощь Америки будет определять ход событий в XXI в.

Глава 3. Население, компьютеры и культурные войны

В 2002 г. Усама бен Ладен написал в своем «Открытом письме Америке»: «Вы — нация, которая использует женщин как потребительские товары или средства рекламы, призывая покупателей приобретать их. Вы используете женщин, чтобы обслуживать пассажиров, посетителей и иностранцев и тем самым увеличить свою прибыль. А затем трубите о том, что выступаете за освобождение женщин».

Как явствует из этой цитаты, Аль-Каида сражается за традиционное понимание семьи, которому в ее программе отведена главенствующая роль. В основе традиционной семьи лежит несколько четких принципов. Во-первых, жизнь женщины должна протекать в границах дома, а жизнь за его пределами — это прерогатива мужчины. Во-вторых, сексуальность возможна только в семье и в доме, а внебрачная, внесемейная сексуальность недопустима. Сам факт появления женщины за пределами дома уже равнозначен внебрачной сексуальности. В-третьих, основными задачами женщины является воспроизводство и воспитание следующего поколения. Следовательно, для сохранения целостности семьи и общества необходим жесткий контроль над женщинами. Довольно любопытно, что речь здесь идет исключительно об обязанностях женщин, что ясно видно из письма бен Ладена. В американском образе жизни ему особенно ненавистна пропаганда совершенно иных взглядов на роль женщины и семьи.

Взгляды Аль-Каиды свойственны не только Усаме бен Ладену или последователям

ислама. Возможно, те крайние меры, на которые готова пойти эта группа, и выделяют ее среди остальных, но вопрос о роли женщин и семьи является определяющим для большинства основных религий. Традиционный католицизм, фундаментальный протестантизм, ортодоксальный иудаизм и различные ответвления буддизма занимают весьма схожие позиции. Все эти религии, как и все общества, переживают внутренний раскол. Когда мы говорим о «культурных войнах», в США под пологом битвы подразумевается семья и ее определение. Любое общество раздирают противоречия между традиционалистами и теми, кто пытается дать новое определение семье, женщинам и сексуальности.

В XXI в. данный конфликт разгорится еще больше, но традиционалисты занимают оборонительную позицию и в итоге проиграют сражение.

Все дело в том, что за последние 100 лет сама структура человеческой жизни (и в особенности жизни женщин) трансформировалась, а вместе с ней изменилась и структура семьи. То, что уже произошло в Европе, США и Японии, происходит и в других странах мира. Эти вопросы станут камнем преткновения для многих обществ, но в конечном счете избежать трансформации семьи будет невозможно.

Это не значит, что сама идея трансформации изначально чем-то хороша или плоха. Просто помешать этой тенденции никак нельзя, так как демографические реалии в мире переживают перемены. Основным и самым важным демографическим изменением в современном мире является резкое сокращение рождаемости во всех странах. Позвольте мне повторить: самые важные статистические данные сегодня — это данные об общем снижении уровня рождаемости. С каждым годом женщины рожают все меньше и меньше детей. Это означает не только скорое прекращение бурного роста населения, который продолжался последние два столетия, но и тот факт, что женщины тратят гораздо меньше времени на рождение и воспитание детей, хотя средняя продолжительность их жизни значительно увеличилась.

На первый взгляд, в этом нет ничего примечательного, и до некоторой степени так оно и есть. Но мне хотелось бы показать, как вполне обыденные факты могут привести к появлению таких групп, как Аль-Каида, почему появятся еще больше подобных групп и почему они не могут победить. Также вы увидите, почему европейскую эру, основой которой было постоянно растущее население (за счет завоевания других народов или естественного прироста), сменяет американская эра, берущая свое начало в стране, в которой малая населенность всегда считалась нормой. Давайте начнем с сокращения роста населения.

Сокращение населения.

В последние десятилетия общепризнанной истиной было то, что мир столкнулся с проблемой демографического взрыва. Все считали, что неуправляемый рост населения приведет к нехватке и без того скудных ресурсов и уничтожению окружающей среды. Большому количеству людей потребуется большее количество ресурсов в виде пищи, энергии и товаров, что, в свою очередь, приведет к ускорению глобального потепления и к другим экологическим катастрофам. Ни у кого не вызывал сомнений факт, что население растет.

Однако эта модель более не соответствует действительности. Мы уже видим, что в развитых промышленных странах происходят перемены. Люди стали жить дольше, и из-за снижения рождаемости все меньше молодых рабочих могут прийти на смену целой «армии» пенсионеров. Европа и Япония уже столкнулись с этой проблемой. Но стареющее население — лишь верхушка айсберга, первая проблема, преподнесенная приближающимся сокращением населения.

Люди полагают, что, несмотря на возможное замедление роста населения в Европе, общее население планеты будет продолжать безудержно расти благодаря высокому уровню рождаемости в менее развитых странах. Но в реальности все обстоит с точностью до

наоборот. Рождаемость снижается повсеместно. Развитые промышленные страны лидируют по темпам снижения населения, но остальные страны мира не отстают от них ни на шаг. И этот демографический сдвиг поможет формировать историю XXI в.

Некоторые из самых значимых развитых стран мира, таких как Германия и Россия, потеряют значительную часть своего населения. Современное население Европы в совокупности составляет 728 млн человек. По прогнозам экспертов ООН, к 2050 г. оно снизится приблизительно до 557–653 млн человек, иными словами, значительно сократится. Более низкий прогноз основывается на предположении о том, что у каждой женщины в среднем будет 1,6 ребенка, а более высокий — на предположении, что у женщины в среднем будет 2,1 ребенка. В наши дни в Европе коэффициент рождаемости равен 1,4 ребенка на женщину. Поэтому далее в книге мы будем ориентироваться на более низкие цифры прогнозов.

В прошлом сокращение населения всегда означало упадок власти. В случае с Европой все пройдет именно по такому сценарию. Но для других стран (таких как США) сохранение уровня населения или поиск технологических способов помешать его сокращению будут крайне важны, если они хотят удержать политическую власть в ближайшие 100 лет.

Столь смелое утверждение необходимо подкрепить доказательствами, поэтому, перед тем как рассмотреть последствия, нам нужно сделать паузу и углубиться в цифры. Это поворотный момент в истории человечества, и мы должны четко понимать, чем он вызван.

Начнем с простых фактов. Где-то в период 1750–1950 гг. население мира увеличилось приблизительно с 1 млрд до 3 млрд человек. В период 1950–2000 гг. оно удвоилось — с 3 млрд до 6 млрд человек. При этом оно не просто росло, а росло ошеломляющими темпами. Если бы траектория роста так и шла вверх, это неизбежно привело бы к глобальной катастрофе.

Но рост населения не усилился. В действительности он значительно замедлился. Согласно данным ООН, в период 2000–2050 гг. население будет расти дальше, но приблизительно только на 50 %, вдвое сократив темпы роста последних 50 лет. Во 2-й половине XXI в. картина становится еще интереснее. И вновь население будет расти, но только на 10 %, согласно оценкам других экспертов. Со стороны может показаться, как будто кто-то нажимает на тормоз. На самом деле, судя по некоторым прогнозам (не ООН, а других организаций), численность всего мирового населения начнет уменьшаться примерно с 2100 г.

Ярче всего эта тенденция проявится в развитых промышленных странах, многие из которых переживут значительное сокращение населения. Численность жителей стран, находящихся на среднем уровне развития (таких, как Бразилия или Южная Корея), стабилизируется около середины столетия и начнет снижаться примерно в 2100 г. Только в наименее развитой части мира (в таких странах, как Конго и Бангладеш) население будет расти до 2100 г., но уже далеко не с той скоростью, которая наблюдалась последние 100 лет. Все это говорит об одном: конец демографического взрыва близок.

Давайте внимательно рассмотрим крайне важное число: 2.1. Это то количество детей, которое в среднем должно быть у каждой женщины для поддержания стабильного уровня мирового населения. Любое превышение этого показателя приводит к росту населения, а любое уменьшение — к его убыли, при равенстве всех прочих факторов. По данным ООН, в 1970 г. у женщин в среднем рождалось 4.5 детей. В 2000 г. этот показатель снизился до 2.7 детей. Не забывайте, что это среднестатистические показатели для всего мира. Иными словами, мы видим резкое снижение, которое объясняет, почему население продолжало расти, но уже не такими темпами, как раньше.

Специалисты ООН ожидают, что в 2050 г. общемировой коэффициент рождаемости снизится до среднестатистических 2.05 детей на одну женщину. Это чуть ниже упомянутой нами цифры в 2.1 ребенка, необходимых для обеспечения стабильности мирового населения. Также ООН дает еще один прогноз, основанный на других расчетах, при котором такой коэффициент равняется 1.6 ребенка на женщину. Таким образом, по прогнозам ООН,

которая располагает самыми исчерпывающими данными, к 2050 г. рост населения либо стабилизируется, либо будет резко снижаться. На мой взгляд, второй вариант более вероятен.

Ситуация будет еще любопытнее, если обратить свой взор на 44 наиболее развитые страны. Сейчас в этих государствах у женщин рождается в среднем 1.6 ребенка, что говорит о том, что их население уже сокращается. Рождаемость в странах, находящихся на средней ступени развития, снизилась до 2.9 и продолжает падать. Даже в наиболее отсталых странах уровень рождаемости снизился с 6.6 детей до нынешних 5.0 и, судя по прогнозам, снизится до 3.0 к 2050 г. Совершенно очевидно, что рождаемость снижается. Возникает вопрос: почему? Ответ на него может указать на причины, по которым когда-то произошел демографический взрыв; в определенном смысле, он остановил сам себя.

Существовали две очевидных причины демографического взрыва, по значимости не уступавшие одна другой. Во-первых, снизилась детская смертность; во-вторых, повысилась средняя продолжительность жизни. И то и другое было вызвано достижениями современной медицины, более полноценным питанием и первыми шагами на пути к системе здравоохранения, появившейся в конце XVIII в.

Какой-либо надежной статистики о коэффициентах рождаемости в 1800 г. не существует, но, вероятнее всего, у женщин в среднем было 6.5–8.0 детей. В 1800 г. женщины в Европе рожали столько же детей, сколько женщины рожают сегодня в Бангладеш, однако население не росло. Большинство детей, появившихся на свет в 1800 г., умирали, не достигнув детородного возраста. Учитывая, что пропорция в 2.1 ребенка, необходимых для поддержания уровня населения, была верна и в то время, из 8 родившихся детей 6 умирали до наступления половой зрелости.

Медицина, улучшившееся питание и гигиена значительно уменьшили показатели младенческой и детской смертности, пока в конце XIX в. большинство детей не стали достигать возраста, когда у них могли появиться собственные дети. Но хотя детская смертность снизилась, типичная модель семьи не изменилась. Люди, как и раньше, стремились иметь много детей.

Понять причины этого несложно. Во-первых, давайте признаем тот факт, что людям нравится заниматься сексом, а от секса без противозачаточных средств бывают дети — а в то время противозачаточных средств не было. Но люди были не против того, чтобы иметь много детей, так как дети приносили им богатство. В аграрном обществе каждая лишняя пара рук означает дополнительный доход; для того чтобы полоть сорняки, засеять землю и собирать урожай, не нужно уметь читать или заниматься компьютерным программированием. Дети также сменяли родителей после выхода последних на пенсию, если тем удавалось дожить до преклонного возраста. Социального обеспечения еще не существовало, но люди рассчитывали, что их дети о них позаботятся. Отчасти это была дань установившейся традиции, но также в основе такого мышления лежал здравый экономический расчет. Отец владел землей или имел право ее обрабатывать. Его ребенку был необходим доступ к земле, чтобы себя прокормить, поэтому отец мог диктовать свои условия.

Так как дети приносили семье процветание и доход в случае выхода старшего поколения на пенсию, основной обязанностью женщин было рожать как можно больше детей. Если у женщины появлялся ребенок и при рождении никто из них не погибал, семья в целом становилась обеспеченнее. В этом был определенный риск, но на него стоило идти как с точки зрения семьи, так и с точки зрения возглавлявшего ее мужчины. Там, где отправными точками были похоть и жажда наживы, почти не было причин не рожать детей снова и снова.

Привычки нельзя изменить за один день. Когда семьи стали в массовом порядке переезжать в города, иметь детей было по-прежнему выгодно. Когда им исполнилось 6 лет, родители могли отправить их работать на примитивные фабрики и забирать себе их жалованье. В раннем индустриальном обществе работникам фабрик не нужно было иметь намного больше навыков, чем сельскохозяйственным рабочим. Но по мере того, как

производственные процессы все усложнялись, на фабриках находилось все меньше применения 6-летним детям. Вскоре производству понадобились хотя бы немного образованные работники. А еще позже стали нужны менеджеры со степенью MBA.

С развитием технологий экономическая ценность детей пошла на спад. Для того чтобы остаться полезными с экономической точки зрения, детям было нужно ходить в школу учиться. И теперь, вместо того чтобы пополнять семейный капитал, они стали его тратить. Детей нужно было одевать, кормить и предоставлять им кров. Кроме того, с течением времени объем образования, который был им нужен, значительно увеличился, в результате чего в наши дни многие «дети», которым уже далеко за двадцать, продолжают учиться, не заработав собственным трудом ни копейки. Согласно данным ООН, среднее количество лет, затрачиваемых на учебу в ведущих 25 странах мира, составляет 15–17.

Стремление иметь как можно больше детей было по-прежнему живо в конце XIX — начале XX в. Многие из наших бабушек и дедушек или прабабушек и прадедушек родились в семьях, где было до 10 детей. Несколькими поколениями ранее считалось бы большой удачей, если бы из них выжили хотя бы трое. А теперь в живых оставались практически все. Однако в условиях экономики 1900 г. все они могли найти себе работу к тому времени, когда достигали половой зрелости, что и делали большинство из них.

10 детей во Франции XVIII в. были бы подарком небес. 10 детей во Франции конца XIX в. стали бы тяжкой обузой. 10 детей во Франции конца XX в. обернулись бы катастрофой. Для осознания этого факта понадобилось некоторое время, но в итоге стало очевидно, что большинство детей уже не умирает и что растить их крайне накладно. Поэтому люди стали рожать гораздо меньше детей, и делали это скорее ради счастья от их появления на свет, чем ради приобретения экономических благ. Новые разработки в медицине, такие как средства контрацепции, помогали в этом, но сама стоимость рождения и воспитания детей вызвала упадок рождаемости. Дети, которые до этого были кормильцами семьи, теперь стали главной статьей ее расходов. И родители стали удовлетворять свою потребность в воспитании скорее одним ребенком, чем десятью.

А теперь давайте поговорим о средней продолжительности жизни. Само собой разумеется, что чем дольше живут люди, тем больше их будет в любой определенный момент в истории. Продолжительность жизни возросла одновременно со снижением детской смертности. В 1800 г. приблизительная продолжительность жизни в Европе и Соединенных Штатах составляла 40 лет. В 2000 г. она почти равнялась 80 годам. Таким образом, за последние 200 лет она увеличилась вдвое.

Вероятнее всего, рост средней продолжительности жизни продолжится и дальше, но очень немногие люди ожидают еще одного удвоения. В странах развитого промышленного мира ООН прогнозирует рост с 76 лет в 2000 г. до 82 лет в 2050 г. В беднейших странах он возрастет с 51 года до 66 лет. Безусловно, это можно назвать ростом, но отнюдь не в геометрической прогрессии, и, кроме того, он постепенно замедляется. Все это также будет способствовать сокращению роста населения.

Процесс снижения рождаемости, произошедший много десятилетий назад в государствах развитого мира, в настоящее время можно наблюдать в наименее развитых странах. Сегодня семья с 10 детьми в Сан-Паулу — верная дорога к экономическому самоубийству. Возможно, до того, как такая традиция исчезнет, сменится несколько поколений, но рано или поздно это произойдет. И она уже не вернется, пока процесс обучения и подготовки ребенка к условиям современного рынка будет становиться все более продолжительным и дорогостоящим. Оказавшись между Сциллой снижающейся рождаемости и Харибдой замедляющегося увеличения продолжительности жизни, рост населения неизбежно будет снижаться.

Сокращение населения и изменение поведения.

Какое отношение все вышесказанное имеет к мощи держав на мировой арене в XXI в.?

Как мы увидим в следующих главах, сокращение населения оказывает воздействие на все страны. Но оно также воздействует на жизненные циклы людей, составляющих население этих стран. Снижение численности населения сказывается на любых вопросах: от общего количества рабочей силы и численности войск, способных сражаться на войне, до внутренних политических конфликтов. Но процесс, о котором мы говорим, не ограничится одним изменением количества граждан той или иной страны. Он изменит в целом саму жизнь этих людей и, следовательно, поведение стран, в которых они живут.

Давайте начнем с трех ключевых фактов. Средняя продолжительность жизни в развитом промышленном мире приближается к 80 годам, уровень рождаемости падает, и на получение образования требуется все больше и больше времени. В наши дни высшее образование считается минимальным порогом, чтобы добиться успеха в обществе и на работе в развитых странах. Большинство студентов оканчивают университет в возрасте 22 лет. Если прибавить сюда юридическую школу или аспирантуру, получится, что они вливаются в число работников только около 25 лет. Безусловно, не все следуют этой схеме, но внушительная часть населения поступает именно так, и в нее входит большинство людей, которые в будущем будут отвечать за политическое и экономическое руководство своих стран.

В результате значительно изменились модели семьи. Люди откладывают вступление в брак на более поздний срок, а детей рожают еще позже. Давайте разберемся, какое влияние это оказывает на женщин. 200 лет назад женщины начинали рожать детей приблизительно с 15 лет.

Они продолжали рожать, воспитывать и, зачастую, хоронить их, пока не умирали сами. Это было неперенным условием благосостояния семьи и общества. Большую часть своей жизни женщины только рожали и воспитывали детей.

В XXI в. этот порядок полностью изменится. Если учесть, что женщина достигает половой зрелости в 13 лет и вступает в климактерический период около 50 лет, она проживет вдвое дольше своих предков и больше половины своей жизни будет неспособна к деторождению. Давайте представим, что у женщины двое детей. В общей сложности ее беременность будет длиться 18 месяцев, то есть приблизительно 2 % от продолжительности ее жизни. Далее представим довольно распространенный вариант, при котором эта женщина родит двух своих малышей с разницей в 3 года, каждый ребенок пойдет в школу в 5 лет, а сама она вернется на работу за пределами дома, когда младший ребенок начнет учиться в школе.

Таким образом, общее время, которое женщина затрачивает на рождение и постоянный уход за детьми, равняется 8 годам ее жизни. Если учесть, что средняя продолжительность жизни составляет 80 лет, окажется, что количество времени, посвященного исключительно рождению и воспитанию детей, сокращается всего до 10 % продолжительности ее жизни. Из основного занятия женщины рождение детей становится лишь одним в ряду многих. Прибавьте еще и тот факт, что у многих женщин есть только один ребенок и что немало женщин отдают своих детей в ясли и другие детские учреждения задолго до того, как тем исполняется 5 лет, и вы поймете, что весь образ жизни женщины изменился.

В таком положении вещей кроется одна из причин возникновения феминизма. Раз женщины тратят меньше времени на то, чтобы рожать и растить детей, они зависят от мужчин в гораздо меньшей степени, чем какие-то 50 лет назад. В прошлом для женщины растить ребенка в одиночку было бы равнозначно экономической катастрофе. Но это уже не так, в особенности для женщин с хорошим образованием. В брак уже не вступают исключительно из экономических соображений.

Из этого следует, что основным фактором, скрепляющим брак, становится не столько практический расчет, сколько любовь. Но беда с любовью состоит в том, что это переменчивое чувство. Сегодня она есть, а завтра — нет. Если бы люди вступали в брак, руководствуясь одними эмоциями, это неизбежно привело бы к увеличению числа разводов. Снижение экономической зависимости лишает брак мощной стабилизирующей силы.

Любовь может быть долговечной (и зачастую таковою и бывает), но все же сама по себе она не столь сильна, как чувство, увязанное воедино с экономической необходимостью.

Раньше новобрачные давали друг другу клятву: «Быть вместе, пока смерть не разлучит нас». В прошлом такая разлука часто наступала совсем скоро. В переходный период, когда в семье с 10 детьми в живых оставался каждый ребенок, было много примеров браков, длившихся до 50 лет. Но до этого браки распались рано из-за смерти одного из супругов, и тот из них, кто оставался в живых, вступал в брак повторно или сталкивался с огромными экономическими сложностями. В Европе практиковалось то, что мы можем назвать серийной полигамией, при которой вдовцы (именно вдовцы, так как женщины обычно умирали при родах) за свою жизнь женились бесконечное количество раз. В конце XIX — начале XX в. браки отличались крайней долговечностью, что объяснялось данью традиции. Но ближе к середине XX в. появилась новая модель, в которой серийная полигамия вновь предъявила свои права, но на этот раз движущей силой была не смерть, а развод.

Давайте упомянем здесь еще об одной характерной особенности. Если раньше многие браки заключались, когда один или оба партнера были еще совсем подростками, то сейчас молодоженам чаще всего около 30 лет. Как правило, мужчины и женщины, которые в прошлом вступали в брак в 14 лет, не имели до этого сексуального опыта. В наши же дни было бы наивно полагать, что жених и невеста в 30 лет еще будут невинны. Это бы означало, что эти люди прожили 17 лет после наступления половой зрелости, не имея сексуальных отношений, что крайне маловероятно.

Сейчас в жизни людей бывает период, когда они хотят вести половую жизнь, но при этом еще не в состоянии обеспечить себя финансово. Также бывает период, когда они уже могут себя содержать и имеют интимные отношения, но предпочитают не рожать детей. Традиционный жизненный уклад полностью разрушается, а какой-либо определенной замены ему пока не видно. Сожительство раньше было связано с официальным, законным браком, но сейчас они не имеют ничего общего. Даже рождение детей сегодня не связано с браком и, возможно, даже с сожительством. Возросшая продолжительность жизни, снижение коэффициента рождаемости и увеличившийся период обучения — все это способствовало исчезновению социальных устоев прежней жизни.

Остановить эту тенденцию невозможно. Женщины рожают реже, потому что иметь много детей в промышленном, урбанизированном обществе равносильно экономическому суициду. Такое положение вещей не изменится. Расходы на воспитание детей не уменьшатся, а новых возможностей отправить 6-летних детей на работу уже не будет. Уровень детской смертности также не будет подниматься. Поэтому в XXI в. тенденция к рождению одного или двух, а не большего количества детей останется без изменений.

Политические последствия.

В наиболее образованных кругах общества традиционный жизненный уклад претерпел самые большие изменения. В то же время беднейшая прослойка населения, для которой с начала промышленной революции стандартной формой существования была неблагополучная семья, продолжала жить так и дальше. Хаотическое деторождение всегда было для нее нормой. Однако между классом профессионалов с университетским образованием и бизнесменов, с одной стороны, и низшими слоями общества, с другой стороны, существует обширный социальный слой, который лишь частично испытал на себе демографические изменения.

В среде «голубых» и «розовых» воротничков выделяются другие тенденции, самая важная из которых — не такое углубленное и жестко специализованное образование. Следствием чего становится сокращение срока между достижением половой зрелости и рождением собственных детей.

Такие группы раньше вступают в брак и раньше обзаводятся потомством. Они гораздо больше зависимы друг от друга экономически, и поэтому финансовые последствия развода

могут ударить по ним гораздо сильнее. Помимо чувств, их семьи скрепляет трезвый расчет, и развод считается в них более значимым событием, как и внебрачный и добрачный секс.

В эту группу входит много людей, придерживающихся консервативных взглядов на общество и составляющих собой небольшую, но влиятельную часть социума. Их влиятельность объясняется тем, что они представляют традиционные ценности. А ту беспорядочную систему, которая существует в более образованных кругах, еще нельзя назвать ценностями; пройдет не меньше века до того, как их образ жизни приведет к созданию упорядоченных моральных норм. Поэтому такие консерваторы имеют изначальное преимущество, четко излагая свои доводы с традиционных позиций.

Однако, как мы видели, традиционные различия между мужчинами и женщинами уходят в прошлое. В связи с тем что женщины теперь живут дольше и рожают меньше детей, обстоятельства более не вынуждают их примерять на себя те традиционные роли, которые были им отведены в эпоху урбанизации и индустриализации. Семья также уже не является тем важнейшим экономическим инструментом, которым она некогда была. Развод больше не означает экономической катастрофы, а добрачный секс — неизбежен. Гомосексуализм, как и гражданские союзы без рождения детей, также перестает быть чем-то из ряда вон выходящим. Если в основе брака лежат чувства, чем в таком случае однополые браки отличаются от гетеросексуальных? Появление первых является лишь логическим продолжением ситуации, когда деторождение уже не является неотъемлемой частью брака. Все эти перемены неразрывно связаны с коренными изменениями жизненного уклада, которые были вызваны прекращением демографического взрыва.

Поэтому представляется закономерным, что консервативно настроенные представители всех религиозных течений (католики, иудеи, мусульмане и др.) сосредоточили свои усилия на возвращении к традиционному институту деторождения. Все они отстаивают необходимость создания многодетных семей, которые у многих из них уже есть. В данном случае сохранение традиционной роли для женщины выглядит разумным, как и традиционное ожидание ранней свадьбы, непорочности молодых и долговечности брака. Главный принцип консерваторов — иметь много детей, а все остальное второстепенно.

Эта проблема неожиданно возникла не только в развитых промышленных странах. К примеру, одним из постулатов политики антиамериканизма является аргумент о том, что американское общество аморально, что оно поощряет распущенность женщин и разрушает основы семьи. Если вы читали речи Усамы бен Ладена, то заметили, что он постоянно возвращается к этой теме. По его словам, мир меняется, и мы все дальше отходим от моделей поведения, традиционно считавшихся образчиками высокой нравственности. Он хочет остановить этот процесс.

Вокруг этих вопросов ведутся жаркие дебаты как на мировом уровне, так и на внутренней политической сцене в большинстве развитых промышленных стран, в особенности в США. С одной стороны, существует четко выраженный блок политических сил, чьи корни уходят в существующие религиозные организации. С другой стороны, есть даже не столько политическая сила, сколько повсеместно принятый стиль поведения, при котором люди с безразличием относятся к политическим последствиям предпринимаемых действий. Движущей силой такого стиля поведения выступает демографическая необходимость. Никто не оспаривает факт существования движений в защиту различных аспектов этой эволюции (например, таких, как права сексуальных меньшинств), но сама трансформация протекает незапланированным образом. Она происходит сама собой.

Компьютерные технологии и американская культура.

Давайте посмотрим на эту проблему с другой стороны — технологической. С началом американской эры у США возникла крайняя заинтересованность в разрушении традиционных социальных устоев, что влечет за собой определенную нестабильность и дает США максимальное пространство для маневра. Американская культура — это бурлящая

смесь библейских истин и компьютерных технологий, традиционных ценностей и радикальных инноваций. Но наряду с демографией именно компьютерные технологии меняют облик американской культуры и являются истинной причиной ее гегемонии во всем мире. Этот факт приобретет огромное значение в следующие 100 лет.

С одной стороны, компьютер символизирует радикальный отход от предыдущих технологий, а с другой — новый взгляд на разум. Компьютер был создан для обработки количественных данных, то есть чисел. В качестве машины, обрабатывающей данные, он представляет собой уникальную технологию. Но с учетом того, что компьютер сводит всю информацию — музыку, фильмы и текст — к цифрам и числам, он также представляет собой уникальную точку зрения на разум.

В основе работы компьютера лежит двоичная логика. Это означает, что он просто считывает электрические сигналы (отрицательные или положительные), которые воспринимаются им как 0 или 1. Он использует цепочки таких двоичных чисел для представления понятий, которые нам кажутся элементарными. Например, заглавная буква А представлена в виде 01000001, а строчная а — в виде 01100001. Эти цепочки чисел преобразуются в язык моделирования, который, в свою очередь, расшифровывается при помощи компьютерного кода, написанного на любом языке программирования (Basic, C++, Java и др.).

Если это кажется вам сложным, просто запомните одну вещь: для компьютера любая информация, начиная с буквы на экране и заканчивая битом музыки, — это всего лишь цифры. Все низведено до уровня нулей и единиц. Для того чтобы управлять компьютерами, были созданы совершенно искусственные языки. Цель этих языков — добиться того, чтобы компьютер использовал введенные в него данные.

Но компьютер в состоянии работать только с той информацией, которую можно выразить в двоичном коде. Он может проигрывать музыку, но не может ее написать (по крайней мере, хорошо) или объяснить ее красоту. Он может хранить поэтические произведения, но не может объяснить их смысл. Он делает возможным поиск абсолютно любой книги, но при этом не видит разницы между правильной и полной ошибок речью, по крайней мере, не во всех случаях. Он превосходно выполняет свои функции, но в них не входит очень многое из того, на что способен человеческий разум. Это просто инструмент.

Безусловно, это мощный инструмент, соблазн воспользоваться которым крайне велик. Но он действует с использованием логики, которой недостает других, более сложных элементов разума. Компьютер «фокусирует свое внимание» исключительно на том, что можно выразить в виде чисел. Тем самым он склоняет людей к мысли, что иные аспекты знаний либо не существуют, либо не имеют значения. Компьютер воспринимает разум как инструмент для достижения целей, а не для их обдумывания. Он крайне односторонне воспринимает то, что мы подразумеваем под понятием «разум». Но в рамках этого одностороннего восприятия компьютер способен на настоящие чудеса.

Любой, кто когда-либо изучал язык программирования, знаком с его логической строгостью и искусственностью. Он не имеет ничего общего с естественным языком. В сущности, это антитеза естественному языку. Естественный язык полон неуловимых оттенков, нюансов и сложных смыслов, определяемых контекстом и логическими умозаключениями. А основанный на логике инструмент должен исключить любые подобные проявления, так как двоичная логика обработки данных неспособна их воспринимать.

Американские компьютерные технологии — это логическое продолжение традиций американской культуры. Философская концепция прагматизма была построена на таких высказываниях, как, например, следующее высказывание Чарльза Пирса, основоположника прагматизма: «Для того чтобы определить значение интеллектуальной концепции, необходимо попытаться понять, какие практические последствия могут быть в обязательном порядке вызваны истинной сущностью этой концепции; и сумма таких последствий составит собой общее значение концепции». Иными словами, значимость идеи определяется ее практическими последствиями. Следовательно, идея без практических последствий лишена

значения. Тем самым перечеркнуто все представление о созерцательном размышлении как самоцели.

Американский прагматизм представлял собой атаку на европейскую метафизику в силу ее непрактичности. Американская культура была одержима идеей практических действий и с презрением относилась ко всему метафизическому. Компьютер и язык программирования — это яркие проявления прагматического понимания разума. Каждая строка кода должна иметь практическое значение. Функциональность — вот единственный стандарт. Мысль о том, что строку кода можно оценить не за ее полезность, а за присущую ей красоту, совершенно неприемлима. Идея прагматизма, позднее эволюционировавшая в такие языки программирования, как C++, является радикальным упрощением и сужением сферы разума. Разум теперь используют только для определенных явлений, главными показателями которых является наличие у них практических последствий. Любое явление без практических последствий исключается из области разума, и для его анализа используется другая, более низко стоящая область. Другими словами, американская культура с трудом находит общий язык с подлинным и прекрасным. В ней ценится конечный результат, а задаваться вопросами о важности того, чем вы занимаетесь, при этом не принято.

Все это составляет суть американской культуры и придает ей огромную энергию. Американскую культуру обвиняют в том, что практические поступки поставлены в ней выше всех остальных форм истины. Это обвинение обоснованно, но оно не учитывает степень такого упрощения. Ведь история творится на практике, а не в теории.

Если поставить перед собой задачу понять сущность американской культуры, ее следует искать не только в прагматизме как философии, но и в компьютерных технологиях как воплощении прагматизма. Ничто не иллюстрирует американскую культуру в такой степени, как компьютер, и ничто не меняло мир быстрее и основательнее, чем его изобретение. Компьютер в гораздо большей степени, чем автомобиль или «кока-кола», представляет собой уникальное проявление американского понимания разума и реальности.

Компьютерная культура, по определению, также является варварской. Сущность варварства — это низведение культуры до уровня элементарной движущей силы, не терпящей отклонений или соперничества. То, как сконструирован компьютер, как написаны его программы, а также история его эволюции говорят о мощной, все упрощающей силе. Она представляет собой не разум, обдумывающий собственную сложность, а разум, низведенный до своего простейшего выражения, и удовлетворяющийся практическими достижениями.

Прагматизм, компьютеры и Microsoft (или любая другая американская корпорация) идут к достижению цели кратчайшим путем, играют очень важную роль и обладают высокой эффективностью. Раздробленность американской культуры очевидна, но она постепенно переходит в варварское состояние, свойственное компьютеру и инструменту, который в конечном счете использует и определяет образ действий компьютера — корпорации. Корпорация — это американская адаптация европейской концепции. В своей американской трактовке она превращается в стиль жизни. Корпорации столь же раздроблены, как и остальная американская культура. Но в своем разнообразии они выражают ту же агрессивную самоуверенность, что и любая американская идеология.

Подводя итоги.

Социальную систему США часто пытаются скопировать, а политическую — осуждают. США находятся на идеологической линии разлома международной системы. По мере снижения численности населения из-за упадка рождаемости США превращаются в «мекку» для радикально преобразованных форм социальной жизни. Без компьютеров и корпораций нельзя построить современную экономику, а для программирования компьютеров необходимо знать английский язык. С одной стороны, те люди, которые не желают мириться с этой тенденцией, должны всячески избегать американского образа жизни и мышления. С другой стороны, те, кто не принимает американскую модель, останутся без современной

экономики. Этот факт придает Америке силы и неизменно лишает аргументов ее критиков. Снижающийся уровень населения меняет модель семьи и повседневной жизни. Компьютеры трансформируют, упрощают и направляют в определенном направлении образ мыслей людей. Корпорации постоянно меняют привычный уклад работы. Под воздействием трех этих факторов любовь, разум и повседневная жизнь претерпевают изменения, в результате которых сила Америки растет.

Старые институты канули в Лету или значительно поколеблены, а новые еще не появились. В XXI в. появятся первые ростки ряда новых институтов, моральных систем и порядков. 1-я половина XXI в. во всем мире пройдет под знаком ожесточенных социальных конфликтов. И все эти события станут основами международных противостояний XXI столетия.

Глава 4. Новые «линии разлома»

Где произойдет следующее «землетрясение» и каким оно будет? Для ответа на этот вопрос нам необходимо изучить геополитические «линии разлома» XXI в. Таких линий, как и реально существующих разломов земной коры, довольно много. Не уходя в эту аналогию слишком глубоко, мы попытаемся определить сегодняшние линии напряженности, чтобы указать на те участки, в которых постоянные раздоры могут перерасти в более крупные конфликты. По мере того как события в исламском мире постепенно отходят на второй план, все четче вырисовывается вопрос: какая точка земного шара станет главным очагом нестабильности следующей эры?

В настоящее время в мире выделяются пять зон, явно претендующих на эту роль.

Во-первых, это традиционно важный район Тихоокеанского бассейна, который контролируется силами американского ВМФ. Азиатская часть этого бассейна целиком состоит из торговых стран, которым необходим выход к Мировому океану, что делает их зависимыми от Америки. Две из них (Китай и Япония) представляют собой мощные державы, которые в перспективе могут нарушить гегемонию США. В период 1941–1945 гг. США и Япония воевали за контроль над Тихоокеанским бассейном, и этот вопрос и поныне остается злободневным.

Во-вторых, нам нужно затронуть тему будущего Евразии после падения СССР. После 1991 г. этот регион распался на части и пришел в упадок. Затем Россия, ставшая преемником Советского Союза, постепенно заново обрела уверенность в собственных силах. Тем не менее с точки зрения геополитики она также находится в шатком положении. Если она не приложит усилий к тому, чтобы создать собственную сферу влияния, Российская Федерация сама может распасться на отдельные фрагменты. С другой стороны, создание такой сферы влияния может привести к конфликту с США и Европой.

В-третьих, по-прежнему вызывает немало вопросов, как, в конце концов, будет выглядеть Европа. В течение пяти веков она была ареной постоянных военных действий. Последние 60 лет она либо была оккупирована, либо пыталась создать федерацию, при которой стало бы невозможным возобновление войны. Вероятно, Европе еще придется столкнуться с активными действиями возродившейся России, угрозами со стороны США или внутренними трениями. Иными словами, конфликты здесь вполне просматриваются.

В-четвертых, существует исламский мир. В данном случае опасения вызывает не столько нестабильность, сколько возможность появления национального государства, которое, вне зависимости от принятой в нем идеологии, может послужить основой для будущей коалиции. Исторически сложилось так, что из всех мусульманских государств с этой задачей лучше всего справлялась Турция, которая ныне представляет собой динамично

развивающуюся страну, переживающую стремительную модернизацию. Каким будет ее будущее, а также будущее других мусульманских государств?

И в-пятых, существует вопрос американо-мексиканских отношений. При обычном течении дел статус Мексики не дотягивает до уровня глобальной «линии разлома», но ее расположение в Северной Америке делает ее роль более значимой, чем может показаться на первый взгляд. Это страна, которая по уровню ВВП занимает 15-е место в мире, и ее ни в коем случае нельзя недооценивать. У Мексики свои старые счеты с США, и в следующем веке возможно появление общественных сил, с которыми правительства обоих этих государств не смогут совладать.

Для того чтобы точно предсказать события, которые произойдут в будущем, мы попробуем проанализировать, какие из этих событий произойдут с наибольшей вероятностью и в каком порядке. Наличие «линии разлома» не обязательно предполагает «землетрясения». Такие линии могут существовать долгие тысячелетия, лишь изредка вызывая слабые толчки. Но, учитывая сложность всех перечисленных выше ситуаций, можно сказать, что конфликты в XXI в. практически неизбежны.

Тихоокеанский бассейн

За последние 50 лет западная часть Тихоокеанского бассейна превратилась в самый быстрорастущий регион мира. Здесь находятся две крупнейшие мировые экономические державы — Япония и Китай. Как и другие страны Восточной Азии, экономически Япония и Китай крайне зависимы от морской торговли, так как поставляют товары в США и Европу и импортируют сырье из Персидского залива и различных стран Тихоокеанского региона. Любое вмешательство в этот товарооборот приведет к значительному ущербу. А затяннувшееся вмешательство — к катастрофе.

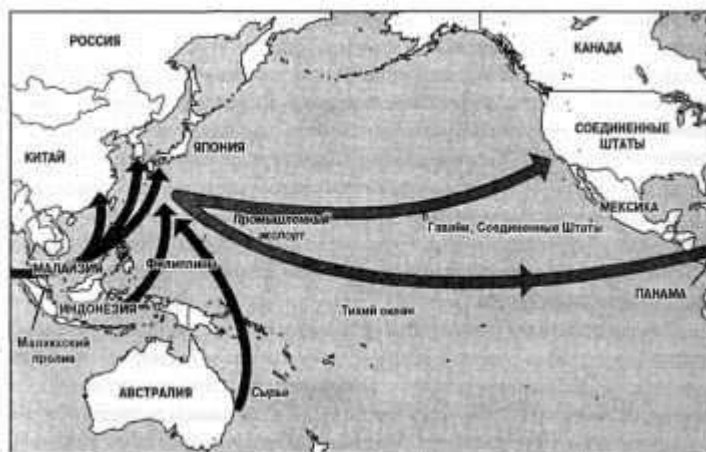
Давайте взглянем на Японию, страну со второй по мощности экономикой мира и единственную крупную промышленную державу, у которой нет значительных запасов каких-либо природных ресурсов. Япония вынуждена импортировать все основные полезные ископаемые, необходимые для ее промышленных нужд, начиная с нефти и заканчивая алюминием. Без этого импорта, в особенности без нефти, Япония в считанные месяцы из промышленной державы превратится в ничем не примечательное государство. Для того чтобы лучше понять значимость этого товарооборота, вспомните: Япония атаковала Перл-Харбор, потому что США перекрыли ей доступ к сырью.

За последние 20–30 лет Китай также превратился в крупную промышленную державу, по темпам экономического роста превосходя все остальные крупные страны мира, хотя по своему объему его экономика пока значительно уступает экономике Японии или США. Тем не менее в настоящее время Китай является ключевым игроком в бассейне Тихого океана. С точки зрения запасов основных видов сырья Китай обеспечен гораздо лучше, чем Япония. Но с ростом экономики его собственные ресурсы истощились, и он стал импортировать сырье.

На карте Тихоокеанского региона сейчас выделяются два мощных азиатских государства, которые в большой степени зависят от импорта, требуемого для поддержки их экономики, и экспорта, нужного для ее роста. Для Японии и Китая, как и для Южной Кореи и Тайваня, выход к Тихому океану жизненно важен для перевозки их товаров и сырья. Так как Тихий океан контролирует военно-морской флот США, экономическое благополучие этих стран находится в руках США. (А для любого государства всегда было крайне рискованно полностью зависеть от воли другого государства.)

У этой проблемы есть и другая сторона. Рынок США поглощает огромные объемы произведенной в Азии продукции, что в целом хорошо для американской экономики, так как потребители получают дешевые товары. Но при этом такая торговая система негативно

влияет на определенные сектора экономики и регионы США, подрывая внутреннюю промышленность. То, что приносит выгоду американским потребителям, может одновременно способствовать росту безработицы и снижению уровня заработной платы, порождая целый клубок политических противоречий в стране. Для США характерно повышенное внимание к внутривнутриполитическим проблемам, так как на внешнеполитическом уровне у них более чем достаточно пространства для маневров. Таким образом, несмотря на общую выгоду от торговли с Азией, США могут оказаться в ситуации, при которой внутренние политические соображения вынудят их изменить свою политику в отношении импорта азиатских товаров. Такая возможность, какой бы отдаленной она ни представлялась, таит в себе серьезную угрозу для интересов Восточной Азии.

Тихоокеанские торговые пути

Почти четверть всего экспорта Китая отправляется в США. Если Соединенные Штаты прекратят допуск китайской продукции на свой рынок или введут тарифы, которые сделают китайские товары неконкурентоспособными, в Китае разразится глубокий экономический кризис. То же произойдет в Японии и других азиатских государствах. Поведение стран, оказавшихся в экономическом тупике, становится непредсказуемым. Они могут занять агрессивную позицию, попытавшись открыть рынки, с которых их вытеснили, и порой прибегая для этого к политическому или военному давлению.

Однако с военной точки зрения США способны, в любой момент и по своему усмотрению, лишить любую страну выхода к Тихому океану. Экономически США зависят от торговли с Азией, но в гораздо меньшей степени, чем Азия зависит от торговли с США. Соединенные Штаты также восприимчивы к внутреннему политическому давлению со стороны тех групп, чьи интересы в разной степени затрагивают более дешевые импортные товары из Азии. Существует вероятность, что США поддадутся давлению изнутри и попытаются изменить систему экономических отношений в Тихоокеанском бассейне. И одним из средств, к которому они могут прибегнуть, может стать протекционистское законодательство, подкрепленное американской военной мощью. Это говорит о том, что в действительности Восточная Азия не сможет эффективно противостоять военным или экономическим мерам со стороны США.

С субъективной точки зрения, любая страна в этом регионе меньше всего желала бы возникновения каких бы то ни было конфликтов. Но если судить объективно, здесь наблюдается значительный дисбаланс силы. Любое изменение американской политики может причинить ущерб Восточной Азии, а такое изменение более чем вероятно. К примеру, угроза введения Америкой санкций против Китая, при помощи которых она может попробовать ограничить китайский импорт нефти, ударит по самым важным из национальных интересов Китая. Поэтому Китай должен использовать свою растущую экономическую мощь для развития собственных вооруженных сил на случай противостояния с США. Это будет всего лишь соблюдение фундаментального принципа

стратегического планирования: надейся на лучшее, готовься к худшему.

За последние 50 лет страны Восточной Азии значительно увеличили свою экономическую мощь, но их военные силы остались на прежнем уровне, что делает их уязвимыми. Поэтому в наступившем столетии Китай и Япония неизбежно будут пытаться нарастить свой военный потенциал, в чем США увидят потенциальную угрозу своему контролю над западной частью Тихого океана. В действиях, направленных на укрепление обороны, Америка усмотрит агрессию, которая, объективно говоря, действительно будет присутствовать, что бы ни говорили предпринимающие подобные шаги страны. А если также вспомнить про стремительный прогресс Южной Кореи и Тайваня, становится ясно, что в XXI в. данный регион станет настоящей пороховой бочкой.

Более того, любая из стран, которая верит, что цены на нефть могут «взлететь до небес», не может недооценивать угрозы захвата нефтяных месторождений Америкой. Надо сказать, что в ближайшем будущем, в период 20–50 лет, предлагаемый сценарий развития событий более чем вероятен. Любая рационально мыслящая азиатская держава должна предусматривать подобную возможность. Противостоять США на море способны только Китай и Япония, хотя эти страны и враждебны друг другу, но их может объединить общий страх перед поведением Америки в периоды максимального роста цен на энергоносители.

Контроль над Тихим океаном включает в себя один важный аспект — контроль над морскими путями, используемыми для транспортировки энергоносителей. Чем выше будет цена на нефть и чем дальше источники энергии, не зависящие от углеводородов, будут существовать лишь на страницах фантастических романов, тем выше вероятность конфронтации за обладание морскими путями. Дисбаланс сил в этом регионе крайне велик. Этот факт, вкупе с вопросами транспортировки энергоносителей и выхода на американский рынок, превращает Тихоокеанский бассейн в одну из крупнейших геополитических «линий разлома».

Евразия.

Большую часть 2-й половины XX в. Евразия находилась под контролем Советского Союза — от Центральной Германии до Тихоокеанского побережья, а на юге до Кавказа и горного хребта Гиндукуш. После распада СССР его западная граница сместилась на восток почти на 1500 км, от границы с Западной Германией до границы России и Беларуси. А южная граница сместилась на 1500 км севернее Гиндукуша, к границе России и Казахстана. Россию вытеснили от границы с Турцией к Северному Кавказу, где она по-прежнему отчаянно пытается закрепиться. Впервые за несколько веков зона российского влияния так глубоко отодвинулась на восток. Вместе с тем, во время холодной войны эта граница как никогда далеко продвинулась на запад. В ближайшие десятилетия зона российского влияния будет балансировать где-то между этими двумя линиями.

После того как СССР прекратил свое существование, на его бывшей территории появились иностранные державы, которые хотели «погреть руки» на российской экономике, что привело к хаосу и ввергло население в нищету. Одновременно они приложили все усилия к тому, чтобы включить как можно большую часть бывшего Советского Союза в собственные сферы влияния. Страны Восточной Европы были включены в состав НАТО и ЕС, а государства Балтии — пока только в НАТО. США установили тесные контакты как с Грузией на Кавказе, так и со многими азиатскими государствами, в особенности после 11 сентября, когда Россия разрешила армии США использовать эту территорию для ведения военных действий в Афганистане. Но важнее всего было то, что Украина дистанцировалась от России и вступила в союз с США, что знаменовало поворотный момент в истории России.

«Оранжевая революция» на Украине в декабре 2004 г. — январе 2005 г. означала, что система отношений, сложившихся после прекращения холодной войны, окончательно перестала действовать для России. Российские руководители видели в событиях на Украине попытку США сделать Украину членом НАТО и тем самым «подготовить почву» для

будущего распада России. Откровенно говоря, в этой точке зрения есть немалая доля правды.

Если бы Западу удалось установить контроль над Украиной, Россию уже ничто не защищало бы от нападения. Южная граница Беларуси и юго-западные рубежи России стали бы открыты для удара. Кроме того, Украину и западные области Казахстана разделяет не более 600 км, и именно через этот коридор Россия всегда могла перебрасывать свои войска на Кавказ (см. карту на этой стр.). Логично было бы предположить, что, в случае вышеуказанного варианта развития событий, Россия утратила бы способность контролировать Кавказ и была бы вынуждена отступить дальше на север, уйдя из Чечни. Затем россияне стали бы покидать различные области самой Российской Федерации, а южные рубежи России стали бы крайне уязвимы. Россия продолжала бы распадаться на все более мелкие части, пока не вернулась бы к своим средневековым границам.

Последователи США на советских территориях

Такой масштаб распада России породил бы в Евразии хаос, против возникновения которого, конечно, не возражали бы США, так как, как мы уже видели, одной из целей национальной стратегии США всегда было раздробление евразийских государств, что стало бы первой линией обороны американского контроля над океанами. Поэтому у США были все основания способствовать этому процессу, а у России — ему препятствовать.

После указанных событий, которые в России были расценены как попытка Америки причинить ей еще больший ущерб, Москва вернулась к стратегии утверждения своей сферы влияния на территории бывшего СССР. Великое отступление России закончилось украинскими событиями. Сейчас можно выделить три вектора развития российского влияния: в направлении Средней Азии, в направлении Кавказа и, разумеется, на запад, в сторону стран Балтии и Восточной Европы. В течение ближайшего времени, приблизительно до 2020 г., основной задачей России будет восстановление российского государства и установление своего влияния в данном регионе.

Довольно любопытно, что эти геополитические перемены происходят одновременно с изменениями в экономике. Владимир Путин видит в России не столько промышленную державу, сколько экспортера сырья, и, в первую очередь, энергоносителей (в особенности природного газа). Проводя меры по усилению государственного надзора (фактически установлению прямого контроля) в энергетической промышленности, он вытесняет из этой отрасли иностранных игроков и ориентирует ее на экспорт, в частности, в Европу. Высокие цены на энергоносители помогли стабилизировать российскую экономику внутри страны. Но Путин не ограничится одним лишь энергетическим сектором. Он также хочет выгодно использовать российские сельскохозяйственные товары, лес, золото, бриллианты и другие природные богатства. Он превращает Россию из «нищенки» в бедную, но более

производительную страну. Он также дал России инструмент для устрашения Европы — вентиль на трубопроводе с природным газом.

Стратегическая важность Украины

Россия оказывает ответное давление на каждом участке своей границы. Львиная доля ее внимания сосредоточена на Центральной Азии, где со временем она добьется успеха.

Но на Кавказе, чье значение только возрастет, ей придется сложнее. Русские не позволят какой-либо части Российской Федерации выйти из ее состава. Это может привести к конфликтам между восстанавливающей свой прежний статус Россией и США, а также другими странами данного региона, особенно в последующие 10 лет.

Но вероятнее всего, главным очагом напряженности станет западная граница России. Беларусь поддержит своего соседа. Из всех стран бывшего СССР Беларусь провела меньше всего экономических и политических реформ и больше других ратовала за создание государства, которое стало бы преемником СССР. Объединившись с Россией на тех или иных условиях, Беларусь позволит ей вернуться к бывшим советским границам.

Территория между Прибалтикой и Румынией примечательна еще и тем, что здесь многократно перекраивались границы, что неизменно вызывало сопротивление. На севере расположена длинная, узкая равнина, простирающаяся от Пиренеев до Санкт-Петербурга. Именно она служила театром основных войн в истории Европы. Именно по этому пути шли войска Наполеона и Гитлера, чтобы вторгнуться в Россию. Здесь почти нет естественных препятствий. Поэтому России необходимо отодвинуть свою границу как можно дальше на запад, чтобы создать определенный «буфер». По окончании Второй мировой войны советские войска дошли по этой равнине до середины Германии. А в наши дни Россия отступила на восток. Ей необходимо вернуться и продвинуться на запад как можно глубже. Это означает, что государства Балтии и Польша снова представляют собой проблему, которую России придется решать.

Определение границ российской зоны влияния вызовет немало противоречий. США, как и страны из бывшего социалистического блока, будут выступать против слишком существенного продвижения России на запад. Прибалтийские страны меньше всего хотели бы вновь оказаться под пятой России. То же будет верным и в отношении государств, расположенных к югу от Восточно-Европейской равнины, в Карпатах. Бывшие государства-сателлиты Советского Союза, в частности, Польша, Венгрия и Румыния, понимают, что возвращение российских войска к их границам будет угрозой их безопасности. А так как эти

страны теперь входят в НАТО, их интересы неотделимы от интересов Европы и США. Вопрос о том, где будет проведена линия на западе, остается открытым. Он был впервые поставлен уже очень давно и представляет собой одну из главных европейских проблем за последние 100 лет.

В ближайшее десятилетие Россия не сможет стать сверхдержавой, но у нее нет иного выбора, кроме как стать влиятельной региональной силой. А это означает столкновение с Европой. Русско-европейская граница остается «линией разлома».

Европа.

После того как европейские государства утратили свои имперские владения и пережили две разрушительные мировые войны, в них по-прежнему идет процесс реорганизации, и еще неизвестно, будет ли он протекать мирно. Европейские страны уже не вернут свой имперский статус, но благодушную уверенность в том, что войны в Европе уже закончились, необходимо проанализировать. Центральным здесь является вопрос, представляет ли собой Европа потухший или только спящий вулкан? Суммарный ВВП Европейского союза превышает 14 трлн долларов, что на 1 трлн больше, чем у США. Шансы на то, что региону, обладающему такими богатствами (которые распределены крайне неравномерно), удастся избежать конфликтов, существуют, но говорить об этом с уверенностью нельзя.

Было бы наивно говорить о Европе как о едином целом. Она таковой не является, несмотря на существование ЕС. Европа состоит из ряда суверенных, национальных государств, далеко не всегда находящихся общий язык. Существует общее пространство, называемое Европой, но правильнее было бы говорить о четырех Европах (из этого списка мы исключаем Россию и страны бывшего СССР, так как, хотя они и расположены территориально в Европе, динамика их развития крайне отличается от европейской).

- Атлантическая Европа — страны, непосредственно граничащие с Атлантическим океаном и Северным морем, которые последние 500 лет представляли собой мощные империи.

- Центральная Европа — главным образом Германия и Италия, которые стали современными национальными государствами лишь в конце XIX в. Отстаивание своих национальных интересов именно этими государствами привело к двум мировым войнам в XX в.

- Восточная Европа — страны, расположенные между Балтийским и Черным морями, которые были оккупированы советскими войсками после Второй мировой войны, в результате чего в них сравнительно недавно произошло становление национального самосознания.

- И, конечно же, существует четвертая, менее значимая Европа — Скандинавские страны.

В 1-й половине XX в. Атлантическая Европа, еще не утратившая своего имперского статуса, была настоящим центром мира. Представители Центральной Европы стали играть заметную роль позднее. Страны же Восточной Европы были жертвами. Перед Европой, истерзанной двумя мировыми войнами, стоял фундаментальный вопрос: каков статус Германии в европейской системе? Немцы, вытесненные из имперской системы, созданной Атлантической Европой, хотели ее разрушить и стать главной силой в этом регионе. А после окончания Второй мировой войны лежавшая в руинах, разделенная пополам и оккупированная Германия оказалась на востоке под контролем Советов, а на западе — под контролем Англии, Франции и США.

Западная Германия была необходима США и их союзникам по НАТО из-за конфронтации с СССР. Безусловно, создание немецкой армии породило проблему. Учитывая, что первопричиной двух мировых войн был рост мощи Германии, невольно возникал вопрос: не приведет ли оказание помощи немцам в восстановлении их

боеспособности к началу третьей войны в Европе? Ответ на него крылся в интеграции немецкой армии в НАТО, что, в сущности, означало ее переход под командование американцев во время боевых действий. Но в более широком смысле ответ лежал в интеграции Германии в Европу в целом.

В 50-е годы, когда была создана НАТО, также появились первые идеи о создании Европейского экономического сообщества. В результате был основан Европейский союз (ЕС) — организация, не поддающаяся никакому осмыслению.

Четыре Европы

Ее основная цель — создание интегрированной европейской экономики с одновременным сохранением суверенитета отдельных государств. В ЕС видят первую стадию на пути к образованию федерации европейских государств, в которой центральное европейское правительство, с собственным парламентом и профессиональным штатом госслужащих, будет управлять федеральной Европой, национальный суверенитет не будет выходить за рамки принятия решений по региональным проблемам, а оборонная и внешняя политика будет определяться единым правительством.

Европа не достигла этой цели. Была создана зона свободной торговли и европейская валюта, которой некоторые из стран, входящих в эту зону, пользуются, а некоторые — нет. Так как общая политическая конституция не была принята, а государства сохранили суверенитет, о проведении единой оборонной или внешней политики не могло быть и речи. В тех пределах, в которых оборонную политику осуществляют скоординированно, руководящим органом является НАТО, но не все члены НАТО входят в состав ЕС (в частности, США). После распада Советского Союза некоторые страны Восточной Европы были приняты в ЕС и НАТО.

Одним словом, после окончания холодной войны Европа пребывает в легком хаосе. Распутать этот клубок сложных и неоднозначных отношений между разными институтами не представляется возможным. Если вспомнить европейскую историю, такая неразбериха обычно приводила к войне. Но у Европы, за исключением бывшей Югославии, совершенно нет энергии для ведения войны, нет заинтересованности в какой-либо нестабильности и уж точно нет никакого желания ввязываться в конфликты. Психологическая трансформация Европы просто поражает. Там, где до 1945 г. массовая резня и войны были обычным делом в течение долгих столетий, после 1945 г. даже концептуальный хаос европейских институтов не мог вызвать ничего серьезнее ожесточенных споров.

За внешне благопристойным фасадом ЕС кроются застарелые националистические

«язвы» Европы, которые проявляются пускай и не так часто, как раньше. Это можно проследить по экономическим переговорам внутри ЕС. К примеру, Франция отстаивает право защищать своих фермеров от повышенной конкуренции или право не выполнять договоры, контролируемые их дефицит товаров. Таким образом, в геополитическом отношении Европа так и не стала единым транснациональным образованием.

По этим причинам говорить о Европе так, как будто она представляет собой единое целое, подобно США или КНР, было бы в корне неверно. Европа — это ряд национальных государств, по-прежнему тяжело переживающих последствия Второй мировой войны, холодной войны и утраты имперского статуса. Они крайне редко пускают в свои внутренние дела посторонних и вырабатывают геополитическую линию поведения, исходя из собственных интересов. Европейские страны в первую очередь взаимодействуют друг с другом и уж только потом с остальным миром. Этим они больше напоминают страны Латинской Америки, чем какую-либо сверхдержаву. В Латинской Америке Бразилия и Аргентина тщательно обдумывают каждый свой шаг и его последствия для своих ближайших соседей, так как понимают, что в глобальном масштабе их значение сравнительно невелико.

Россия представляет собой непосредственную стратегическую угрозу Европе. Россия заинтересована не в завоевании Европы, а в том, чтобы восстановить свой контроль над территорией бывшего СССР. С точки зрения России это вполне обоснованная попытка установить хотя бы минимальную сферу влияния и одновременно — защитная мера. Однако эта мера непосредственно затронет три прибалтийских государства, которые к настоящему времени стали частью европейских институтов.

Не вызывает сомнений, что страны Восточной Европы хотели бы помешать новому подъему России. Но важнее здесь то, каким образом могут себя повести остальные европейские державы, особенно Германия. Для Германии сейчас сложились благоприятные обстоятельства: от России ее отделяет государство-буфер, и она может сосредоточиться на внутренних экономических и социальных проблемах. Кроме того, на немцев тяжело давит наследие Второй мировой войны. Если они решатся на какие-либо действия, то только в составе объединенной Европы.

Позиция Германии непредсказуема. Эта страна на собственном опыте узнала (с учетом ее геополитического местоположения), что упорно отстаивать свои национальные интересы бывает смертельно опасно. В 1914 и 1939 гг. она пыталась решительно действовать в ответ на геополитические угрозы, и в каждом случае ее попытки приводили к катастрофе. Урок, вынесенный немцами из этих событий, заключается в том, что Германия может заниматься военно-политическими маневрами только в составе широкой коалиции государств, иначе она подвергается огромной опасности. Атлантическая Европа видит в Германии «амортизационную подушку» между собой и Россией и едва ли посчитает любую угрозу прибалтийским государствам хоть сколько-нибудь значимой для своих интересов. Поэтому входящие в нее государства не вступят в коалицию с Германией, нужную ей для борьбы с Россией. А потому наиболее вероятен такой исход: бездействие Германии, ограниченное участие Америки и постепенное возвращение российского влияния в пограничную зону между Европой и Россией.

Но существует и другой сценарий. По этому сценарию Германия посчитает, что из-за господства России в Балтийском регионе над Польшей «сгущаются тучи». Видя в Польше необходимый элемент своей национальной безопасности, Германия станет проводить более агрессивную политику, целью которой будет защита Польши за счет защиты Прибалтики. Постепенно Германия станет основной силой в Балтийском бассейне. А поскольку Россия не оставит эту территорию просто так, между нею и немцами начнется длительная конфронтация, с борьбой за влияние в Польше и Карпатском регионе.

Германия неизбежно окажется в ситуации, когда она будет отрезана и от своего агрессивного прошлого, и от остальной Европы. В то время как другие страны Европы будут стараться свести свое участие к минимуму, Германия начнет проводить традиционную

политику с позиции силы. Одновременно с этим ее фактическая, равно как и потенциальная мощь стремительно возрастет, а психология немцев изменится. Объединенная Германия в одночасье примется вновь отстаивать свои права. То, что началось с обороны, станет развиваться совершенно непредсказуемым образом.

Это не самый вероятный сценарий. Однако ситуация может вынудить Германию вернуться к своим традиционным взглядам, когда Россия будет восприниматься как основная угроза, а Польша и остальные страны Восточной Европы — как часть немецкой сферы влияния и защиты от России. Это частично зависит от того, насколько агрессивно будет продвигаться Россия, насколько упорно будут сопротивляться государства Прибалтики, на какой риск будет готова пойти Польша и в какой степени в этом будут участвовать США. И в конечном счете это зависит от внутренней политики Германии.

В своей сущности европейские страны инертны и все еще не могут оправиться после понесенных ими потерь. Но такие внешние раздражители, как исламская иммиграция или попытки России восстановить свои прежние границы, могут тем или иным образом вызвать новый всплеск активности в этой вековой «линии разлома».

Исламский мир.

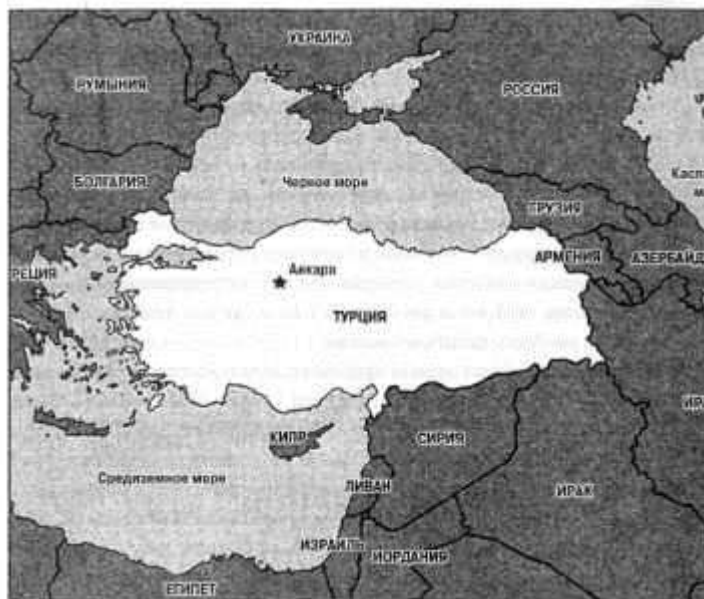
Мы уже обсуждали исламский мир в целом как «линию разлома». Нынешний кризис пока удастся сдерживать, но, по большому счету, исламский мир остается нестабилен. И хотя эта нестабильность едва ли перерастет в массовые бунты сторонников ислама, она наводит на мысль о том, что одно из мусульманских национальных государств может воспользоваться нынешним неустойчивым положением и, следовательно, слабостью остальных стран, чтобы утвердиться в качестве доминирующей силы в своем регионе. Индонезия — самое большое мусульманское государство в мире — сейчас не в состоянии претендовать на эту роль. Пакистан — второе по величине мусульманское государство на планете, к тому же обладающее ядерным оружием, но внутри оно настолько разобщено, что трудно себе представить, чтобы оно могло превратиться в мощную державу или же, с учетом его географического положения, распространить свое влияние, имея в соседях Афганистан — на западе, Китай и Россию — на севере, Индию — на востоке. Внутренние разногласия и географический фактор не позволят Пакистану стать ведущим мусульманским государством.

Кроме Индонезии и Пакистана, можно выделить три других крупных национальных государства, где исповедуется ислам. Крупнейшее из них — Египет, в котором насчитывается 80 млн жителей. Далее идет Турция, чье население составляет 71 млн жителей, и, наконец, Иран с 65 млн жителей.

Сравним три эти страны по экономическим показателям. Турция занимает 17-ю строчку в списке стран с самой крупной экономикой, с ВВП, равным приблизительно 660 млрд долларов. Иран занимает 29-ю позицию, имея ВВП чуть менее 300 млрд долларов. Египет расположился на 52-м месте, его ВВП оценивается примерно в 125 млрд долларов в год. Последние 5 лет экономика Турции росла на 5–8% в год, демонстрируя один из самых высоких показателей постоянного прироста среди крупных стран. За исключением 2 лет рецессии, Иран также демонстрирует стабильный рост ВВП более чем на 6% в последние 5 лет, как и Египет. Темпы роста двух этих стран впечатляют, но у Турции изначально была более крепкая материальная база. В сравнении с европейскими странами, Турция уже занимает 7-е место по масштабу своей экономики и опережает большинство этих стран по динамике развития экономического сектора.

С другой стороны, одна экономическая мощь еще ничего не решает. Складывается впечатление, что с точки зрения геополитики из этой тройки агрессивнее всего себя ведет Иран. Но в этом одновременно кроется его ахиллесова пята. Пытаясь защитить свой режим от США, мусульман-суннитов и антиирански настроенных арабов (Иран не является арабским государством), Иран вынужден постоянно бравировать своей силой, которая на деле не столь велика. Тем самым он привлекает внимание США, которые неизбежно

начинают видеть в нем опасность.

Турция в 2008 году

Поскольку у Ирана есть интересы в Персидском заливе и Ираке, его цели идут вразрез с целями США. Это значит, что в то время, когда экономике Ирана необходимо стремительно развиваться, чтобы поставить его в первый ряд государств своего региона, страна вынуждена использовать часть ресурсов для защиты от возможного нападения Америки. Коротко говоря, Иран раздражает Америку. Если США будут по-настоящему встревожены, они способны уничтожить это государство. Иран просто пока не созрел для роли регионального лидера. Иран — заложник ситуации, в которой ему приходится бросать все силы на решение самых разных задач еще до того, как их накопится достаточное количество. А пытаться стать крупным региональным игроком, когда за каждым твоим шагом неотступно следит сильнейшая страна в мире, мягко выражаясь, непросто.

Также большое значение имеет географическое расположение Ирана. Это государство находится на окраине региона. К востоку от него лежит Афганистан, в котором едва ли можно получить что-то стоящее. При любой попытке распространить свое влияние на север Иран столкнется с интересами России. Одним из возможных вариантов продвижения представляется Ирак, но он также может стать «трясиной» и основным местом проведения арабских и американских контропераций. Ирану тяжело наращивать свой вес в регионе, и, какой бы шаг ни был предпринят, «овчинка не будет стоить выделки».

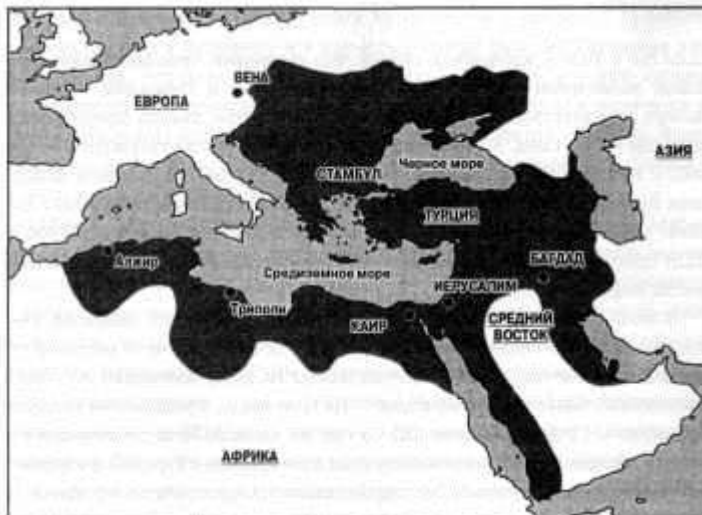
Египет — крупнейшая страна арабского мира, которая традиционно была его лидером. Во время президентства Гамалея Абделя Насера были приложены все усилия, чтобы Египет вышел на ведущие позиции среди арабских государств. Однако в арабском мире существовал глубокий раскол, и Насер восстановил против себя некоторых ключевых игроков, таких как Саудовская Аравия. После подписания Кемп-Дэвидского договора с Израилем в 1978 г., Египет прекратил попытки расширить зону своего влияния. Он в любом случае потерпел в этом неудачу. Принимая во внимание его экономические показатели, а также относительную изолированность и замкнутость, довольно сложно себе представить, чтобы Египет в обозримом будущем стал региональной сверхдержавой. Гораздо больше вероятность того, что он попадет под влияние какой-то другой страны — Турции, Америки или России, как с Египтом и происходит уже несколько веков.

Совсем иначе обстоит дело с Турцией. У этого государства не просто хорошо развитая и современная экономика, но еще и самая крупная в регионе — гораздо крупнее, чем у Ирана. Пожалуй, это единственная страна с современной экономикой во всем мусульманском мире. И, что важнее всего, она расположена между Европой, Ближним

Востоком и Россией.

На пути Турции нет никаких естественных или искусственных преград — она может продвигаться в любом направлении. Большое значение имеет и то, что она не несет собой угрозы американским интересам и поэтому не испытывает постоянного давления со стороны США. Это значит, что ей не приходится тратить значительные средства на борьбу с США. Благодаря подъему экономики Турция наверняка скоро станет доминирующей силой в регионе, какой и была прежде.

Следует помнить, что до Первой мировой войны Турция была центром огромной империи (см. карту на этой стр.). Лишившись многих своих прежних территорий, Турция стала светским государством с мусульманским населением. До 1918 г. это была самая могущественная мусульманская страна мира. А в период XIV–XVI вв., на который пришелся пик турецкой империи, она занимала огромную территорию и была крайне сильна.

Османская империя

К XVI в. Турция господствовала в Средиземноморском бассейне, контролируя не только Северную Африку и Ливан, но также Юго-Восточную Европу, Кавказ и Аравийский полуостров.

Турция представляет собой страну с довольно сложными социальными порядками. Светский режим в Турции находится под защитой военных, по конституции облеченных большими полномочиями. Но в стране нарастает исламистское движение. Довольно сложно предугадать, какое правительство придет там к власти в конечном счете. Если взглянуть на обломки исламского мира, оставшиеся после американского вторжения в Ирак в 2003 г., и задаться вопросом, какую страну в этом регионе стоит воспринимать всерьез, ответ будет очевидным: это Турция, союзник США и самая развитая экономическая держава в данном регионе.

Мексика.

Если бы в 1950 г. кто-нибудь сказал, что главными «локомотивами» мировой экономики через полвека станут Япония и Германия, которые займут, соответственно, 2-ю и 3-ю позиции в мире, такого прорицателя подняли бы на смех. А если бы в 1970 г. кто-то взялся утверждать, что к 2007 г. Китай будет занимать 4-е место в мире по экономической мощи, смех был бы еще громче. Но едва ли эти предположения показались бы более смешными, чем высказанная в 1800 г. мысль о том, что к 1900 г. США станут мировой сверхдержавой. Времена меняются, и к переменам всегда надо быть готовым.

В этой связи важно напомнить, что в 2007 г. Мексика занимала 15-е место в мире по объему своей экономики, совсем чуть-чуть отставая от Австралии. Конечно, с точки зрения дохода на душу населения это была значительно более низкая позиция — на 60-м месте, с указанным доходом примерно в 12 тыс долларов США в год, по данным Международного

валютного фонда. По этому показателю она шла вровень с Турцией и намного опережала Китай, который, бесспорно, является крупнейшей державой.

Важность такого показателя, как доход на душу населения, весьма велика. Но общий объем экономики еще важнее для значимости государства на международной арене. Бедность — серьезная проблема, но объем экономики определяет, какую часть своих средств страна может направить на военно-промышленный комплекс и подобные нужды. И в СССР, и в Китае был низкий доход на душу населения. Однако один только совокупный объем экономики делал их сверхдержавами. В сущности, любая страна с мощной экономикой и большим населением всегда заставляла соседей считаться со своими интересами, как бы бедны ни были ее жители.

В 1950 г. население Мексики равнялось примерно 27 млн человек. За следующие 50 лет оно стремительно выросло приблизительно до 100 млн человек, а к 2005 г. — до 107 млн человек. По прогнозам ООН, к 2050 г. оно составит 114–139 млн человек, причем цифра в 114 млн представляется более вероятной. После того, как за последние полвека численность жителей Мексики увеличилась примерно в 4 раза, она будет оставаться практически на одном уровне в ближайшие 50 лет. Население Мексики не будет сокращаться (как это будет происходить в развитых промышленных странах в будущем), и у нее есть рабочая сила, необходимая для расширения. Это дает стране преимущество. Поэтому, с точки зрения численности населения или объема экономики, Мексика не относится к числу небольших государств. Безусловно, это нестабильная страна, чьим бичом стали наркоторговля и картели, но, с другой стороны, и в Китае в 1970 г. царил хаос. Значит, хаос можно преодолеть.

Можно перечислить страны, подобные Мексике (к примеру, такие, как Бразилия или Индия), которые мы не относим к категории значимых геополитических «линий разлома». Но Мексика в корне отличается от этих стран. Она находится в Северной Америке, ставшей, как мы уже выяснили, центром тяжести международной системы. Мексика, омываемая Атлантическим и Тихим океанами, имеет протяженную и весьма беспокойную границу с США. В истории Мексики уже была крупномасштабная война с США за господство в Северной Америке, которую она проиграла. Мексиканское общество и экономика тесно связаны с американской экономикой и населением. Стратегическое расположение и постоянно возрастающее значение Мексики как государства превращают ее в потенциальную «линию разлома».

Для того чтобы лучше понять сущность «линии разлома», позвольте мне вкратце затронуть понятие пограничной области. Довольно часто бывает так, что между двумя граничащими государствами находится территория, которой в разное время владели оба этих государства. На такой территории национальности и культуры смешиваются друг с другом. Примером может послужить расположенная между Францией и Германией Эльзас-Лотарингия. Это край с уникальной смешанной культурой и жителями, испытывающими патриотические чувства к разным странам. Там говорят на французском и немецком языках, а также на смешанном региональном арго. В настоящее время этот регион находится под контролем Франции. Но вне зависимости от того, кто контролирует регион в конкретный момент, он остается пограничной областью, с двумя культурами и подспудным напряжением. В мире много пограничных областей. Подумайте о Северной Ирландии как о пограничной области между Великобританией и Ирландией. Кашмир — это пограничная область между Индией и Пакистаном. Вспомните про русско-польскую границу или Косово — пограничную область между Сербией и Албанией. Не забудьте про границу между франко-канадцами и США. Все это примеры пограничных областей с различной степенью напряженности в отношениях.

Между США и Мексикой есть пограничная область, где мексиканцев и американцев объединяет смешанная культура. Эта область пролегает по обе стороны официальной границы. Та ее сторона, что находится на территории США, непохожа на остальную часть США, а сторона, лежащая на мексиканской территории, непохожа на остальную Мексику.

Подобно другим пограничным областям, эта территория уникальна, но с одним исключением: мексиканцы по обе стороны границы глубоко привязаны к Мексике, а американцы глубоко привязаны к США. Под смешением экономических интересов и культур всегда присутствует политическая напряженность. В данном случае это особенно верно, так как мексиканцы постоянно прибывают в данную область, переходят границу и перемещаются по территории США. Об американцах, переезжающих на юг, в Мексику, нельзя сказать того же.

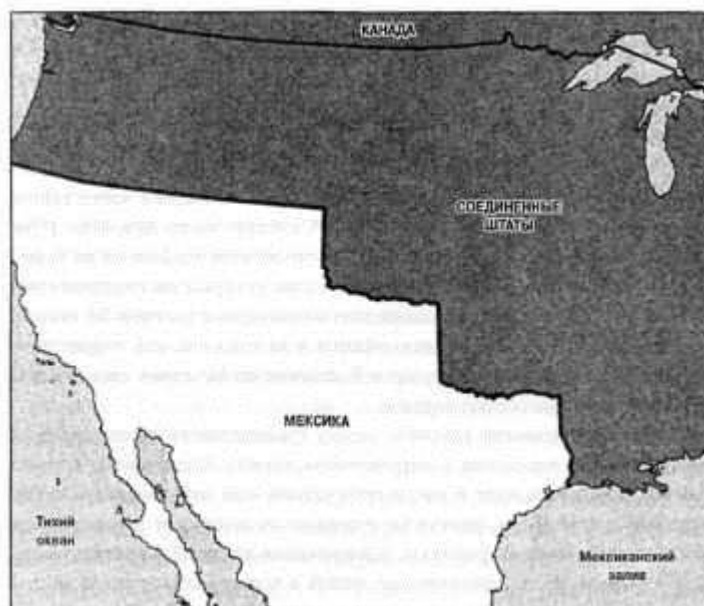
Большинство пограничных областей многократно переходят из рук в руки. Пограничная область между США и Мексикой переходила из рук в руки пока только один раз. США постепенно поглощали Северную Мексику, что началось с Техасской революции 1835–1836 гг. и завершилось американо-мексиканской войной 1846–1848 гг. На этой территории сегодня находится юго-западная часть США. Граница была установлена по реке Рио-Гранде и позже несколько отодвинута в западной части таким образом, чтобы включить в состав США южную часть Аризоны. Принудительной депортации коренного мексиканского населения не было. Мексиканцы остались жить в этих местах, на которых впоследствии появилось гораздо больше американских поселенцев с востока. Во второй половине XX в. эту пограничную область и лежащие за ней территории захлестнула новая волна миграции населения из Мексики, еще больше запутав демографическую картину.

Мы можем провести различие между традиционной иммиграцией и передвижением населения в пограничную область. Когда другие группы иммигрантов прибывают в какую-либо страну, они оказываются в ситуации, при которой они физически оторваны от родины и находятся под воздействием мощных факторов, вовлекающих их детей в местную культуру и экономику. А передвижение людей в пограничную область протекает иначе. Здесь уместнее говорить о «расширении» чьей-либо родины, а не оторванности от нее. Граница представляет собой политическую, но не культурную или экономическую разделительную линию, и иммигранты находятся не так уж далеко от дома. Они сохраняют с ним непосредственную связь и испытывают сложные и разнообразные патриотические чувства.

Мексиканцы, приезжающие в пограничную область, ведут себя не так, как мексиканцы, живущие в Чикаго. Поведение последних в большей степени соответствует традиционному образу жизни иммигрантов. А мексиканцы в пограничной области теоретически могут считать себя жителями оккупированной территории, а не иностранного государства. Эта точка зрения ничем не отличается от взглядов американских поселенцев в Техасе, которых они придерживались до революции. Они были гражданами Мексики, но в первую очередь считали себя американцами, что привело к появлению сепаратистского движения и последующему отделению Техаса от Мексики.

В определенный момент статус пограничной области становится вопросом простого превосходства в военных и политических силах. Такая территория принадлежит более сильной стороне, которая в состоянии доказать свою мощь непосредственно на месте. Начиная с 1848 г. основным фактором при определении политической границы было подавляющее превосходство США. Население может передвигаться с одного места на другое. Может процветать контрабанда. Но политические границы устанавливаются, исходя из фактического расклада военных сил.

Территория Мексики до восстания в Техасе

Через несколько десятилетий граница между США и Мексикой будет существовать в нынешнем виде уже 200 лет. Мексика может вновь превратиться в мощную державу, а демографическая ситуация в пограничной области со стороны Америки может измениться настолько, что удерживать политическую границу будет уже невозможно. Вероятность того, что к тому времени по экономическим показателям Мексика будет уже не на 15-м месте в мире, а где-то в середине 1-й десятки стран, весьма велика. В мире случались и не такие странные вещи; кроме того, этому способствует свободная торговля с США. В число стран, в настоящее время стоящих выше Мексики по экономическому развитию, входит много европейских государств с серьезными демографическими проблемами.

Учитывая последствия, к которым может привести конфронтация между Америкой и Мексикой на границе, нет никаких сомнений, что к этой «линии разлома» надо отнестись со всей серьезностью.

Подводя итоги.

Если поставить перед собой задачу определить новые «горячие точки» после окончания войны между США и исламскими террористами, в голову сразу приходят два места, на которые следует обратить внимание. Очевидно, что Мексика и Турция еще не готовы к роли мировых сверхдержав и что Европа останется разобщенной и замкнутой на собственных проблемах (она будет реагировать на происходящие события, но не будет их инициатором). После этого остаются две «линии разлома» — Тихоокеанский бассейн и Евразия. Иными словами, имеются две страны, которые к 2020 г. могут попытаться установить свои порядки, — Китай и Россия. Есть еще третий вариант — Япония, но с учетом указанных временных рамок он выглядит менее реалистичным. Кроме того, поведение Японии будет в большой степени зависеть от Китая. Следовательно, нам нужно внимательно изучить геополитическое положение Китая и России, чтобы предсказать, кто из них первым перейдет к решительным действиям.

Глава 5. Бумажный тигр (Китай — 2020 г.)

Любое обсуждение будущего нужно начинать с обсуждения Китая. На его территории проживает четверть населения Земли, и об этой стране нам уже давно говорят как о будущей сверхдержаве. За последние 30 лет экономика Китая сделала огромный шаг вперед, что позволило ему стать мощным государством. Но 30 лет еще не означают, что подобный рост будет длиться вечно. Это скорее говорит о том, что вероятность столь же бурного развития

китайской экономики все уменьшается и уменьшается. А в случае с Китаем замедленный рост приведет к значительным социальным и политическим проблемам. Я не разделяю точку зрения людей, которые считают, что Китай станет одной из главных мировых держав. Я даже не верю, что он сумеет сохранить свою территориальную целостность. Но я полностью согласен с тем, что мы не можем всерьез обсуждать будущее, не поговорив сначала о Китае.

Судя по географическому расположению Китая, он едва ли станет действующей «линией разлома». Если на его территории вспыхнет конфликт, Китай будет не столько нападать, сколько защищаться от других стран, которые попытаются воспользоваться его слабостью. У Китая далеко не такая мощная экономика, как может показаться, а его политическая стабильность находится в еще более ненадежном положении, так как крайне зависит от постоянного и быстрого роста экономики. Тем не менее Китай крайне важен, так как, вероятнее всего, именно он в ближайшее время будет претендовать на лидирующие позиции в мире — по крайней мере, так предполагают многие мировые эксперты.

Мы вновь начнем с рассмотрения базовых фактов, которые лежат в основе геополитики.

Во-первых, Китай — это, по сути, остров. Конечно же, он не окружен водой, но зато его окружают обширные участки непроходимой местности и пустошей, которые надежно изолируют его от остального мира (см. карту, стр. 123).

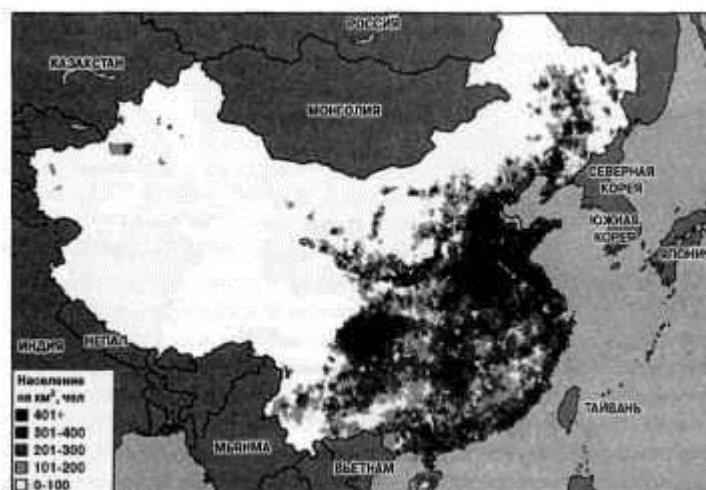
К северу от Китая простираются монгольские степи и Сибирь — малонаселенные, суровые и труднопроходимые края. На юго-западе тянутся неприступные Гималаи. Южная граница с Мьянмой, Лаосом и Вьетнамом пролегает по гористой местности, густо покрытой джунглями, а на востоке Китай омывает океан. Людские массы могут пересечь границу Китая лишь на ее западном участке, где он соседствует с Казахстаном, но даже там для этого потребуются немало усилий, а в истории Китая не так часто находились веские причины, которые могли кого-то побудить к вторжению в страну с запада.

Подавляющее большинство населения Китая живет в пределах 1500 км от побережья, занимая 73 территории страны в ее восточной части, в то время как остальные 2/3 заселены очень слабо (см. карту, стр. 124).

Китай полностью завоевывали только один раз. В XII в. это сделали монголы. С тех пор Китай крайне редко устанавливал собственные порядки за пределами своих нынешних границ.

Непроходимые территории Китая

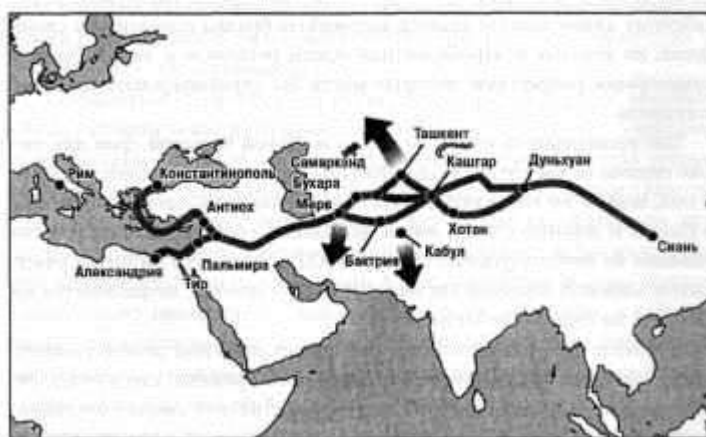

Плотность населения Китая

На протяжении всей своей истории Китай не был склонен к агрессии и лишь изредка вступал во взаимодействие с остальными странами мира. Важно помнить, что Китай не всегда вел международную торговлю, периодически «запирая» свои границы и избегая общения с чужестранцами. А когда китайцы все же занимались торговыми операциями, они использовали сухопутные маршруты, подобные Великому шелковому пути, проходившему через Центральную Азию, или торговые суда, отплывавшие из его восточных портов (см. карту, стр. 125). Европейцы, появившиеся в Китае в середине XIX в., застали момент, когда эта страна проходила через один из периодов «изоляции» в своей истории. Это было единое, но сравнительно бедное государство. Используя силу, европейцы закрепились в Китае, благодаря чему в его прибрежной полосе завязалась оживленная торговля. Это привело, во-первых, к резкому росту благосостояния жителей прибрежных районов, занимавшихся торговлей, и, во-вторых, к увеличению «пропасти» между уровнем жизни на побережье и в бедных районах в глубине страны. Это неравенство также повлекло за собой ослабление контроля центральной власти над прибрежной полосой и общий рост нестабильности и хаоса. Жителям прибрежных областей были больше по душе тесные связи с европейцами (или даже их господство).

Период хаоса длился с середины XIX в. до момента, когда в 1949 г. к власти пришли коммунисты. Мао Цзэдун попытался устроить революцию в таких прибрежных городах, как Шанхай. Потерпев неудачу, он предпринял знаменитый долгий поход в глубь страны, где собрал армию из бедных крестьян, победил в гражданской войне и вновь завладел побережьем. После этого он вернул Китай в состояние, в котором тот пребывал до появления европейцев. С 1949 г. и до смерти Мао Цзэдуна Китай представлял собой единую страну, находившуюся под жестким контролем правительства, граждане которой были бедны и лишены возможности общения с внешним миром.

Шелковый путь

Китайская авантюра

Смерть Мао Цзэдуна побудила его преемников еще раз попробовать реализовать извечную китайскую мечту. Они хотели видеть Китай процветающим благодаря международной торговле, но при этом сохраняющим единство под властью сильного центрального правительства. Дэн Сяопин, преемник Мао Цзэдуна, понимал, что Китай не может вечно оставаться в изоляции и при этом сохранять свою безопасность. Кто-то обязательно воспользовался бы экономической слабостью Китая. Поэтому Дэн Сяопин решил рискнуть. Он был уверен, что на этот раз Китай сможет открыть свои границы, вступить в международную торговлю и при этом не пасть жертвой внутренних противоречий.

Прибрежные районы вновь стали богаче и установили тесные контакты с внешними силами. Дешевые товары и торговля обогащали большие города на побережье (например, Шанхай), но во внутренних областях страны по-прежнему царил нищета. Напряженность между прибрежными районами и остальной частью страны нарастала, но китайскому правительству удалось удерживать бразды правления в своих руках, не утратив контроля ни над одним регионом и не прибегая к чрезмерным репрессиям, которые могли бы спровоцировать массовое восстание.

Так продолжалось около 30 лет — не такой большой срок для любой страны (и уж точно, не для Китая). Нерешенным остается вопрос о том, можно ли управлять внутренними силами, накапливающимися в Китае? И именно с этого места мы начнем свой анализ Китая и его влияния на международную систему в XXI в. Останется ли Китай участником мировой торговой системы? И если останется, не распадется ли он снова на отдельные части?

В начале XXI в. китайское руководство уверенно демонстрирует, что в состоянии в течение неопределенного времени удерживать ситуацию в равновесии. По словам правительства, оно сможет постепенно перемещать ресурсы из более обеспеченных прибрежных районов в глубь страны, не встречая сопротивления со стороны жителей побережья и не давая поводов для недовольства жителям глубинки. Пекин стремится к тому, чтобы жизнь китайцев в разных частях страны была одинаково счастливой, и прикладывает все усилия к достижению этой цели.

Однако здесь кроется еще одна серьезная проблема, последствия которой могут быть гораздо опаснее. На первый взгляд, Китай — капиталистическая страна с частной собственностью, банками и остальными атрибутами капитализма. Но его нельзя назвать капиталистическим государством в полном смысле слова, так как рыночные условия в Китае не влияют на распределение капитала. Ваши связи значат гораздо больше, чем наличие у вас какого бы то ни было бизнес-плана. В условиях азиатской системы семейных и социальных уз или коммунистической системы политических взаимоотношений кредиты выдавались по самым разным причинам, которые практически не имели отношения к достоинствам бизнеса. Поэтому неудивительно, что в итоге значительная часть этих кредитов не была погашена (на банковском жаргоне — перешла в разряд «безнадежных» кредитов). По приблизительным оценкам, сумма таких кредитов составляет 600–900 млрд долларов (или от 1/4 до 1/3 ВВП Китая) — это огромные деньги.

Справляться с такой суммой непогашенных кредитов помогает очень высокий темп роста производства, в основе которого лежит экспорт товаров с низкой стоимостью. Мировому рынку всегда нужны дешевые экспортные товары, и поступающие от их продажи средства помогают компаниям с большой задолженностью удержаться на плаву. Но чем ниже цена, которую Китай устанавливает за такие товары, тем меньше прибыли они приносят. А не приносящий выгоды экспорт лишь создает видимость бурной деятельности в экономике, в действительности никак не участвуя в ее развитии. Представьте себе компанию, которая зарабатывает деньги на том, что продает товары по себестоимости или по еще более низкой цене. Денежные поступления в ее бюджет будут очень велики, но они исчезнут с той же скоростью, с какой появились.

Эта проблема уже давно существует в Восточной Азии, ярким примером чего является Япония. В 80-е годы XX в. Японию считали экономической сверхдержавой. Из-за нее американские корпорации несли колоссальные убытки, а студентам экономических факультетов советовали учиться у японцев и перенимать их опыт ведения бизнеса. Безусловно, экономика Японии развивалась семимильными шагами, но этот стремительный рост в большей степени объяснялся не успехами в управлении, а особенностями японской банковской системы.

Японские банки, которые находились под контролем правительства, выплачивали крайне низкие проценты по вкладам простых японцев. В связи с различными законами большинство японцев могли вложить деньги только в японскую почтовую службу, которая одновременно действовала в качестве банка. Почтовая служба выплачивала минимальные проценты. Затем государство сужало эти средства крупнейшим банкам Японии по процентной ставке, также значительно уступавшей международным образцам. В свою очередь, банки на выгодных условиях одалживали эти деньги компаниям, с которыми они были связаны (например, Sumitomo Bank давал кредиты компании Sumitomo Chemical). Если американские компании в 70-х годах XX в. брали кредиты под проценты, выражавшиеся двузначными числами, их японские коллеги получали займы лишь за незначительную часть подобных сумм.

Разумеется, показатели у японских фирм были лучше, чем у американских. Стоимость полученных ими средств была гораздо ниже. Вряд ли может показаться удивительным факт, что в Японии был крайне высокий уровень частных сбережений. В то время в Японии не существовало государственной системы пенсионного обеспечения как таковой, а выплачиваемые корпорациями пенсии были мизерными. Японцы готовились к пенсионному возрасту, накапливая сбережения. Японцы не были экономнее американцев — просто их отчаяние было гораздо глубже. И у всех этих отчаявшихся вкладчиков был только один выход: делать вклады, приносящие крайне низкий процент дохода.

В то время как высокие процентные ставки дисциплинировали западные компании, отсеивая слабых игроков, японские банки сужали деньги дружеским корпорациям по искусственно заниженным ставкам. Настоящего рынка не существовало. Деньги лились рекой, а ключевым фактором были взаимоотношения. И, как следствие, было выдано много безнадежных кредитов.

Основным способом финансирования в Японии было получение кредитов, а не повышение стоимости активов компаний за счет размещения своих акций на фондовой бирже. Советы директоров состояли из сотрудников компаний и банкиров, которые были больше заинтересованы не в получении прибыли, а в притоке денежных средств, удерживающих их компании на плаву и покрывающих долги. Поэтому Япония имела один из самых низких показателей доходности акционерного капитала среди промышленно развитых стран. На с точки зрения масштабов Япония демонстрировала высокие темпы роста экономики, что объяснялось ее структурой. Японцы жили за счет экспорта.

Они были просто вынуждены это делать. В связи с тем что движущей силой системы был крайне высокий уровень сбережений населения, рядовые японцы не тратили деньги, и поэтому Япония не могла строить свою экономику на основе внутреннего спроса. А так как японскими компаниями управляли не инвесторы, а их сотрудники и банкиры, они хотели только одного — увеличить сумму поступающих средств, поэтому вопрос о том, приносит ли компания прибыль или нет, отступал на второй план. Соответственно, экспорт дешевых товаров значительно вырос. После этого были выданы кредиты на еще большие суммы, снова возникла необходимость в дополнительных средствах, и произошло очередное увеличение объема экспортируемых товаров. Экономика росла как на дрожжах. Но одновременно с этим где-то в глубине назревал кризис.

То легкомыслие, с которым японские банки сужали деньгами компании, увеличило число безнадежных, безвозвратных кредитов, которые так и не были погашены. Финансирование часто получали проекты, которые изначально не были жизнеспособны.

Вместо того чтобы просто списать эти долги и позволить таким компаниям объявить себя банкротами, японские банки предоставляли им дополнительные кредиты, чтобы уберечь от ликвидации. Число выдаваемых кредитов росло, а так как деньги вкладчиков шли на поддержание системы, роль экспорта в привлечении дополнительной наличности была очень важна. Денежная масса переполняла экономику, но всю финансовую систему изнутри подрывал ряд компаний, деятельность которых поддерживало государство, а также компаний, которые заботились только о росте притока наличности, но не о получении прибыли. Значительное увеличение экспорта почти не приносило доходов. Вся система работала лишь для того, чтобы остаться на плаву.

Стороннему наблюдателю могло показаться, что японская экономика переживает бум, захватывая рынки при помощи невероятных и дешевых товаров. Японцы не ставили во главу угла прибыль, подобно американским фирмам, и казалось, что будущее принадлежит им. На самом деле все было наоборот. Япония жила за счет доставшихся ей дешевых средств, контролируемых государством, а низкие цены были отчаянной попыткой сохранить поступление наличных средств, чтобы удержать от распада банковскую систему.

В конечном итоге сумма долгов стала слишком велика, чтобы ее можно было покрывать за счет экспорта. Японские банки стали «лопаться» и были спасены только вмешательством государства. Вместо того чтобы позволить обширной рецессии «дисциплинировать» экономику, Япония прибегла к разным спасительным мерам, позволившим сменить острую боль на долговременное недомогание, отголоски которого можно обнаружить и сегодня. Рост экономики, а вслед за ним и активность на рынке резко пошли на убыль. Довольно любопытно, что, хотя кризис разразился в начале 90-х годов XX в., многим на Западе потребовалось еще немало лет на осознание того, что японская экономика потерпела крах. Они все еще говорили о японском экономическом чуде середины 90-х годов прошлого века.

Какое же отношение это имеет к Китаю? По сути, Китай — это Япония, принимающая стероиды. Это не просто азиатская страна, в которой социальные связи ставятся выше экономической дисциплины. Китай — еще и коммунистическое государство, где денежные средства распределяются по политическим мотивам и имеет место манипулирование экономическими данными. Кроме того, это государство, где акционеры, нуждающиеся в прибыли, по значимости уступают банкирам и государственным чиновникам, нуждающимся в наличных средствах. Экономика обоих данных государств в значительной мере опираются на экспорт, демонстрируют невероятный уровень роста и рискуют рухнуть, если уровень роста начнет хотя бы немного замедляться. По моим оценкам, уровень «безнадежных» долгов Японии около 1990 г. равнялся приблизительно 20 % ее ВВП. Аналогичные показатели Китая, по самым скромным подсчетам, составляют около 25 %, и я готов поспорить, что эта цифра ближе к 40 %. Но даже 25 % — это очень-очень много.

Китайская экономика кажется полной энергии и сил, и если принимать во внимание только темпы ее роста, ею нельзя не восхищаться. Однако рост — только один из факторов, которые следует учитывать. Более важным представляется вопрос о том, приносит ли такой рост прибыль. По большей мере, рост китайской экономики абсолютно реален, за счет чего происходит поступление средств, необходимых для выполнения банковских операций. Но в действительности этот рост не усиливает экономику. А если он замедлится (к примеру, из-за рецессии в США), вся экономика может рухнуть в считанные дни.

В Азии уже бывали подобные случаи. В 80-е годы Япония была страной с самой динамично развивающейся экономикой в мире. Здравый смысл говорил о том, что она подавит США своей экономической мощью. Но в действительности, хотя экономика Японии быстро развивалась, постоянно поддерживать такой уровень роста было невозможно. Когда рост резко замедлился, в Японии произошел тотальный банковский обвал, от последствий которого она полностью так и не оправилась даже спустя неполные 20 лет. Подобным образом, когда в 1997 г. экономика Восточной Азии рухнула, это стало абсолютной неожиданностью для людей, хорошо помнивших о ее стремительном росте.

За последние 30 лет объем китайской экономики многократно возрос. Сама мысль, что такие темпы роста можно поддерживать в течение неопределенного времени, нарушает основополагающие принципы экономики. Рано или поздно определенные закономерности цикла экономического развития, из-за которых более слабые игроки вынуждены уходить с рынка, обязательно дадут о себе знать. В один момент простая нехватка квалифицированной рабочей силы положит конец постоянному росту. У роста есть структурные пределы, и Китай к ним уже близок.

Политический кризис в Китае.

Япония решила свою проблему путем перехода к низкому росту экономики. У нее был достаточный запас политической и социальной дисциплины, чтобы совершить такой переход без каких-либо беспорядков. В странах Восточной Азии эта проблема решалась двумя способами. Некоторые страны (такие как Южная Корея и Тайвань) предприняли жесткие меры и в итоге стали сильнее, чем когда бы то ни было, что стало возможным только благодаря тому, что в этих государствах было сильное правительство, способное на данные действия. А другие страны (как, например, Индонезия) так и не оправились после подобных шагов.

Проблема Китая носит политический характер. Китай удерживают воедино деньги, а не идеология. В том случае, если в экономике наступит спад и в страну перестанут поступать средства, это не только парализует банковскую систему, но и заставит содрогнуться все китайское общество до самого основания. В Китае преданность либо покупают, либо добывают силой. Если убрать отсюда деньги, остается только принуждение. Снижение деловой активности может повлечь за собой общую нестабильность, так как оно ведет к банкротствам компаний и безработице. Поэтому в стране, где бедность носит эндемический характер, а безработица — обычное дело, вызванная экономическим спадом дополнительная напряженность обязательно выльется в политическую нестабильность.

Вспомните, как Китай раскололся на прибрежную и внутреннюю части в период между вторжением британцев и триумфом Мао Цзэдуна. Для находившихся в прибрежной полосе компаний, которые процветали благодаря внешней торговле и инвестициям, превыше всего были их зарубежные интересы, из-за чего они пытались выйти из-под контроля центральной власти. Они привлекли в страну капитал европейских империалистов, а также американцев, у которых в Китае были финансовые интересы. Сегодняшняя ситуация практически ничем не отличается от прежней. У бизнесмена из Шанхая есть общие интересы с партнерами из Лос-Анджелеса, Нью-Йорка и Лондона. В сущности, благодаря именно этим связям он зарабатывает гораздо больше денег, чем благодаря связям с Пекином. По мере того, как Пекин будет оказывать на него все большее давление, он не просто захочет освободиться от его власти, но также попытается убедить другие страны направить свои войска для защиты их взаимных интересов. Тем временем более бедная часть населения, проживающая во внутренних областях страны, либо попытается переехать в прибрежные города, либо окажет давление на Пекин, требуя обложить прибрежный бизнес налогами и дать им денег. Оказавшись между молотом и наковальней, Пекин сдастся, утратив способность контролировать происходящее, или, наоборот, подавит эти выступления с такой беспощадностью, которая отбросит страну далеко назад, как во времена международной изоляции, которая была при Мао. Самым важным представляется вопрос, какой из данных вариантов развития событий более вероятен.

В основе государственного режима Китая лежат два фактора. Первый — повсеместная бюрократия, управляющая всем Китаем. Второй — мощь армии и сил безопасности, выполняющих волю государства и Коммунистической партии. Третий фактор — идеологические принципы Компартии Китая — к настоящему времени уже ушел в прошлое. Эгалитаризм, бескорыстие и служение людям стали архаичными понятиями, которые в Китае хотя все еще и проповедуют, но в которые уже никто не верит и тем более не

использует.

Государство, партия и органы безопасности в той же степени поражены упадком в идеологии, что и остальная часть общества. Новые порядки принесли официальным лицам Компартии Китая непосредственную выгоду. Если бы они пытались вернуть себе полный контроль над прибрежными районами, довольно сложно себе представить, что они действовали бы чересчур агрессивно. Ведь они являются неотъемлемой частью той самой системы, которая «озолотила» эти районы. В XIX в. возникла та же проблема, когда государственные чиновники в прибрежном районе не хотели выполнять приказы Пекина. Они были за то, чтобы вести коммерческую деятельность с участием иностранцев.

Если серьезный экономический кризис действительно наступит, центральному правительству Китая придется найти идеологию, которая заменит коммунизм. Если люди будут вынуждены приносить себя в жертву, то хотя бы за что-то, во что они верят. И если китайцы уже не способны верить в коммунизм, они все еще могут верить в Китай. Китайское правительство попытается ослабить процесс распада, усилив националистические настроения и вызвав их неизменного спутника — ксенофобию. В Китае всегда относились к иностранцам с глубоким недоверием, а партии будет нужно найти «козла отпущения» для оправдания экономической разрухи. Подобно тому, как Мао Цзэдун когда-то обвинял иностранцев в слабости и нищете Китая, партия снова обвинит иностранцев в сложностях, испытываемых китайской экономикой.

В связи с тем что разногласия по экономическим вопросам приведут к нарастанию конфронтации с иностранными государствами (которые станут защищать свои экономические инвестиции в Китай), разыграть националистическую карту будет довольно легко. Идея о Китае как о великом государстве заменит собой идеологию коммунизма. Противоречия помогут поддержать позицию китайского правительства. Обвиняя иностранцев в своих неудачах и оказывая сопротивление другим странам дипломатическими средствами и при помощи все более мощной армии, китайцы добьются поддержки своего режима широкой общественностью. Вероятнее всего, это произойдет в период 2010–2020 гг.

Самым естественным представляется противостояние с Японией и США — историческими противниками Китая, с которыми у него уже сейчас существуют вялотекущие конфликты. Россия вряд ли будет рассматриваться как враждебное государство. Однако вероятность военной конфронтации с Японией или Америкой невелика. Китаю было бы крайне сложно атаковать какую-либо из этих стран. Его военно-морской флот слишком слаб, чтобы выдержать дуэль с флотом Соединенных Штатов. Поэтому идея вторжения на Тайвань может быть заманчивой в теории, но едва ли когда-либо осуществится на практике. Китай недостаточно силен на море, чтобы проложить себе дорогу через Тайваньский пролив, и, безусловно, не в состоянии защищать конвои, подвозящие припасы войскам, ведущим бои на территории Тайваня. В ближайшие 10 лет Китай вряд ли сможет вывести свои военно-морские силы на столь высокий уровень, чтобы бросить вызов флоту США. На создание военно-морского флота требуется гораздо больше времени.

Таким образом, развитие Китая может пойти по трем путям. При первом из них он продолжит развиваться астрономическими темпами неопределенное количество времени. Такого не случалось еще ни с одной страной, и Китай едва ли станет исключением. Необычайный рост последних 30 лет привел к значительной неуравновешенности и неэффективности китайской экономики, что обязательно нужно будет исправлять. В определенный момент Китаю придется пройти через болезненную повторную «настройку», через которую уже прошли остальные азиатские государства.

Второй возможный путь — возврат к централизации власти в Китае, когда противоборствующие интересы, возникшие после спада в экономике, будут под контролем сильной центральной власти, наводящей порядок и ограничивающей свободу самостоятельных действий в регионах. Этот сценарий вероятнее первого, но тот факт, что личные интересы многих людей в аппарате центрального правительства идут вразрез с идеей централизации, также ставит под сомнение его успешную реализацию. Правительство не

может в обязательном порядке полагаться на то, что его собственные члены будут обеспечивать соблюдение правил. Национализм — вот единственный инструмент правительства, который помогает избежать распада.

Если Китай пойдет по третьему из возможных путей, он не выдержит последствий экономического спада и распадется на отдельные регионы, границы которых хорошо известны, а центральная власть ослабнет и выпустит нити правления из рук. С точки зрения истории это более правдоподобный сценарий для Китая. Кроме того, он принесет выгоду наиболее обеспеченным классам и иностранным инвесторам. При таком пути развития Китай окажется в положении, в котором он был до прихода к власти Мао Цзэдуна, когда между различными районами страны была конкуренция, порой даже вспыхивали конфликты, а центральная власть пыталась сохранить контроль над ситуацией. Если признать, что китайской экономике в определенный момент придется пройти повторную «настройку» и что это приведет к серьезным трениям, как и в любой другой стране, тогда третий сценарий развития представляется наиболее точно соответствующим реалиям и фактам китайской истории.

Японский вариант.

В период 2010–2020 гг. развитые страны столкнутся с сокращением численности населения, и рабочая сила будет пользоваться большим спросом. В силу глубоко укоренившихся национальных стереотипов, жители некоторых стран либо вообще не принимают такого явления, как иммиграция, либо примиряются с ним с большим трудом. Например, Япония относится к иммиграции с крайней антипатией, однако ей надо найти источник рабочей силы, которая будет ей подчиняться и которую можно будет обложить налогами для обеспечения пожилых работников. Большинство рабочих, которые могут сами решать, куда им ехать, не выберут Японию, так как там с откровенной враждебностью относятся к иностранцам, которые хотят стать гражданами Японии. Живущие в Японии корейцы не являются ее гражданами. Даже если они жили и работали в Японии всю свою жизнь, японская полиция выдает им документы, где они названы «корейцами» (без указания того, о Северной или Южной Корее идет речь), и не предоставляет им права стать гражданами Японии.

Однако давайте представим себе, что Китай — это огромная масса сравнительно дешевой рабочей силы. Если китайцы не поедут в Японию, японцы могут приехать в Китай, как уже бывало раньше. Использование китайской рабочей силы на предприятиях, созданных японцами, но расположенных в Китае, станет альтернативой иммиграции. Более того, далеко не одна Япония поступит таким образом.

Одновременно с этим Пекин попытается ужесточить контроль над страной. Обычно подобные действия центральной власти свидетельствуют о том, что она готова смириться с более низкими показателями экономического роста. Но хотя крупномасштабное присутствие японского капитала, сосредоточенного в определенных местах страны и обеспечивающего китайцев работой, может принести много экономических благ местным предпринимателям, властям и даже Пекину, политических дивидендов оно не принесет, а ударит непосредственно по политическим интересам Пекина. При этом Япония будет против того, чтобы китайское правительство использовало полученные средства в собственных целях. И это поставит крест на самой идее подобного сотрудничества.

Приблизительно к 2020 г. Япония добьется того, что союзники Китая будут бороться друг с другом за право получить японские инвестиции на выгодных ей условиях. Ради привлечения таких инвестиций прибрежные районы будут конкурировать друг с другом и одновременно сопротивляться давлению и националистической идеологии Пекина. Возможно, присутствие Японии не принесет пользы внутренним районам Китая, но точно будет выгодно компаниям и властям, находящимся в прибрежной зоне. Благодаря значительным денежным затратам японцы обзаведутся союзниками в прибрежных городах,

недовольных необходимостью выделять деньги на удовлетворение потребностей жителей центральной части страны. Как следствие, появится противостоящий Пекину союз одного или нескольких прибрежных районов и Японии. Те денежные суммы, которые задействует Япония, быстро внесут раскол в руководящие органы партии и ослабят способность властей установить контроль над прибрежными городами.

Такие страны, как Япония, ощущающие тяжелый груз демографических проблем, и не способные справиться с крупномасштабной иммиграцией, увидят в Китае частичное решение своих сложностей. Но, к несчастью, будет выбран далеко не лучший момент. Неизбежное снижение активности в экономике Китая вынудит центральные власти проводить более решительную националистическую политику. Но и сами власти будут ослаблены пагубным влиянием денег. Формально Китай сохранит свою целостность, но регионы будут все более независимыми.

Вполне правдоподобное развитие событий в Китае в 20-х годах XXI в. напоминает страшные сны китайского руководства — страна поделена соперничающими «князьками», иностранные державы пользуются возможностью и создают районы, в которых они могут устанавливать экономические правила с выгодой для себя, а центральная власть безуспешно пытается сохранить единство государства. Второй вариант развития — это нео-маоистский Китай, где вся власть сконцентрирована в руках единого правительства ценой отказа от экономического прогресса. И, как обычно, наименее вероятен сценарий, при котором нынешняя ситуация будет продолжаться бесконечно.

В итоге все сводится к следующему: в ближайшие 20 лет Китай не превратится в геополитическую «линию разлома». Его географическое расположение делает это маловероятным при любом стечении обстоятельств, а при сегодняшнем уровне развития его военных сил на преодоление географического фактора уйдет больше десятилетия. Внутренние потрясения китайской экономики и общества вызовут слишком много проблем, чтобы с ними можно было быстро справиться, поэтому у Китая почти не останется времени на авантюры на международной арене. А в том случае, если Китай вступит в определенные отношения с иностранными державами, он с большей вероятностью будет защищать себя от вторжения, чем посягать на чью-либо территорию.

Глава 6. Перегрузка (Россия — 2020 г.)

В геополитике крупные конфликты повторяются. Например, Франция и Германия неоднократно воевали друг с другом, как неоднократно воевали Польша и Россия. Когда какая-либо война не решает породившую ее геополитическую проблему, конфликт будет повторяться вновь и вновь, до тех пор, пока проблема не будет решена. В случае же, если не вспыхивает новая война, нерешенная проблема создает напряженность и противостояние. Крупные конфликты коренятся в порождающих их реальностях — а эти реальности изменить непросто. Вспомните, как часто геополитика Балкан приводила к повторению войн, которые вели веком ранее.

Россия — восточная часть Европы, много раз сталкивавшаяся с остальной Европой. Наполеоновские войны, две мировые и холодная война — все эти конфликты касались по меньшей мере статуса России и ее отношений с остальной Европой. Ни одна из войн не привела к окончательному решению этого вопроса, ибо в конце концов единая и независимая Россия выживала или даже торжествовала. Проблема заключается в том, что само существование единой России представляет серьезный потенциальный вызов Европе.

Россия — огромная территория с огромным населением. Россия намного беднее остальной Европы, но у нее есть два актива — территория и природные ресурсы. Как таковая, эта страна вызывает постоянное искушение у европейских держав, которые видят в России возможность увеличить свою территорию и богатство за счет экспансии на восток. Впрочем, в прошлом вторжения европейцев в Россию заканчивались катастрофами. Если русские не громили врагов, они настолько изнуряли захватчиков своим отпором, что их

громил кто-то другой. Время от времени Россия сама осуществляла экспансию на запад, угрожая Европе своими массами. Бывали и периоды, когда пассивная Россия, которой пренебрегали, часто пользовалась преимуществами такого пренебрежения, но со временем те, кто недооценивал Россию, расплачивались за свои ошибки.

Сложилось впечатление, что холодная война разрешила русский вопрос, но это всего лишь впечатление. Если бы в 90-х гг. XX в. рухнула Российская Федерация, если бы она развалилась на множество мелких государств, российское могущество развеялось бы как дым, а с его исчезновением исчез бы и российский вызов Европе. Если бы американцы, европейцы и китайцы обрушились на Россию с целью ее уничтожения, русский вопрос был бы наконец решен. Но в конце XX в. европейцы слишком слабы и разобщены, китайцы слишком замкнуты и поглощены своими внутренними проблемами, а американцы после 11 сентября 2001 г. слишком отвлечены войной с исламистами для того, чтобы действовать решительно. Те действия, которые предприняты США, недостаточны и не сосредоточены. В сущности, эти действия лишь встревожили русских, предупредили их об огромной опасности, потенциально исходящей от США, и гарантировали ответ на эту угрозу.

Принимая во внимание тот факт, что Россия не развалилась, можно уверенно сказать, что русский геополитический вопрос возникнет вновь. Учитывая, что Россия в настоящий момент вновь набирает энергию, можно предположить, что русский вопрос возникнет скорее раньше, нежели позже. Этот будущий конфликт не будет повторением холодной войны, подобно тому, как Первая мировая война не была повторением наполеоновских войн. Но в этом конфликте будет заново поставлен фундаментальный русский вопрос: если Россия — единое национальное государство, то где находятся ее границы и каковы ее отношения с соседями? Этот вопрос будет определять следующий крупный этап мировой истории в период, предшествующий 2020 г.

Российская динамика.

Если мы хотим понять поведение и намерения России, нам следует начать с коренной слабости России, с ее границ, особенно на северо-западе. Даже когда Россия контролировала Украину, как было на протяжении нескольких веков, а Беларусь и Молдавия были частями Российской империи, эта империя так и не имела естественных границ на севере. В центре и на юге граница опиралась на Карпатские горы, простирающиеся на север до границ со Словакией и Польшей. А к востоку от Карпат вдоль реки Припять лежит топкая и непроходимая болотистая низменность. Но к северу и к югу (или к востоку от Карпат) нет мощных естественных преград, которые защищали бы Россию — или ее соседей.

На Северо-Европейской равнине, где бы ни была проведена граница, Россия все равно остается открытой для нападения. Но этой равнине очень немного важных естественных рубежей. Даже если Россия продвинет свою западную границу до Германии (что и было сделано в 1945 г.), эта западная граница все равно не будет иметь физической опоры. Единственным физическим преимуществом, какое может иметь Россия, является глубина ее территории. Чем дальше на запад продвинуты границы России, тем большее расстояние придется покрыть завоевателям, чтобы добраться до Москвы. Поэтому-то Россия всегда стремилась продвинуться по Северо-Европейской равнине на запад, а Европа всегда стремилась продвинуться на восток.

С другими границами России дело обстоит иначе. Говоря «Россия», мы имеем в виду территорию бывшего Советского Союза, приблизительно совпадающую с территорией Российской империи в конце XIX в. На юге Россия имеет надежную естественную границу. Черное море и Кавказские горы отделяют ее от Турции и Ирана, от которого к тому же Россия отделена Каспийским морем. Пустыня Каракумы в Южном Туркменистане идет вдоль границы с Афганистаном и упирается в Гималаи. Россия озабочена ирано-афганским участком своей границы и может продвигаться на юг, как это неоднократно происходило в прошлом, но не опасается вторжения с юга. Россия имеет протяженную и уязвимую границу

с Китаем, но эта уязвимость существует только на карте. Вторжение в Сибирь практически невозможно, ибо Сибирь — это огромные дебри. На западной границе Китая есть потенциально слабое место, но оно второстепенно. Таким образом, Российская империя в любом своем перевоплощении вполне защищена. Исключение составляет лишь участок границы в Северной Европе, где Россия сталкивается с самыми серьезными угрозами — географическими особенностями и мощными европейскими государствами.

У России хватило сил собраться после падения коммунизма. В 1989 г. Санкт-Петербург, жемчужина России, находился приблизительно в 1600 км от войск НАТО. Теперь эта дистанция сократилась до менее чем 160 км. В 1989 г. кратчайшее расстояние от Москвы до границ СССР было около 1900 км, теперь расстояние составляет примерно 360 км. На юге, после образования независимого украинского государства, позиции России на Черном море стали слабыми — Россию вытеснили на северную оконечность Кавказа. Афганистан, пусть временно и условно, оккупирован американцами, и Россия утратила опору в Гималаях. Если бы появилась армия, заинтересованная во вторжении, Российская Федерация была бы фактически беззащитна.

Стратегическая проблема России состоит в том, что Россия — огромная страна со сравнительно плохими путями сообщения и неважным транспортом. Если бы на Россию напали по всему периметру, она, несмотря на численность своей армии, оказалась бы неспособна к успешной обороне. России трудно провести мобилизацию и быстро развернуть силы на множестве фронтов, поэтому ей приходится содержать очень большую постоянную армию, которую можно заранее развертывать в районах, где возникают угрозы... Это давление накладывает огромное бремя на экономику России, подрывает ее и усиливает ее уязвимость перед давлением извне. Именно это случилось с Советским государством. Разумеется, Россия оказывается в опасности не в первый раз.

Защита границ — не единственная проблема современной России. Государство остро осознает наступление страшного демографического кризиса. Сейчас население России насчитывает 145 млн человек, а в 2050 г., согласно прогнозам, оно составит 90-125 млн. Время работает против России. Вскоре эта страна столкнется с проблемой комплектования армии, достаточной для решения стратегически необходимых задач. В структуре населения России численность русских падает по отношению к численности других этнических групп, и это оказывает на Россию сильное давление, побуждающее ее действовать скорее раньше, нежели позже. В своем нынешнем географическом положении России остается лишь ждать случая. Учитывая траекторию российской демографии, через 20 лет действовать, пожалуй, будет поздно, и российские лидеры знают об этом. России не надо завоевывать мир, но ей необходимо восстановить и удержать буферные зоны вдоль своих границ, то есть, в сущности, восстановить старые границы бывшего Советского Союза.

Раздираемая геополитическими, экономическими и демографическими проблемами, Российская Федерация по необходимости сделала фундаментальный сдвиг. На протяжении 100 лет российские правительства стремились модернизировать свою страну, пытаясь догнать остальную Европу. Им никогда не удавалось справиться с этой задачей. И примерно в 2000 г. Россия изменила акценты в своей стратегии. Вместо сосредоточения усилий на промышленном развитии, как это было в прошлом веке, переосмыслив свои возможности, Россия начала относиться к себе как к экспортеру природных ресурсов, прежде всего энергии и энергоносителей, а также и минералов, сельскохозяйственной продукции, древесины и драгоценных металлов.

Сместив акцент с индустриального развития на добычу сырья, Россия пошла по пути, весьма отличающемуся от прежнего, который более характерен для развивающихся стран. Но благодаря неожиданному росту цен на энергию и сырье этот переход не только спас российскую экономику, но и укрепил ее настолько, что Россия смогла себе позволить селективную повторную индустриализацию. Самым важным последствием сдвига акцентов в экономической политике является то, что, поскольку производство сырья требует меньших затрат труда, чем промышленное производство, сырьевая экономика дала России ту

экономическую основу, которую можно поддерживать в условиях сокращающегося населения.

Сырьевая экономика также дала России рычаг давления, которым можно пользоваться в международной системе. Европа остро нуждается в энергии. Россия, строя трубопроводы для поставки природного газа, удовлетворяет потребности Европы в энергии, одновременно решая собственные экономические проблемы и ставя Европу в зависимость от себя. В мире, нуждающемся в энергии, российский экспорт энергии и энергоносителей подобен поставкам героина. Страны, однажды воспользовавшиеся газом и нефтью из России, попадают в своеобразную зависимость от этих поставок. Россия уже использует свои газовые ресурсы как инструмент принуждения других стран, заставляя тех склониться перед своей волей. Эта власть проникает в самое сердце Европы, где немцы и прежние советские сателлиты из Восточной Европы зависят от российского природного газа. В сочетании с другими ресурсами это позволяет России оказывать сильное давление на Европу.

Зависимость может быть палкой о двух концах. Слабая в военном отношении Россия не в состоянии оказывать длительное давление на соседей, которые могут решиться на захват российских богатств. Поэтому Россия должна восстановить свою военную мощь. Сочетание богатства и слабости — плохое сочетание для страны. Если Россия богата природными ресурсами и желает экспортировать их в Европу, она должна быть в состоянии защищать свое достоинство и формировать международную среду, в которой существует.

В следующем десятилетии Россия станет более богатой (по крайней мере, по сравнению с прошлым), но в географическом отношении она окажется уязвимой. Поэтому Россия использует часть своих богатств на создание военной мощи, которая будет соответствовать защите ее интересов, и на создание буферных зон для защиты от остального мира, а затем — и на создание буферных зон, ограждающих буферные зоны. Большая стратегия России предполагает создание глубоких буферных зон вдоль Северо-Европейской равнины, внесение раскола в ряды своих соседей и манипулирование ими, что позволит построить новый региональный баланс сил в Европе. Тесные границы без буферных зон и объединение против нее соседей — вот с чем не сможет смириться Россия. Вот почему ее последующие действия будут казаться агрессивными, хотя в действительности — носить оборонительный характер.

В развитии действий России будет три фазы. На первой фазе Россия сосредоточится на восстановлении влияния и эффективного контроля в пределах бывшего Советского Союза, воссоздании советской системы буферов. На второй фазе Россия попытается построить второй ряд буферных зон, уже за пределами бывшего Советского Союза. Россия постарается сделать это, не провоцируя остальные государства на создание общего фронта противодействия, подобного тому, который удушил ее во время холодной войны. И на третьей фазе (которая в действительности разворачивается с самого начала описываемого трехфазного процесса) Россия попытается предотвратить формирование антироссийских коалиций.

Здесь стоит вернуться к причинам, по которым бывший Советский Союз во второй половине XX в. мог сохраняться в целостности. Советский Союз был сплочен не одной лишь силой, но еще и системой экономических отношений, которые поддерживали СССР так же, как прежде поддерживали целостность Российской империи. Бывший Советский Союз обладал географическим единством — это была огромная, в основном континентальная держава в сердце Евразии. Внутренние транспортные системы были крайне неразвитыми, что обычно наблюдается в континентальных регионах, где речные и сельскохозяйственные системы не соответствуют друг другу. Поэтому в России трудно перевозить продовольствие, а после индустриализации стало трудно перевозить и промышленные товары.

Подумайте о бывшем Советском Союзе как о части Евразийского материка, простиравшейся от берегов Тихого океана на запад через заброшенные земли, которые лежат к северу от населенного Китая. Затем граница Советского Союза проходила к северо-западу от Гималаев и вдоль южной части Центральной Азии, достигала Каспийского моря,

проходила по Кавказу. Далее граница опиралась на Черное море, а потом — на Карпаты. На севере была только Арктика. Эти границы очерчивали огромную сухопутную территорию, на которой существовали республики со слабыми экономиками.

Если мы представим Советский Союз как естественную группировку географически изолированных и экономически отсталых стран, мы сможем понять, что обеспечивало единство этой державы. Страны, составлявшие СССР, держались вместе по необходимости. Они не могли конкурировать с остальным миром экономически, но, будучи изолированы от глобальной конкуренции, могли дополнять и поддерживать друг друга. Это была естественная группировка, в которой охотно господствовала Россия. Страны, лежащие за Карпатскими горами (оккупированные русскими после Второй мировой войны), стали сателлитами СССР и не были включены в состав этой естественной группировки. Если бы не военное присутствие СССР, эти страны ориентировались бы не на Россию, а на остальную Европу.

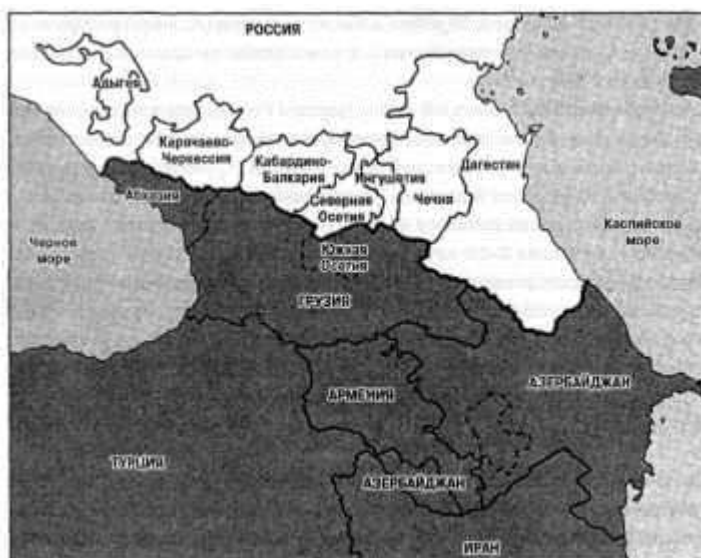
Бывший Советский Союз состоял из членов, которым на самом деле некуда было податься. Старые экономические связи по-прежнему господствуют в регионе — за исключением того, что новая российская экономическая модель, основанная на экспорте энергоресурсов, сделала эти страны еще более зависимыми, чем они были прежде. Украина, которая тянется к остальной Европе, не может ни конкурировать с Европой, ни участвовать в ее жизни. Естественные экономические отношения связывают Украину с Россией. Украина зависит от поставок энергоресурсов из России и в конечном счете склонна к тому, чтобы смириться с военным господством России.

Такова динамика, которой воспользуется Россия для восстановления своей сферы влияния. Воссоздание сферы влияния не обязательно означает восстановление формальной политической структуры, управляемой из Москвы, хотя и такой вариант развития событий вполне мыслим. Гораздо более важным является то, что российское влияние в регионе в течение следующих 5-10 лет будет резко усиливаться. Для того чтобы придать размышлениям на эту тему некоторую упорядоченность, давайте разобьем ситуацию на три театра действий — Кавказ, Среднюю Азию и европейский театр, включающий страны Балтии.

Кавказ.

По Кавказу проходит граница между Россией и Турцией, и в прошлом Кавказ был точкой начала конфликтов между двумя империями. В годы холодной войны Кавказ также был горячей точкой. Турецко-советская граница проходила через Кавказ. На советской стороне границы находились три отдельные республики — Армения, Грузия и Азербайджан, ныне ставшие независимыми государствами. Кавказский хребет также уходит на север, на территорию Российской Федерации, включающей заселенные мусульманами районы — Дагестан и, что еще важнее, Чечню, в которой после падения коммунизма началась партизанская война против русского владычества.

С чисто оборонительной точки зрения точные границы сфер влияния России и Турции неважны до тех пор, пока обе эти державы присутствуют где-то на Кавказе. Изрезанный рельеф местности делает оборону сравнительно простым делом. Однако если Россия полностью утратит свои позиции на Кавказе и будет оттеснена на север, в степи, ее положение усложнится. Поскольку расстояние между Украиной и Казахстаном.

Кавказ

составляет всего несколько сотен километров, Россия окажется в стратегически сложном положении.

Вот почему Россия не стремится к компромиссу по Чечне. Южная часть Чечни находится в глубине Северного Кавказа. Если эта часть будет потеряна, России придется свертывать все свои позиции на Кавказе. Учитывая это, для России было бы предпочтительнее закрепиться где-то дальше к югу, в Грузии. Соседнее с Грузией государство Армения — союзница России. Будь Грузия российской, позиции России на Кавказе оказались бы намного более стабильными. Контроль над Чечней — совершенно необходим. Новое поглощение Грузии — желательно. Удержание Азербайджана не сулит стратегического преимущества, но Россия не возражала бы против превращения Азербайджана в буфер против Ирана. Российские позиции здесь вполне удовлетворительны, но Грузия, которая отнюдь не случайно вступила в тесные союзнические отношения с США, — соблазнительная для России цель, что и показал конфликт, произошедший между Грузией и Россией в августе 2008 г.

В регионе продолжают кипеть острые конфликты, типичные для горных районов, населенных мелкими этническими группами. Например, армяне ненавидят турок, которых обвиняют в геноциде армян в начале XX в. Армения ищет защиты у России. Армяно-грузинская вражда принимает весьма острые формы. Хотя лидер СССР Сталин был грузином, дружба между народами СССР не привилась: грузины враждебно относятся к армянам, а к русским — с крайним подозрением. Русские же считают, что грузины допускают через свою территорию провоз оружия для чеченских повстанцев, а то, что грузины стали очень близки к американцам, еще более осложняет ситуацию. Азербайджан враждебен Армении и поэтому близок к Ирану и Турции.

В ситуации на Кавказе очень трудно разобраться и еще труднее так или иначе с нею справиться. Советскому Союзу удалось фактически разрешить эту сложную ситуацию, включив закавказские страны в состав СССР после Первой мировой войны и безжалостно подавив их автономию. Россия просто не может проявлять безразличие к тому, что происходит и будет происходить в этом регионе (если только не собирается утратить позиции на Кавказе), поэтому если она действительно намеревается подтвердить свое положение, то начнет делать это с Грузии. Поскольку США рассматривают Грузию как стратегический актив, возрождение российского влияния на Кавказе приведет к конфронтации с США. Если только мятеж в Чечне не будет полностью подавлен, России придется двинуться на юг, изолировать мятежников и закрепиться в горах.

Есть две державы, которые не хотят, чтобы эти планы осуществились, — это США и Турция. Американцы будут рассматривать российское господство в Грузии как подрыв собственных позиций в регионе, а турки воспримут его как усиление армян и новое

появление российской армии близ своих границ. Русских же это противодействие еще больше убедит в необходимости действовать. Результатом станет очередная кавказская война.

Средняя Азия.

Средняя Азия — огромный регион, выходящий к Каспийскому морю и граничащий с Китаем. Население Средней Азии преимущественно исповедует ислам и поэтому, как мы уже видели, захвачено масштабной дестабилизацией, происходящей в исламском мире после падения СССР. Сама по себе Средняя Азия имеет определенную экономическую ценность как регион, богатый энергетическими ресурсами. Но для России Средняя Азия не представляет особой стратегической ценности, разве что в случае, если другая великая держава вознамерится утвердиться в этом регионе и использовать его как плацдарм против России. Если такое случится, Средняя Азия станет крайне важной. Войска державы, контролирующей Казахстан, будут находиться в какой-то сотне километров от Волги, речной артерии российского сельского хозяйства.

В 90-х гг. XX в. в этот регион устремились западные энергетические компании. Россия не возражала против этой экспансии. Она была не в состоянии ни конкурировать с западными компаниями, ни установить

Центральная Азия

военный контроль над регионом. Средняя Азия оставалась нейтральной и не слишком важной зоной для России. События 11 сентября 2001 г. в корне изменили эту ситуацию и заново определили геополитическое значение Средней Азии. Данные события побудили США к вторжению в Афганистан. Так как США не могли быстро начать вторжение сами, они обратились за помощью к России.

Американцы просили у русских помощи, во-первых, в деле активизации Северного альянса, афганской группировки, выступавшей против талибов. По планам американцев, Северный альянс должен был сыграть важную роль в наземных операциях. Русские спонсировали Северный альянс и, в сущности, контролировали эту группировку. Во-вторых, американцы просили у русских поддержки в деле получения баз в нескольких среднеазиатских странах. В техническом смысле эти страны были независимыми, но США просили помощи в установлении контактов с Северным альянсом и не могли себе позволить раздражать русских. Не желали гневить Россию и среднеазиатские страны, а для того, чтобы попасть на базы в Средней Азии, самолетам США надо было пролетать в воздушном пространстве бывшего СССР.

Русские согласились с американским военным присутствием в данном регионе,

полагая, что у них есть договоренность о том, что это присутствие будет временным. Но поскольку война в Афганистане приняла затяжной характер, США остались в Средней Азии, а поскольку они остались в данном регионе, их влияние в разных среднеазиатских республиках стало возрастать. В России поняли — то, что было вполне благополучной буферной зоной, все более подпадает под влияние главной мировой державы, которая теснит Россию и на Украине, и на Кавказе, и в странах Балтии. К тому же по мере роста цен на энергию и энергоносители и перехода России к новой экономической стратегии энергетические ресурсы Средней Азии стали более важными.

Россия не желала, чтобы американские войска находились в сотне километров от Волги. Россия просто обязана была реагировать на усиление позиций США в Средней Азии, и, вместо прямых действий, русские стали манипулировать политической ситуацией в регионе, уменьшая могущество США. Это был ход, рассчитанный на возвращение Средней Азии в российскую сферу влияния. А американцы, находящиеся в другом конце света, издерганные хаосом, царящим в Афганистане, Иране и Пакистане, попросту были не в состоянии сопротивляться. Россия вновь утвердила свои естественные позиции. Что примечательно: Средняя Азия — одно из немногих мест, недостижимых для военно-морской мощи США.

Средняя Азия — регион, где США не могут закрепиться, если на них оказывает давление Россия. В этом регионе потенциальной проблемой могут стать китайцы, но, как мы уже видели, это вряд ли случится. Китай имеет экономическое влияние в Средней Азии, но у России, в конце концов, есть и военные, и финансовые возможности, чтобы превзойти Китай. Россия может предложить Китаю доступ в Среднюю Азию, но схемы, созданные в XIX в. и сохраненные Советским Союзом, проявятся снова со всей силой. Поэтому, по моему мнению, Средняя Азия вернется в сферу российского влияния в начале 2-го десятилетия XXI в., задолго до того, как на Западе, в Европе, начнется крупная конфронтация.

Европейский театр.

Европейский театр — это, конечно же, зона, непосредственно прилегающая к России с запада. В этом регионе Россия граничит с тремя государствами Балтии (Эстонией, Латвией и Литвой) и двумя независимыми республиками — Беларусью и Украиной. Все эти государства были частями сначала Российской империи, а затем — Советского Союза. За ними лежит пояс бывших сателлитов СССР — Польша, Словакия, Венгрия, Румыния и Болгария. Для обеспечения основ своей национальной безопасности современной России необходимо господствовать в Беларуси и на Украине. Государства Балтии в этом смысле вторичны, но все-таки важны. Восточная Европа не имеет решающего значения до тех пор, пока Россия опирается на Карпаты на юге и имеет крупные силы на Северо-Европейской равнине. Разумеется, все это может осложниться.

Украина и Беларусь для России — всё. Если эти страны попадут в руки врага (например, вступят в НАТО), Россия окажется в смертельной опасности. От границы с Беларусью до Москвы — чуть более 300 км. От границы с Украиной до Волгограда, бывшего Сталинграда, — меньше 300 км. Россия оборонялась и от Наполеона, и от Гитлера за счет глубины своей территории. Без Беларуси и Украины эта глубина исчезает. Исчезает земля, которую можно обменивать на кровь врага. Конечно, думать, будто бы НАТО представляет угрозу для России, абсурдно. Но в России мыслят 20-летними циклами и знают, как быстро то, что кажется абсурдным, становится возможным.

В России также знают, что США и НАТО систематически расширяют сферу своей деятельности, предоставляя странам Восточной Европы и государствам Балтии членство в НАТО. И как только США начали вовлекать в НАТО Украину, Россия изменила свое отношение и к случаям американского вмешательства, и к Украине. С точки зрения России расширение НАТО за счет Украины угрожает российским интересам точно так же, как пришествие Варшавского договора в Мексику угрожало бы интересам США. Когда в 2004 г.

в Украине произошло восстание прозападно настроенных украинцев («оранжевая революция») и казалось, что Украина вступит в НАТО, русские обвинили США в попытках окружить и уничтожить Россию. О чем думали американцы — вопрос открытый, но то, что Украина при вступлении в НАТО потенциально уничтожает национальную безопасность России, обсуждению не подлежит.

В России не стали проводить военную мобилизацию, ограничившись мобилизацией спецслужб, имеющих превосходные связи на Украине. Русские подорвали «оранжевую революцию», сыграв на расколе между пророссийской Восточной Украиной и проевропейской Западной Украиной. Это оказалось совсем нетрудным делом, и вскоре украинская политика зашла в тупик. Утверждение российского влияния в Киеве — всего лишь вопрос времени.

Еще проще дела обстоят в Беларуси. Как мы уже отмечали, Беларусь — наименее реформированная из бывших советских республик. Беларусь остается централизованным авторитарным государством. И того важнее: руководство Беларуси не раз оплакивало исчезновение СССР и предлагает России особый союз. Подобный союз возможен, конечно, только на российских условиях, что приводит к напряженности, однако вступление Беларуси в НАТО невозможно.

Новое поглощение Беларуси и Украины российской сферой влияния станет фактом в следующие 5 лет. Когда это произойдет, Россия вернется к границам с Европой, примерно соответствующим тем, которые существовали в период между двумя мировыми войнами. Восстановленные границы на юге будут опираться на Кавказ, защищены Украиной, а на севере — соприкасаться с Польшей и странами Балтии. Эта конфигурация заставляет задаться двумя вопросами: какая страна является самой могущественной на севере и где именно должны проходить границы. И тут настоящей точкой вспышки станут страны Балтии.

Традиционный маршрут вторжения в Россию — полоса между Карпатами и Балтийским морем. Ширина этой полосы — около 500 км. Местность там легко проходимая, с небольшим числом водных преград. Северо-Европейская равнина сулит агрессору легкую прогулку. Европейский агрессор может двинуться прямо на восток, к Москве, или на северо-восток, к Санкт-Петербургу. В годы холодной войны расстояние от Санкт-Петербурга до передовых линий НАТО превышало 200 км. Сегодня это расстояние составляет немногим больше 100 км. И этот факт объясняет стратегический кошмар, с которым Россия сталкивается в Прибалтике, как объясняет и меры, которые, как представляется русским, необходимо принять для решения проблемы.

Некогда три балтийские страны были частью Советского Союза, после развала которого они обрели независимость. А затем, воспользовавшись едва открывшейся и весьма быстро закрывшейся возможностью, эти государства вступили в НАТО. Как мы видели, европейцы, скорее всего, слишком глубоко погружены в цикл упадка, чтобы проявить энергию и воспользоваться этой ситуацией. Однако русские не собираются рисковать своей национальной безопасностью на основе данного предположения. Они видели, как войска Германии, бывшей еще страной-калекой в 1932 г., уже в 1941 г. стояли у ворот Москвы. Включение стран Балтии и Польши в НАТО приблизили границы НАТО чрезвычайно близко к сердцу России. Для страны, за последние пару веков пережившей три вторжения, удобное предположение, будто бы НАТО и ее члены не представляют угрозы, не из числа тех, которые можно делать без всякого риска.

С точки зрения российской стороны, основные ворота вторжения в Россию не только широко распахнуты, но и находятся в руках стран, проявляющих подчеркнутую враждебность. Страны Балтии никогда не простят оккупации их земель бывшим СССР. Столь же ожесточены поляки, питающие глубокое недоверие к намерениям России. Теперь, став членами НАТО, эти страны образуют передовую линию. За ними лежит Германия, страна, которой русские не доверяют так же, как поляки и жители стран Балтии не доверяют России. Русские определенно впадают в паранойю, но это никоим образом не означает, что у

них нет врагов или они безумны.

Главная точка любой конфронтации такова. Россия может существовать более или менее спокойно при условии, что Балтийский регион нейтрален. Но жить в условиях, когда страны Балтии являются членами НАТО и близки с американцами — это более серьезный риск, решаться на который русским не хочется. С другой стороны, американцы, прижатые к стенке в Средней Азии и вынужденные проявлять осторожность на Кавказе, не могут уйти из Балтии. Любой компромисс по трем балтийским членам НАТО ввергнет Восточную Европу в панику. Поведение восточноевропейских стран станет непредсказуемым, и у России появится возможность распространить свое влияние дальше на запад. Россия весьма заинтересована в таком развитии событий, но если американцы захотят, они смогут приложить немалую мощь и сдержать поползновения русских.

Следующим ходом России станет соглашение с Беларусью о создании интегрированной системы обороны. Беларусь и Россия связаны очень давно, так что такой союз станет естественной реставрацией прошлого. Этот союз приведет российские войска на границы государств Балтии, а также на границу с Польшей — и это разожжет полномасштабную и острую конфронтацию.

Поляки боятся русских и немцев. Зажатые между Россией и Германией, лишенные естественных рубежей обороны, поляки опасаются того, кто в данный момент сильнее. В отличие от других стран Восточной Европы, отгороженных от России по меньшей мере Карпатами и граничащих не с Россией, а с Украиной, поляки находятся на опасной Северо-Европейской равнине. Когда российские войска вернутся на восточную границу Польши в процессе конфронтации с государствами Балтии, поляки тотчас же отреагируют. Население Польши — почти 40 млн человек. Польша — немаленькая страна и, поскольку ее поддержат США, не мелкая величина.

Польша поддержит страны Балтии. Российская сторона, втянув в свой союз с Беларусью и Украину, развернет свои армии на границе с Польшей и далее на юг, вплоть до Черного моря. В этот момент Россия начнет процесс попыток нейтрализовать государства Балтии. Эти события, как я полагаю, могут произойти в середине 2-го десятилетия XXI в.

В распоряжении российской стороны будет три инструмента осуществления воздействия на государства Балтии. Во-первых, тайные операции. Россия станет финансировать и вдохновлять русские меньшинства в этих странах и любые пророссийские элементы, какие существуют там или могут быть подкуплены точно так же, как это делают США с неправительственными организациями во всем мире. Когда латыши, литовцы и эстонцы подавят подобные движения, это даст российской стороне предлог к использованию второго инструмента — экономических санкций. Прежде всего будут перекрыты поставки природного газа. Наконец, Россия использует военное давление, развернув крупные силы на границах со странами Балтии. Психологическое давление будет огромным.

В последние годы много говорили о слабости Российской армии. В десятилетие, последовавшее за падением СССР, эти разговоры были оправданны. Но ныне мы сталкиваемся с новой реальностью: с 2000 г. слабость стала превращаться в силу и к 2015 г. станет делом прошлого. Предстоящая конфронтация в Северо-Восточной Европе случится не внезапно. Это будет затяжная конфронтация. У российской военной мощи достаточно времени для развития. Одной из сфер, в которых Россия в 90-х годах XX в. продолжала исследования и разработки, были передовые военные технологии. К 2010 г. Российская армия определенно окажется самой боеспособной армией в регионе. К 2015–2020 гг. российская военная мощь станет вызовом для любой державы, пытающейся проецировать силу в рассматриваемый регион. Даже для США.

Россия столкнется с группой стран, неспособных защититься собственными силами, и 1 НАТО, которая эффективна только при условии, что США готовы применить силу. Как мы уже видели, в Евразии США проводят, в сущности, одну политику — политику предотвращения установления господства любой державы над Евразией или ее частью. Если Китай ослабнет или распадется, а Европа окажется слаба и разобщена, у США появится

фундаментальный интерес избежать общей войны, замкнув Россию на государствах Балтии и поляках, которые неспособны мыслить глобально.

В поддержке этих стран США используют свой традиционный метод — передачу технологий. По мере приближения 2020 г. новые военные технологии потребуют меньших по численности, но более эффективных вооруженных сил, что означает, что малые страны могут обладать непропорционально большой военной мощью, если имеют доступ к передовым технологиям. США захотят усилить мощь Польши и стран Балтии и тем самым связать Россию, что будет наилучшим способом ее сдерживания. Грузия на Кавказе представляет второстепенный очаг конфликта. Раздражая Россию, Грузия станет отвлекать силы от Европы и, таким образом, станет районом вмешательства США. Но значение будет иметь не Кавказ, а Европа.

Учитывая американскую мощь, можно предположить, что США не нанесут удара непосредственно по России и не допустят каких-либо авантур со стороны своих союзников. Россия же, со своей стороны, скорее, захочет оказать давление на США в других точках Европы или частях света (например, попытаться дестабилизировать граничащие с Россией страны вроде Словакии и Болгарии). Конфронтация охватит всю границу между Россией и остальной Европой.

Основная стратегия России будет заключаться в попытках расколоть НАТО и изолировать Восточную Европу. Ключевую роль в этих попытках будут играть немцы, а затем — французы. Ни те ни другие не хотят новой конфронтации с Россией. Это обособившиеся страны, к тому же Германия зависит от российского природного газа. Немцы стараются уменьшить свою зависимость от российского газа и, возможно, в какой-то мере преуспеют в этом, но они все равно будут зависеть от поставок больших объемов природного газа, без которых не смогут обойтись. Поэтому русские станут убеждать немцев в том, что американцы снова используют их для сдерживания России, тогда как Россия не только не угрожает Германии, но, напротив, имеет общий с нею интерес — существование между ними стабильного, нейтрального буфера в лице независимой Польши. Российская сторона будет утверждать, что вопрос о государствах Балтии не входит в эту формулу. Единственная причина, по которой американцы могут заботиться о странах Балтии, заключается в том, что США нужны плацдармы на Балтике для развертывания агрессии против России. А та, в свою очередь, проявит готовность гарантировать странам Балтии автономию в рамках широкой конфедерации и безопасность Польши в обмен на сокращения вооружений с ее стороны и нейтралитет. Альтернативой этому будет война, которая не в интересах ни немцев, ни французов.

Доводы российской стороны, возможно, подействуют, но, как я полагаю, самым неожиданным образом. США, которые, с точки зрения европейцев, всегда проявляли чрезмерную агрессивность, будут возбуждать ненужное брожение в Восточной Европе, которая должна представлять угрозу для России. Если Германия позволит НАТО сделать это, она будет втянута в нежеланный конфликт. Поэтому я думаю, что немцы блокируют поддержку, которую НАТО попытается оказать Польше, странам Балтии и остальным странам Восточной Европы. Россия рассчитывает на то, что шок, вызванный прекращением поддержки со стороны НАТО, заставит поляков и прочих пойти на уступки. Польша, пойманная в свой исторический кошмар — быть зажатой между Россией и Германией, станет еще более зависимой от США; США же, обнаружив более дешевую возможность связать Россию, расколоть Европу посередине и, по ходу дела, ослабить ЕС, увеличат поддержку стран Восточной Европы. Примерно в 2015 г. возникнет новый блок стран, в который войдут бывшие страны-сателлиты СССР и страны Балтии. Более энергичные, чем страны Западной Европы; имеющие возможность потерять гораздо больше, чем страны Западной Европы, и пользующиеся поддержкой США, члены этого нового блока проявят удивительную активность.

Россия ответит на столь изощренный ход стремящихся к мировому господству США попыткой усилить давление на Америку в других регионах мира. Например, на Среднем

Востоке, где будет продолжаться нескончаемое противостояние Израиля и палестинцев, русские увеличат военную помощь арабам. Глобальная конфронтация низкой интенсивности развернется к 2015 г. и усилится к 2020 г. Ни одна из сторон не рискнет воевать, но обе они будут маневрировать.

К 2020 г. эта фактически постоянная конфронтация станет основной мировой проблемой. Данная конфронтация окажется не такой всеобъемлющей, как первая холодная война. России не хватит сил для захвата всей Евразии, и она не станет подлинной мировой угрозой. Однако Россия будет представлять региональную угрозу, в контексте которой и будут реагировать США. По всему периметру границ России возникнет напряженность, но США не смогут установить полный кордон вокруг России, какой установили вокруг СССР (или не будут в этом нуждаться).

Учитывая эту конфронтацию, зависимость европейцев от углеводородов, поступающих главным образом из России, станет стратегической проблемой, и США будут проводить свою стратегию, заключающуюся в уменьшении важности источников энергоносителей-углеводородов. Эта стратегия выдвинет на 1-е место развитие альтернативных источников энергии. Как и прежде, Россия сосредоточится на существующих производствах, а не на развитии новых отраслей промышленности, что будет означать увеличение добычи нефти и природного газа, а не поиски новых источников энергии. В результате Россия позднее так и не выйдет на передовые позиции в деле разработки новых технологий, которые станут господствовать в XXI в.

Вместо этого России необходимо продолжать развивать военный потенциал. Таким образом, как и на протяжении двух последних столетий, Россия посвятит львиную долю своих научных и финансовых возможностей применению новых технологий в военных целях и расширению существующих производств, что приведет к усилению отставания России от США и остального мира в невоенных, но ценных технологиях. Парадоксальным образом это отставание особенно болезненно скажется на углеводородных богатствах России, потерявшей мотивы к развитию новых технологий и обремененной военными расходами.

На первой фазе утверждения мощи России (примерно до 2010 г.) эту страну в мире будут серьезно недооценивать, относясь к ней как к развалившемуся государству со стагнирующей экономикой и слабыми вооруженными силами. Во 2-м десятилетии XXI в., когда на границах России усилится конфронтация, а ее соседи встревожатся, великие державы по-прежнему будут относиться к России пренебрежительно.

США в особенности будут проявлять склонность сначала недооценивать, а затем переоценивать врагов. В середине 2-го десятилетия XXI в. США вновь обуяет страх перед Россией. Здесь можно наблюдать интересный процесс. США ударяются то в одну крайность, то в другую, но на самом деле, как мы уже видели, проводят весьма последовательную и рациональную внешнюю политику. В данном случае США впадут в маниакальное состояние, сосредоточатся на связывании России узлами, но станут всячески избегать прямого военного столкновения.

Очень большое значение будут иметь места, где проходят «линии разлома». Если возрождение России окажется минимальным кризисом, она будет господствовать в Средней Азии, на Кавказе и, возможно, поглотит Молдову, но не сможет сделать того же со странами Балтии или установить свое господство в какой-либо из стран, лежащих к западу от Карпат. Если же России удастся поглотить страны Балтии и обрести важных союзников на Балканах (вроде Сербии, Болгарии и Греции) или среди стран Центральной Европы (таких как Словакия), соперничество между США и Россией обострится и начнет принимать пугающие формы.

Впрочем, в конечном счете все это неважно. Пытаясь противостоять долям военной мощи США, выделенным Америкой в ответ на ходы России, российская военная мощь будет испытывать сильное напряжение. Что бы ни делала остальная Европа, Чешская Республика, Венгрия и Румыния станут упорно оказывать сопротивление любым продвижениям России и ради получения американской помощи пойдут на любую сделку, какую США ни предложат

им. Таким образом, на этот раз «линия разлома» пройдет, скорее, по Карпатским горам, а не через Германию, где она проходила во время холодной войны. Основной линией противостояния станут равнины Северной Польши, но Россия не рискнет развязывать военные действия.

Причины, вызывающие эту конфронтацию (как ранее холодную войну), предрешат ее результаты, которые будут такими же, как и результаты холодной войны, но на этот раз их достижение не потребует от США значительных усилий. В прошлый раз конфронтация происходила в Центральной Европе. В будущем она будет разворачиваться намного восточнее. В прошлой конфронтации (по крайней мере, на ее начальной стадии) союзником России был Китай. На этот раз Китай будет стоять в стороне. В прошлый раз Россия полностью контролировала Кавказ, но теперь это будет не так: на Кавказе Россия столкнется с присутствием США и Турцией. Во время холодной войны у России было большое население, теперь ее население сильно уменьшилось и продолжает сокращаться. Внутренние проблемы, особенно на юге, будут отвлекать внимание России от Запада. В конце концов страна развалится и без войны (как уже разваливалась в 1917 г., и это произошло снова — в 1991 г.), а вскоре после 2020 г. рухнет военная мощь России.

Глава 7. Американская мощь и кризис (2030 г.)

Вдоль южной границы США строят стену с целью не допустить проникновения в страну нелегальных иммигрантов. Несмотря на то что США построили свое экономическое могущество трудом иммигрантов, начиная с 20-х годов XX в. в стране возник национальный консенсус: поток иммигрантов следует ограничить, с тем чтобы экономика могла переварить их, и гарантировать, что граждане не теряют рабочие места. Стена вдоль границы с Мексикой — логическое завершение этой политики.

В 20-х годах XX в. мир переживал бурный, взрывной рост населения. США, как и все другие государства, сталкивались с проблемой постоянного роста резервов рабочей силы. Труд был дешев и имел тенденцию перемещаться в более богатые страны. США, столкнувшись с наплывом потенциальных иммигрантов, решили ограничить их въезд, чтобы не допустить падения цен на труд, т. е. снижения заработных плат.

В XXI в. прежняя суть иммиграционной политики США окажется недействительной. Рост населения замедляется, люди живут дольше, что приводит к увеличению доли старшего поколения населения, тогда как доля молодых работников — снижается. Это означает, что США не позднее 2020 г. начнут испытывать постоянно обостряющийся на протяжении десятилетия дефицит работников, а значит, и нуждаться в иммигрантах для восполнения нехватки рабочих рук. В XX в. проблема заключалась в ограничении иммиграции. В XXI в. проблемой станет привлечение достаточного числа иммигрантов.

Следующий развал России, по-видимому, откроет дверь в «золотой век» США. Но окончание конфронтации с Россией приведет к крупному внутреннему экономическому кризису, вызванному нехваткой рабочей силы.

Мы уже могли видеть, что фронт современного кризиса определяется старением населения в передовых промышленно развитых странах. Отчасти кризис будет социальным — структуры семьи, существовавшие столетиями, станут все более и более разваливаться, и у все большего числа престарелых людей не будет никого, кто мог бы о них заботиться. Это породит острую политическую борьбу между социальным консерватизмом и постоянно изменяющейся социальной реальностью. Мы уже видели некоторые проявления конфликта в массовой культуре (от ток-шоу до выступлений политиков), но конфликт будет обостряться до тех пор, пока в середине 3-го десятилетия XXI в. не выльется в кризис.

Если история может служить каким-то указателем, то данный кризис станет главным вопросом президентских выборов 2028/2032 гг. Потому что, на мой взгляд, в американской истории существует странная и не вполне объяснимая закономерность. Примерно раз в 50 лет США сталкиваются с экономическим и социальным кризисом, определяющим

последующее развитие страны. Проблема, вызывающая кризис, проявляется в десятилетие, предшествующее кризису. Происходят выборы, становящиеся поворотным моментом и определяющие изменения политического пейзажа в течение примерно 10 последующих лет. Происходит разрешение кризиса, и США процветают. На протяжении жизни следующего поколения решение прежней проблемы порождает новую ситуацию, которая обостряется до тех пор, пока не происходит новый кризис. Процесс повторяется снова и снова. Иногда момент, определяющий кризис, проявляется трудно и поздно, а иногда его нельзя не заметить. Но коренная причина кризиса есть всегда.

Для того чтобы понять причины, по которым я уверен, что мы столкнемся с очередным кризисом в 3-м десятилетии XXI в., важно понять описанную выше закономерность подробнее. Так же, как нельзя инвестировать в акции, не понимая закономерностей изменения их котировок в прошлом, нельзя извлечь какой-то смысл из моего прогноза, не понимая циклов американской политической и экономической жизни.

До сего момента в истории США прошло пять полных циклов, и ныне США находятся где-то на середине 5-го цикла. Циклы обычно начинаются с успешного, определяющего последующее развитие страны президентства и заканчиваются крайне неудачным президентством. Таким образом, цикл, начавшийся с президентства Джорджа Вашингтона, закончился президентством Джона Куинси Адамса; цикл, начатый президентством Эндрю Джексона, завершился президентством Улисса Симпсона Гранта; цикл, начавшийся с президентства Ратерфорда Берчарда Хейса, закончился президентством Герберта Кларка Гувера, а цикл, начатый президентством Франклина Делано Рузвельта, закончился президентством Джеймса (Джимми) Эрла Картера. Политическую борьбу определяет борьба между классом, который связан с утвердившейся экономической моделью и господство которого приходит в упадок, и возникающим новым классом и новой экономической моделью. Обе стороны этого конфликта представляют радикально отличное видение мира и различные определения того, что такое хороший гражданин, и отражают изменяющиеся способы получения доходов.

1-й цикл: *от отцов-основателей до пионеров*

Америка возникла в 1776 г., когда была подписана Декларация независимости. С этого момента страна обрела национальную идентичность, национальную армию и национальный конгресс. Отцами-основателями были в основном представители одной этнической группы — англичане, несколько разбавленные шотландцами. Эти зажиточные люди рассматривали себя в качестве защитников нового правящего режима, который по своему характеру отличался от масс безземельных и неимущих людей и, уж конечно, от рабов-африканцев.

Но сами по себе отцы-основатели не могли создать, построить страну. Для движения в глубь континента и заселения земель к западу от Аллеганских гор требовались пионеры. И это были люди, совершенно непохожие на Джефферсона или Вашингтона. Как правило, фермерами-пионерами становились бедные, необразованные иммигранты, по большей части шотландцы и ирландцы — люди, подобные Даниелю Буну².

Они стремились найти маленькие участки земли, которые можно было расчистить, чтобы вести хозяйство. В 20-х годах XIX в. между этими двумя группами началась политическая борьба, поскольку идеалы отцов-основателей столкнулись с интересами поселенцев. Социальная напряженность трансформировалась в экономический кризис и достигла кульминации в 1828 г., в момент избрания защитника интересов нового поколения

² Даниэль Бун (англ. Daniel Boone, 22 октября 1734—26 сентября 1820) — американский первопоселенец и охотник. Его приключения (настоящие и легендарные) имели огромное влияние на формирование образа исконного представителя американского фольклора с Запада США, сделав Буна одним из первых народных героев США. — *Примеч. ред.*

— Эндрю Джексона. Джексон пришел к власти после крайне неудачного президентства Джона Куинси Адамса, последнего представителя поколения отцов-основателей.

2-й цикл: от пионеров до жителей мелких городков

При Эндрю Джексоном самым динамичным классом в Америке были фермеры-пионеры, жившие в глубине континента. Старый класс из которого вышли отцы-основатели, не исчез, но баланс политической власти сместился от них в пользу более бедных, но многочисленных поселенцев, устремлявшихся на Запад. Предшественники Джексона благоволили к стабильной валюте, которая ограждала инвесторов. Джексон же выступал за дешевые деньги, более выгодные должникам, людям, которые отдали ему свои голоса. Если героем 1-го цикла был Джордж Вашингтон — земледелец-джентльмен, воин и государственный деятель, то героем 2-го цикла стал Авраам Линкольн, родившийся в бревенчатой хижине в штате Кентукки. В конце 2-го цикла, после Гражданской войны, для Запада США уже не было характерно малопроизводительное, выматывающее все силы сельское хозяйство пионеров первого поколения. К 1876 г. фермеры не только владели своими землями, но и зарабатывали деньги на сельском хозяйстве. Изменился и пейзаж: гомстеды породили мелкие городки, которые развивались, чтобы обслуживать богатеющих фермеров. Банки в таких городках принимали вклады у фермеров и инвестировали деньги на Уолл-стрит. Деньги оттуда вкладывали в строительство железных дорог и промышленных предприятий.

Но существовала проблема. Политика дешевых денег (а именно такую политику США проводили в течение полувека), возможно, и помогла пионерам, но причиняла вред их детям, превратившим фермы Запада в предприятия. К 70-м годам XIX в. кризис, вызванный дешевыми деньгами, стал невыносим. Низкие процентные ставки делали невозможным инвестирование прибылей, которые приносили фермы и тем более предприятия, обслуживавшие фермеров.

Если Америке предстояло развиваться, ей была необходима сильная, стабильная валюта. В 1876 г., после неудачного президентства Улисса С. Гранта, президентом США был избран Ратерфорд Б. Хейс.

Хейс — или, говоря точнее, его министр финансов, Джон Шерман, — выступал за защиту денег, обеспеченных золотом. Такие деньги ограничили инфляцию, привели к повышению процентных ставок и повысили привлекательность инвестиций. Это ударило по бедным, но помогло более зажиточным фермерам, скотоводам и обслуживавшим их мелким банкирам. Такая финансовая политика обеспечила финансирование стремительной индустриализации США. В течение полувека эта политика способствовала ошеломляющему росту американской экономики — и так продолжалось до тех пор, пока она не захлебнулась в собственном успехе. Нечто подобное произошло и на двух более ранних циклах.

3-й цикл: от мелких городков к промышленным центрам

С достоинствами и добродетелями мелких американских городков произошло то же, что с Даниелем Буном: их возышали и чествовали еще долго после того, как их время прошло. В страну ввезли миллионы рабочих-иммигрантов, которые работали в шахтах и фабриках и селились преимущественно в крупных городах. Иммигранты — ирландцы, итальянцы, выходцы из Восточной Европы — были совершенно непохожи на иммигрантов, приехавших в США ранее. Представьте страну, население которой состояло в основном из белых протестантов, а низший класс — из чернокожих. И в эту страну внезапно нахлынули иммигранты, которые выглядели, говорили и действовали совсем иначе. Понятно, что в Америке мелких городков к новым иммигрантам относились с подозрением и враждебно. Крупные города, где селились и работали на фабриках эти новые иммигранты, стали рассматривать как центры чуждой, растленной культуры.

Однако сложившиеся в мелких городках ценности начали мешать Америке.

Финансовая система с конца 70-х годов XIX в. работала на основе «дорогих» денег, что поощряло накопление и инвестирование, но ограничивало потребление и кредит. По мере роста населения крупных городов, вызванного и высокой рождаемостью, и иммиграцией, низкие заработные платы затрудняли жизнь новых иммигрантов. Инвестиции росли, а покупательная способность рабочих оставалась жестко ограниченной, и они не могли покупать товары, которые производили. Результатом стала Великая депрессия: у потребителей не было денег для покупки необходимых им товаров, поэтому на фабриках увольняли рабочих, и этот цикл казался бесконечным. Напряженный труд и бережливость, составлявшие основу этики мелких городков, едва ли были достаточной защитой от действия столь могущественных макроэкономических факторов.

В 1932 г., после неудачного президентства Герберта К. Гувера, к власти пришел Франклин Д. Рузвельт, который заменил политику предшествующего поколения противоположной и стал изыскивать способы увеличить потребление путем передачи богатства от инвесторов потребителям. Рузвельт выступил как защитник промышленных городских рабочих и защитил их за счет приходивших в упадок мелких городков и моральных ценностей этих городков.

Впрочем, конец Великой депрессии положил не «новый курс», а Вторая мировая война, позволившая правительству тратить гигантские суммы на строительство заводов и наем рабочих. Еще более важными для преодоления Великой депрессии оказались последствия Второй мировой войны. После того как она завершилась, был принят ряд законов, которые позволяли вернувшимся с фронтов военным приобретать дома в кредит, без труда оплачивать обучение в колледжах и университетах и становиться профессионалами, не занимающимися физическим трудом. Федеральное правительство построило систему автодорог, связывающих штаты, и открыло пригородные районы для строительства жилья. Эти меры стимулировали большой вклад средств в развитие промышленности и сферы услуг и поддержали экономические завоевания военного времени. Появился американский средний класс. Реформы Рузвельта, продиктованные Второй мировой войной, были направлены на поддержку городского среднего класса и превратили детей рабочих-иммигрантов в представителей среднего класса, обосновавшихся в пригородах.

4-й цикл: от промышленных центров к пригородам, живущим услугами

Как всегда, удачное решение порождает новую проблему. Возросший спрос позволил преодолеть Депрессию. Были созданы рабочие места и системы социальной поддержки, а затем осуществлена передача денег потребителям. Богатых обложили высокими налогами, собственникам домов предложили сравнительно низкие ставки по займам, а на целый ряд покупок предоставили кредит. Такая политика заставила экономику работать.

Но к 70-м годам XX в. эта формула перестала действовать. Высокие ставки налогов сделали риск, сопряженный с созданием новых предприятий, неподъемным и начали благоприятствовать крупным корпорациям, демонстрировавшим прогрессирующую неэффективность. Для такого рода корпораций и богатых финансистов были установлены маргинальные, то есть максимальные, ставки налогообложения, превышавшие 70 %. Такая налоговая политика, наказывая за успех, в то же время препятствовала инвестированию. Заводы старели и приходили в упадок, поскольку даже потребление оставалось высоким только благодаря доступному потребительскому кредиту. Лишенные инвестиций заводы, как и вся экономика в целом, становились все менее эффективными и конкурентоспособными на мировом рынке.

В конце 70-х годов XX в. люди, появившиеся на свет во время взрыва рождаемости конца 40-х — начала 60-х, вступили в брачный возраст. В этот период спрос на кредит достиг своего максимума. Все эти моменты, в сочетании с энергетическим кризисом, перевернули ситуацию. При президенте Джимми Картере всю американскую экономику стало пошатывать. Проценты по долгосрочным кредитам достигли двузначных индексов,

инфляция, как и безработица, превысила 10 %. Решением Картера стало снижение налогов для среднего и низшего классов, что привело лишь к увеличению потребления и усилило давление на систему. Все экономические стимулы, которые работали в течение предшествующих 50 лет, не только перестали действовать, но и стали усугублять ситуацию.

В 1980 г. президентом избрали Рональда Рейгана, который столкнулся с кризисом, вызванным недостаточностью инвестиций и чрезмерным потреблением. Решением Рейгана стало поддержание потребления и одновременное увеличение инвестиционного капитала. Он сделал это через так называемую «экономику предложения», сократив налоги ради стимулирования инвестиций. Рейган не хотел удушать спрос и лишать потребителей способности покупать продукты. Его цель состояла в том, чтобы дать возможность верхним классам и корпорациям модернизировать экономику в процессе инвестирования. В 80-х годах XX в. это стало радикальной перестройкой американской экономики; перестройкой, создавшей условия для дальнейшего подъема экономики в 90-х годах XX в.

Деятельность Рейгана способствовала перераспределению политической и экономической власти, прежде сосредоточенной в крупных городах, в пользу пригородов. Благодаря новшествам эры Ф. Д. Рузвельта-Картера произошел масштабный сдвиг населения в пригороды, и этот сдвиг преобразил страну. Система автострад, связывающих штаты, и другие дороги, поддерживаемые в порядке, открыли людям доступ к менее развитым, менее дорогостоящим землям, одновременно позволив им легко совершать ежедневные поездки в город. Эти жители предместий на протяжении 2-й половины XX в. неуклонно богатели и к 80-м годам XX в. заняли первое место среди тех, кто извлек выгоду из экономической политики Рейгана.

Таким образом, Рейган завершил переориентацию американской экономики, которая отвернулась от принципов «нового курса», которые благоприятствовали потреблению городского рабочего класса и ставили это потребление превыше всех прочих соображений, и обратилась к классам специалистов и предпринимателей, живущих в пригородах. За это некоторые считают Рейгана политиком, который предал интересы крупных городов — «сердце» американского общества и «душу» американских рабочих, т. е. членов профсоюзов. Рейгана поносят как человека, предавшего простых американцев, точно так же, как прежде поносили Ф. Д. Рузвельта, Р. Хейса и Э. Джексона. Но, в конце концов, выбор у Рейгана был не больше, чем у Рузвельта, Хейса или Джексона. Ход эволюции продиктован реальностью.

5-й цикл: от пригородов, живущих услугами, к классу постоянных мигрантов

А теперь заглянем в будущее.

Если гипотеза полувекового цикла верна (а ряд циклов, охватывающий 220 лет, служит вполне надежным свидетельством верности этой гипотезы), сейчас мы находимся точно посередине 5-го цикла, начавшегося с избрания Рональда У. Рейгана на пост президента в 1980 г. Как указывает наша гипотеза, ныне существующая структура американского общества сохранится примерно до 2030 г., и никакой президент, независимо от его идеологии, не сможет изменить основные экономические и социальные тренды.

Через 20 лет после избрания Ф. Д. Рузвельта, в 1952 г. президентом США был избран Дуайт Эйзенхауэр, который не смог изменить утвержденные «новым курсом» базисные модели. Великий прогрессист Тедди Рузвельт не смог существенно изменить курс, заложенный Ратерфордом Хейсом. Линкольн подтвердил принципы политики Джексона. Джефферсон вовсе не разрушал систему, построенную Вашингтоном, и действовал так, чтобы подтвердить ее. В пределах каждого цикла оппозиционная партия выигрывает выборы, а порой и выдвигает выдающихся президентов. Но основные принципы остаются неизменными. Билл Клинтон не смог изменить основополагающие реальности, сформировавшиеся после 1980 г.

Сегодня изменить их не в силах ни один президент, от какой бы партии он ни был избран. Закономерности слишком сильны и имеют весьма глубокие корни в

основополагающих силах.

Но мы имеем дело с циклами, а они заканчиваются. Если наша гипотеза верна, то в 20-х годах XXI в. мы станем свидетелями нарастания экономической и социальной напряженности. В какой-то следующий момент (вероятно, в 2028 или 2032 гг.) на выборах произойдет решающий сдвиг. Теперь нам следует ответить на вопрос: что станет причиной кризиса 20-х годов XXI в.? Мы знаем одно: разрешение кризиса прошлого цикла породит проблему следующего цикла, а разрешение проблемы следующего цикла изменит США самым драматическим образом.

Сегодня экономика США построена на системе доступных кредитов, предоставляемых, в том числе, и на нужды потребителям. По сравнению с прошлым ставки по кредитам весьма низкие. Львиную долю богатств ныне получают за счет роста стоимости собственности — недвижимости, взносов в фонды добровольного пенсионного страхования, земли, а не за счет традиционных сбережений. Нормы сбережений в настоящее время невелики, но богатства растут быстрыми темпами.

В этом росте нет ничего искусственного. Перестройка экономики, произошедшая в 80-х годах XX в., подхлестнула быстрый рост производительности, стимулируемый предпринимательской активностью. Внедрение не только новых технологий, но и новых схем ведения бизнеса существенно повысило производительность труда работников, а также увеличило действительную стоимость предприятий. Подумайте о компаниях Microsoft и Apple как о примерах новой промышленности 80-х годов XX в. Если во время предшествующего цикла в экономическом пейзаже господствовали корпорации, подобные General Motors и U. S. Steel, то на 5-м цикле увеличение рабочих мест сосредоточено в более предприимчивых и менее капиталоемких компаниях.

Потребительский спрос и курсы ценных бумаг сосуществуют в деликатном равновесии. Если потребительский спрос по какой-либо причине падает, то сразу же падает и стоимость всего: от домов до компаний. Эти стоимости помогают экономике работать по всем направлениям, от линий потребительского кредита до займов, предоставляемых компаниям. Они определяют чистую собственность как любого отдельного человека, так и любой отдельной компании. Если котировки ценных бумаг снижаются — снижается и спрос. Так образуется нисходящая, разворачивающаяся вниз спираль. До сих пор проблема заключалась в том, чтобы экономика развивалась с той же быстротой, с какой увеличивалось население. Теперь проблема состоит в том, чтобы уверенно гарантировать, что экономика не сокращается быстрее, чем сокращается население. В идеале экономика должна расти, несмотря на сокращение населения.

Сегодня, когда до вероятного начала первого в XXI в. кризиса осталось, чуть более 10 лет, нам уже необходимо заметить первые предвестники этого начала. На нашем горизонте видны три бури.

Первая из них — демографическая. В конце 2-го десятилетия XXI в. поколение тех, кто появился на свет в период взрыва рождаемости конца 40-х — начала 60-х годов XX в., вступят в преклонный возраст: большинству из них будет за 70 лет. Эти люди станут покупать ценные бумаги и продавать дома, чтобы жить на доходы с ценных бумаг.

Вторая буря — энергетическая. Недавние скачки цен на нефть, возможно, были всего лишь циклическим подъемом, последовавшим за периодом низких цен на энергию и энергоносители, длившимся четверть века. Но эти скачки цен могут оказаться и первыми предвестниками конца экономики, основанной на потреблении углеводородного топлива.

Наконец, третью бурю вызовет рост производительности, обеспеченный инновациями последнего поколения и достигший максимума. Великие предпринимательские компании 80-х и 90-х годов прошлого века (такие как Microsoft и Dell) стали крупными корпорациями, нормы прибыли которых снижаются, что отражает снижение производительности труда. Говоря вообще, инновации последней четверти века уже учтены в цене акций. Сохранять стремительные темпы роста, наблюдавшиеся в течение последних 20 лет, будет все труднее.

Все это станет давить на стоимость капитальных продуктов, будь то акции или

недвижимость. У нас нет экономических инструментов управления ценами. За последнее столетие были созданы инструменты управления процентными ставками и предложением денег. А инструменты управления ценами на капитал только-только начинают разрабатывать, что и продемонстрировало «расплавление» ипотечного рынка в 2008 г. Уже поговаривают, что на жилищном и фондовом рынках существует спекулятивный «пузырь». Но это только начало, и я подозреваю, что острейший кризис мы не увидим еще лет этак 15–20. Но когда цикл достигнет своей кульминационной точки, США будут потрясены демографическим, энергетическим и инновационным кризисами.

Здесь стоит задержаться, чтобы рассмотреть финансовый кризис 2008 г. По большей части, этот кризис был обычной кульминацией цикла деловой активности. В периоды резкого подъема экономики процентные ставки вынужденно низки. Консервативные инвесторы стремятся увеличить доходы, не увеличивая своих рисков. Финансовые институты — это прежде всего маркетинговые организации, придуманные для того, чтобы изобретать продукты, удовлетворяющие спрос. По мере того как цикл деловой активности приближается к своей кульминации, финансовым институтам приходится изобретать такие продукты все более энергично. Зачастую в изобретенные на данной стадии продукты заложены скрытые риски. В конце цикла эта слабость сначала обнаруживается, затем проявляется, и финансовый институт, эмитировавший рискованные продукты, банкротится. Для примера стоит лишь взглянуть, что произошло с большинством компаний, работавших в Интернете на рубеже XX–XXI вв.

Если обвал происходит в финансовом, а не в нефинансовом секторе (чем и были интернет-компании), последствия оказываются вдвое более тяжелыми. Во-первых, появляются крупные финансовые убытки. Во-вторых, способность финансового сектора функционировать, обеспечивать экономику ликвидностью сильно сужается. В 70-х годах XX в. перспектива расплавления рынка муниципальных облигаций заставила федеральное правительство вмешаться и поручиться за город Нью-Йорк, а точнее — гарантировать выпущенные Нью-Йорком облигации. В 80-х годах прошлого века, когда правительства стран третьего мира стали объявлять дефолты по своим долгам в связи со снижением цен на товары, производимые в этих странах, США возглавили международную операцию по выкупу таких долговых обязательств, по сути дела, гарантировав их с помощью «облигаций Брейди»³. В 1989 г., когда обвал рынка коммерческой недвижимости жестоко ударил по ссудно-сберегательным учреждениям, федеральное правительство снова было вынуждено вмешаться и создать Resolution Trust Corporation. Кризис 2008 г., начавшийся с падения цен на жилье, заставляет правительство вмешаться и гарантировать ипотечные кредиты и выполнение других функций финансовой системы.

Величину долга соотносят с чистой стоимостью собственности должника. Если вы должны тысячу долларов, а стоимость вашего имущества не покрывает ваш долг и вы теряете работу — у вас возникает проблема. Если вы задолжаете миллион долларов, но чистая стоимость вашей собственности — миллиард долларов, никакой проблемы нет. Чистая стоимость экономики США измеряется сотнями триллионов долларов. Поэтому кризис заложенности, измеряемой несколькими триллионами долларов, не может уничтожить экономику США. Подлежащую решению проблему теперь можно сформулировать так: каким образом чистую стоимость экономики США можно использовать

³ Деноминированные в долларах США облигации развивающихся стран, главным образом стран Латинской Америки, предназначенные для широкого круга инвесторов. В ходе реструктуризации долгов облигации были обменены на невозвратные кредиты коммерческих банков. Эти ценные бумаги, названные по имени министра финансов США в администрациях президентов Рейгана и Буша-старшего Николаса Брейди, были обеспечены (в части гарантии основной суммы долга) казначейскими облигациями с нулевым купоном. В середине 90-х годов цены на эти облигации стали снижаться, отражая возросшую вероятность того, что состояние экономики стран Латинской Америки может потребовать вторичной реструктуризации долга. — *Примеч. ред.*

для покрытия безнадежных кредитов — учитывая, что эта чистая стоимость находится в руках миллионов частных лиц? Сделать это способно только правительство, которое решит данную задачу, гарантировав долги, используя суверенное право облагать граждан и предприятия налогами и право Федеральной резервной системы печатать деньги, необходимые для спасения системы.

В этом смысле кризис 2008 г. существенно не отличается от прежних кризисов. Экономика будет переживать спады, но спады — нормальная, обычная часть цикла деловой активности. Однако мы в это же самое время наблюдаем важное предвестие того, что нас ожидает в более отдаленном будущем. У падения цен на жилье много причин, но, в конце концов, дело упирается в демографическую реальность. По мере снижения темпов роста населения в мире прежнее предположение о том, что земля и другая недвижимость всегда будут дорожать вследствие роста спроса на них, начинает вызывать сомнения. Кризис 2008 г. еще не вполне обусловлен демографией. Однако этот кризис показал, что через 20 лет процесс проявится полнее и приведет к кризису стоимостей, вызванному демографическими сдвигами. Падение цен на жилую недвижимость — поразительно. В прошлом цены на такую недвижимость никогда не были факторами, определяющими общую экономическую конъюнктуру. Кризис 2008 г. вряд ли можно считать переломным моментом. Рассматривайте его как флюгер, указывающий направление будущего развития событий — от давления на недвижимость до усиления государственного контроля экономики.

Когда речь заходит об экономических кризисах, все сразу же начинают опасаться чего-то вроде Великой депрессии. В действительности же, судя по прошлому, заключительный кризис цикла обычно более напоминает значительное неудобство, нежели глубочайшие страдания Великой депрессии. То, что мы переживаем сейчас, более походит на стагфляцию 70-х годов XX в. или короткий острый кризис 70-х годов XIX в., чем на затяжной системный кризис 30-х годов XX в. Этот вывод будет справедлив и для кризиса, который разразится в 20-х годах XXI в.: для того чтобы столкнуться с моментом исторического перелома, нам не надо будет сталкиваться с новой Великой депрессией.

На протяжении первого века существования США проблемой, определявшей развитие страны, была структура собственности на землю. В течение следующих 150 лет главным вопросом был вопрос о способах управления отношениями между накоплением капитала и потреблением. Решения этой проблемы благоприятствовали то накоплению капитала, то потреблению, а порой в этом решении достигали равновесия между одним и другим. Но на протяжении всей 250-летней истории США рабочая сила ни разу не становилась проблемой. Население США постоянно росло, и более молодые когорты работоспособных людей численно превосходили пожилых.

Основу кризиса, условно говоря, 30-х годов XXI в. составит следующее обстоятельство: рабочая сила более не будет тем надежным компонентом, каким она была в прошлом. Взрыв рождаемости после Второй мировой войны и рост продолжительности жизни создадут огромные массы стареющего населения. Пожилые будут покидать работу, но продолжать всевозможное потребление. Вот факт, над которым следует задуматься: когда американская система социального обеспечения установила возраст выхода на пенсию в 65 лет, средняя ожидаемая продолжительность жизни мужчин составляла 61 год. Эти данные позволяют нам понять, на сколь малый срок были рассчитаны выплаты из пенсионных фондов. Последовавшее резкое увеличение продолжительности жизни в корне изменило пенсионную математику.

Спад рождаемости, наблюдаемый с 70-х годов XX в., в сочетании со все более поздним вступлением молодых людей в рабочую силу сократило количество работающих, приходящихся на одного пенсионера. В 20-х годах XXI в. эта тенденция усилится. Дело даже не в том, что работающие будут поддерживать пенсионеров, хотя и это немаловажное обстоятельство. Проблема будет в следующем: пенсионеры, используя доходы от своей собственности и выплаты из пенсионных фондов, по-прежнему будут интенсивными потребителями, поэтому для удовлетворения спроса пенсионеров потребуются работники. В

условиях сокращения численности работоспособного населения и устойчивого спроса на товары и услуги возникнет инфляция, так как стоимость рабочей силы повысится запредельно. Та же ситуация увеличит темпы истощения средств пенсионеров.

Пенсионеры разделятся на две группы. Первую составят те, кому повезло и кто создал достаточные резервы в виде жилья и схем добровольного пенсионного страхования. Этим пенсионерам придется продать свои активы. У пенсионеров второй группы не будет никаких активов или же активы окажутся невелики. При самом благоприятном стечении обстоятельств система социального обеспечения все же оставляет своих подопечных в горькой нищете. Давление в пользу поддержания разумного уровня жизни и здравоохранения для людей, родившихся после Второй мировой войны, будет очень сильным, и исходить это давление будет от группы, которая, просто в силу своей многочисленности, сохранит непропорционально большую политическую мощь. На выборах пенсионеры проявляют непропорционально большую активность по сравнению с другими возрастными группами, и голоса людей, родившихся в конце 40-х — начале 60-х годов XX в., особенно многочисленны. Эти люди будут голосовать за выгоды для себя.

Правительства всех стран мира (ведь описанная ситуация имеет место не только в США) будут вынуждены либо повышать налоги, либо брать крупные кредиты. Если выбирать первый путь, налоги лягут как раз на группу, которая станет извлекать выгоды из роста заработных плат, вызванного нехваткой рабочей силы. Если правительства пойдут по второму пути, они обратятся к сжимающемуся рынку капиталов как раз в то время, когда представители послевоенного поколения будут выводить средства с этого рынка, что приведет к росту процентных ставок и повторению истории, разыгравшейся в 70-х годах прошлого века. Инфляция, вызванная возросшим предложением денег, усилится. Единственным отличием от 70-х годов XX в. станет вопрос безработицы. Любой трудоспособный получит работу и высокую заработную плату, но станет испытывать жесткую налоговую нагрузку и последствия инфляции.

Люди, родившиеся после Второй мировой войны, начнут массами выходить на пенсию с 2013 г. Если предположить, что средний возраст выхода на пенсию — 70 лет (по всем медицинским и финансовым обстоятельствам), время после 2013 г. станет временем резкого роста удельного веса пенсионеров в обществе. Массовый выход людей послевоенного поколения на пенсию произойдет только после 2025 г., а экономические последствия этого будут ощущаться еще долгое время. Проблему пенсионеров будут решать родившиеся после 1980 г. люди, которым к этому времени будет 35–45 лет. Значительную часть своей производительной жизни этим людям придется существовать в условиях экономики, становящейся все менее и менее функциональной. С широкой исторической точки зрения эта проблема является преходящей, временной. Но для людей, родившихся в период 1970–1990 гг., это будет не только болезненным обстоятельством, а обстоятельством, определяющим жизнь их поколения. Возможно, такое будущее не примет пропорций новой Великой депрессии, но у тех, кто помнит стагфляцию 70-х годов прошлого века, есть некая точка для сравнения.

Люди, родившиеся в первые 15 лет после Второй мировой войны, пришли в мир, чтобы заполнить собой разрыв между поколениями, и уйдут, создав такой же разрыв.

Кого бы ни избрали президентом в 2024/2028 гг., этот президент столкнется с серьезной проблемой. Подобно Адамсу, Гранту, Гуверу и Картеру, этот президент будет решать новую проблему средствами, предназначенными для решения проблем прошлого периода. Подобно тому, как Картер пытался воспользоваться принципами Рузвельта при решении проблемы стагфляции и тем самым лишь ухудшал ситуацию, последний президент цикла, начавшегося президентством Рейгана, обратится к рецептам Рейгана и станет сокращать налогообложение богатых для оживления инвестиций. Сокращение налогов приведет к увеличению инвестиций в то самое время, когда самой острой проблемой станет нехватка рабочей силы. Это еще более повысит стоимость рабочей силы, что усугубит ситуацию.

Проблема, которая возникнет в 20-х годах XXI в., будет беспрецедентной — точно так же, как беспрецедентными были проблемы, приводившие к прежним кризисам. Как увеличить наличные трудовые ресурсы? Проблема дефицита рабочей силы имеет два решения. Первое состоит в повышении производительности труда работников, второе — в завозе большего числа работников. Учитывая масштабы и временные рамки проблемы, единственное скорейшее решение состоит в увеличении числа работников, а чтобы сделать это, надо усилить иммиграцию. Начиная с 2015 г. иммиграция будет расти, но недостаточно быстро для разрешения ситуации.

С 1932 г. в американской политической культуре живет страх перед избытком рабочей силы и безработицей. В течение целого века иммиграцию воспринимали как средство снижения заработных плат. Иммиграцию рассматривают через призму демографического взрыва. Мысль о том, что иммиграция может решить проблему дефицита рабочей силы, американцам столь же чужда, как в 1930 г. была чужда мысль о том, что безработица не является следствием лениности работников.

В 20-х годах XXI в. произойдет новый сдвиг парадигмы, и к выборам 2028/2032 гг. в политическом мышлении американцев произойдут большие изменения. Некоторые будут утверждать, что работников — тьма, только из-за слишком высоких налогов у них нет стимулов к труду. Терпящий неудачу президент попытается решить проблему путем снижения налогов, что, по его замыслу, должно стимулировать инвестиции и побудить работников (которых в действительности не существует) выйти на рынок рабочей силы.

Подлинным решением проблемы окажется стремительное и резкое увеличение рабочей силы благодаря иммиграции. Прорывом в этом направлении станет осознание факта, что прежний взгляд на дефицит рабочей силы более не оправдан. В обозримом будущем проблемой явится то, что для трудоустройства рабочих попросту не будет. И Америка в этом отношении не уникальна. Все передовые промышленно развитые страны столкнутся с подобными обстоятельствами, причем для большинства стран проблема будет стоять острее. И это понятно. Такие страны будут нуждаться в новых работниках и налогоплательщиках. Тем временем страны среднего уровня развития, пока остающиеся источником эмиграции, улучшат свою экономику настолько, что им удастся стабилизировать численность своего населения. Всякая необходимость иммигрировать в более развитые страны если не исчезнет, то уменьшится.

Сегодня это трудно вообразить, но к 2030 г. передовые страны начнут конкурировать за иммигрантов. Разработка иммиграционной политики будет сопряжена не с поиском способов недопущения иммигрантов, а, наоборот, с привлечением иммигрантов именно в США, а не в Европу. У США все еще будут преимущества. Сегодня, к примеру, легче быть иммигрантом в США, чем во Франции, и это положение сохранится и в дальнейшем. Вдобавок у США есть более долгосрочные возможности, чем у европейских стран, хотя бы уже потому, что США имеют меньшую плотность населения. Но в действительности дело в том, что США придется делать нечто такое, чего они не делали давным-давно: Америке придется изобретать стимулы для привлечения иммигрантов.

В силу очевидных причин пенсионеры будут выступать в поддержку иммиграции. Но работающие американцы к иммиграции отнесутся по-разному. Люди, опасющиеся, что приток иммигрантов приведет к снижению их доходов, будут яростно противиться иммиграции. Другие работники, положение которых более надежно, станут поддерживать иммигрантов, особенно в отраслях, где появление новых работников снизит стоимость услуг, которыми пользуются коренные американцы. В конце концов главным политическим вопросом станет не столько иммиграция в принципе, сколько выявление сфер, в которых иммигранты будут экономически полезны, а их навыки — необходимы, и управление расселением иммигрантов, осуществляемое с целью предотвратить подавление местного населения массами иммигрантов.

Но вернемся к стимулам. США должны будут предложить иммигрантам ряд конкурентных льгот — начиная с весьма упрощенного процесса получения «зеленых карт»

до специальных виз, обслуживающих потребности и желания трудящихся иммигрантов. Вполне возможно, что потребуются и бонусы, выплачиваемые либо правительством, либо компаниями, нанимающими иммигрантов, а также гарантии занятости. А уж сравнивать предложения, сделанные разными странами, будут иммигранты.

Этот процесс приведет к существенному увеличению власти и могущества федерального правительства. С 1980 г. мы можем наблюдать, как эта власть убывает, размывается. Однако иммиграционная реформа, необходимость которой станет очевидной где-то около 2030 г., потребует прямого государственного управления. Если частный бизнес справится с этим процессом, федеральное правительство, по меньшей мере, будет предоставлять и реализовывать гарантии того, что отдельных иммигрантов не станут обманывать, а компании будут выполнять свои обещания. В противном случае безработные иммигранты превратятся в бремя. Просто открыть границы — не вариант. Управление новой рабочей силой (аналог управления рынками капитала и кредитными рынками) существенно усилит власть федерального правительства, и это станет процессом, противоположным тому, что возник при Рейгане.

Импортированная рабочая сила будет двух типов. Работниками первого типа станут люди, обслуживающие стареющее население, например, врачи и домашняя прислуга. Работниками второго типа — люди, разрабатывающие новые технологии для повышения производительности, что необходимо для решения проблемы нехватки рабочей силы в будущем. Таким образом, в основном Америка будет привлекать специалистов-физиков, инженеров и медиков, а также разнообразных работников физического труда.

Этот приток иммигрантов будет меньше иммиграционной волны 1880–1920 гг., но определенно превысит все более поздние волны иммиграции. Кроме того, приток новых иммигрантов изменит культурный облик США. Преимуществом США является пластичность американской культуры, и эта особенность сыграет решающую и способствующую иммиграции роль. Следует ожидать, что привлечение иммигрантов вызовет трения на международной арене. Преследуя свои цели, США, как правило, действуют очень жестко. Они будут предлагать потенциальным мигрантам более выгодные условия, обыгрывать другие страны в борьбе за скудные трудовые ресурсы, а также выкачивать из развивающихся стран образованных работников. Как мы увидим, это скажется на внешней политике других стран.

С другой стороны, для Америки это будет всего лишь очередным 50-летним циклом успешно пройденной истории и всего лишь еще одной волной иммигрантов, привлеченных и соблазненных «страной надежд». Откуда бы ни прибыли иммигранты, из Индии или Бразилии, их дети станут такими же американцами, какими через поколение становились дети прежних иммигрантов на протяжении всей истории США.

Данное утверждение относится ко всем, кроме одной группы — мексиканцев. США занимают территорию, на которую когда-то претендовала Мексика, и граница США с Мексикой поразительно проницаема. Движения населения между Мексикой и США отличаются от нормальных миграционных процессов, особенно в приграничных районах. В 30-х годах XXI в. Мексика станет крупным источником малоквалифицированной рабочей силы, и впоследствии это создаст серьезные стратегические проблемы для США.

Но около 2030 г. будет сделан неизбежный шаг. Нехватка рабочей силы, дестабилизирующая американскую экономику, вынудит США формализовать процесс, который возникнет примерно в 2015 г., — процесс усиления иммиграции в США. Как только это будет сделано, в США возобновится экономическое развитие, которое ускорится в 40-х годах XXI в. по мере естественного вымирания поколения людей, родившихся после Второй мировой войны, и восстановления нормальной возрастной пирамиды в структуре населения. К этому моменту возрастная структура населения США снова станет напоминать пирамиду, а не гриб. 40-е годы XXI в. станут временем резкого ускорения развития американской экономики. Подобное ускорение происходило в 50-х или 90-х годах XX в. В 40-е годы XXI в. сложатся предпосылки кризиса последующих 80-х годов. Но до того времени в истории

произойдет много событий.

Глава 8. Становление нового мира

Развал России в 20-х годах XXI в. вызовет хаос во всей Евразии. По мере ослабления хватки Москвы начнет раскалываться Российская Федерация. Регионы станут отделяться. Возможно, отделится даже малозаселенный Тихоокеанский регион, интересы которого в бассейне Тихого океана определенно перевесят интересы в России или связи с нею. Отделятся Чечня и другие районы, населенные мусульманами. Отделится и Карелия, имеющая тесные связи со Скандинавией. Этот развал не ограничится Россией. Развалятся и другие страны, составлявшие части бывшего Советского Союза. Бремя, которое взваливает Москва, станет невыносимым. Если развал СССР привел к установлению олигархического контроля над российской экономикой, то развал 20-х годов XXI в. выдвинет на ведущие позиции региональных лидеров.

Этот распад будет происходить в период регионализации Китая. Экономический кризис в Китае вызовет фазу регионализма в истории Китая, и в 20-х годах XXI в. этот процесс усилится. На Евразийском континенте к востоку от Карпатских гор наступит беспорядок и хаос поскольку регионы будут бороться за местные политические и экономические преимущества, а их границы станут неопределенными. Постоянно начнут образовываться неустойчивые союзы. Собственно говоря, по обе стороны китайской границы, от Казахстана до берегов Тихого океана, произойдет фрагментация, лишаящая границы смысла.

С точки зрения США хаос в Евразии представляется отличным результатом. Пятый геополитический императив США заключался в том, чтобы ни одна держава не смогла господствовать над всей Евразией. Если Китай и Россия погрузятся в хаос возможность подчинения Евразии одной державе станет более отдаленной. В сущности, для того, чтобы поддерживать равновесие сил в Евразии, США даже не нужно будет вмешиваться в события. В грядущие десятилетия это равновесие установится само собою.

Евразия превратится в «рай для браконьеров». Перед странами, расположенными на периферии Евразии, откроются исключительные возможности для вторжений в чужие владения. Евразия — огромный регион, богатый ресурсами, рабочей силой, навыками и опытом. Обрушение центральной власти даст периферийным странам преимущество. Страх, необходимость и алчность — вот идеальное сочетание мотивов, побуждающих периферию к попыткам воспользоваться ситуацией и ресурсами центра.

Особенно удачное положение для этого займут три страны. Во-первых, Япония, которая сможет эксплуатировать ресурсы российского Приморья и восточной части Китая. Во-вторых, Турция, которая получит возможность для развертывания экспансии на север, на Кавказ и даже далее. И, наконец, союз восточноевропейских стран, возглавляемый Польшей и включающий государства Балтии, Венгрию и Румынию. Члены союза будут рассматривать представившуюся возможность не только восстановить свои прежние границы, но и обезопасить себя от любого русского государства, какое бы ни возникло в будущем. Важным второстепенным преимуществом этих стран станет то, что, усилившись, они обретут дополнительную защиту от своего традиционного врага на Западе — Германии. Восточноевропейские страны будут рассматривать ситуацию хаоса как возможность установить новое равновесие сил в регионе. Географически изолированная Гималаями Индия, при всех своих размерах, не сможет всерьез воспользоваться ситуацией и примет участие в данной игре.

«Браконьерский рай»

В 20-х годах XXI в. США отнесутся сочувственно ко всем перечисленным действиям: ведь страны Восточной Европы, Турция и Япония станут союзниками США. К тому времени Турция и Япония будут состоять в союзнических отношениях с США уже более 70 лет, страны Восточной Европы — примерно 30 лет. Во время конфронтации с Россией все эти страны станут в большей или меньшей степени сотрудничать с США, которые будут рассматривать их и прочих своих союзников — как проекции воли Америки.

Впрочем, события 20-х годов XXI в. будут иметь более широкие последствия, выходящие за пределы России и Китая. Первым последствием смуты 20-х годов станет изменения статуса Азии в Тихоокеанском регионе. Соответственно, изменится и положение Азии по отношению к США. Вторым последствием окажется положение исламского мира после джихада против США. Третьим последствием — внутреннее устройство Европы в условиях упадка Франции и Германии и возвышения Восточной Европы. Можно уверенно говорить о том, что НАТО развалится из-за отказа немцев и французов защищать страны Балтии. НАТО основана всецело на коллективной безопасности, на представлении о том, что нападение на одного члена союза означает нападение на всех его членов. В этом представлении заложено предположение, что НАТО заранее готова выступить на защиту любого своего члена, оказавшегося под угрозой. Поскольку такая угроза возникнет для стран Балтии, последует необходимость развернуть в этих странах (а также в Польше) передовые силы. Нежелание некоторых членов союза принять участие в коллективной обороне означает, что необходимые для обороны меры будут приняты вне рамок НАТО. Таким образом, НАТО прекратит существование в каком-либо имеющем смысл виде.

Все эти вопросы начнут выходить на первый план во 2-м десятилетии XXI в. по мере обострения конфронтации с Россией. Во время открытого конфликта их удастся отложить — или, по крайней мере, они не будут занимать важного места в мировой повестке дня. Но в конце концов эти вопросы начнут проявляться снова и снова. Как только Россия перестанет представлять угрозу, каждому из регионов придется решать проблемы собственной геополитики.

Азия.

Вмешательство Японии в дела Китая началось еще в XIX в. В период смуты, начавшейся с интервенции европейских держав в Китай в середине XIX в. и закончившейся после Второй мировой войны, Япония постоянно демонстрировала свое влияние в Китае, как правило, добиваясь тех или иных экономических преимуществ. Китайцы сохранили горькие воспоминания о том, как действовали японцы в 30-х и 40-х годах XX в., однако эта горечь была не настолько сильна, чтобы помешать возвращению японцев в постмаоистский Китай в качестве инвесторов.

В 30-х годах XX в. Япония искала в Китае рынки сбыта и, в меньшей степени, источники рабочей силы. Как мы уже отмечали, в 20-х годах XXI в. акцент будет смещен на рабочую силу. Поскольку в Китае произойдет регионализация и, в некоторой мере, фрагментация, во 2-м и 3-м десятилетиях XXI в. Япония будет снова испытывать свои

прежние искушения по отношению к этой стране. Установление той или иной формы господства над одним из регионов Китая может быстро помочь Японии в решении ее демографических проблем без лишних затрат на социальную и культурную адаптацию иммигрантов. Но у Японии возникнет необходимость культивировать глубокие связи с любым регионом Китая, над которым она установит господство.

Различные регионы Китая будут искать защиты от центрального правительства, инвестиций и технологий. Таким образом, возродятся существовавшие в конце XIX — начале XX в. отношения симбиоза, основанные на потребностях Японии в рабочей силе с одной стороны и потребностях прибрежных районов Китая в инвестициях и технологиях — с другой.

В прошлом у Японии, помимо необходимости удовлетворить потребность в рабочей силе, был еще один интерес в Китае: Японии был нужен доступ к источникам сырья. Как я уже говорил, Япония — вторая страна в мире по мощи экономики, но практически все сырье она вынуждена импортировать. Раньше это было для Японии проблемой и главной причиной вступления в войну с США в 1941 г. Многие забывают, что до того, как было принято решение нанести, наконец, удар по Перл-Харбору, Япония не отличалась внутренним единством. Некоторые японские лидеры доказывали, что вторжение в Сибирь обеспечит Японию необходимым сырьем и будет менее рискованным, чем война с США. Так или иначе, серьезность, с которой японцы стремились (и будут стремиться) к сырью, нельзя недооценивать.

Районы России, находящиеся на берегах Тихого океана, имеют богатые запасы всех минералов, включая углеводороды. К 20-м годам XXI в. Япония столкнется с проблемами обеспечения энергией и продолжающейся зависимости от поставок нефти из стран Персидского залива, что, в свою очередь, будет означать постоянную связь с США. Учитывая высокомерие, которое обуяет США в связи с последующим развалом России, Япония, как и остальные страны мира, будет относиться к следующим ходам США со все большим подозрением. Поэтому, в условиях фрагментации России, у японцев, по-видимому, появятся серьезные причины для стремления установить по меньшей мере экономический контроль над российским Дальним Востоком. На любые угрозы своему доступу к сырью Япония будет остро реагировать.

У Японии есть прямая заинтересованность и в Северо-Восточном Китае, и в российском Дальнем Востоке, но нет ни малейшего желания пускаться в военные авантюры. В то же время если в 20-х годах XXI в. Япония не предпримет решительных шагов, то в середине XXI в. она столкнется с экономической катастрофой. К 2050 г. население Японии сократится, возможно, до 107 млн человек (в настоящее время в Японии проживает 128 млн человек). Причем 40 млн человек будут старше 65 лет, а 15 млн человек — моложе 14 лет. Поскольку 55 млн человек (из 107 млн человек) будут за пределами трудоспособного населения, Япония начнет испытывать сильное давление и стремиться поддержать свою экономику на управляемых уровнях, она предпримет попытку стать региональной державой. Иного выбора у Японии не будет.

Япония

Давайте посмотрим повнимательнее на Японию и ее историю. В настоящее время Япония — вторая по экономической мощи держава в мире и останется таковою и в XXI в. Во многих отношениях структура японского общества оставалась такой же, какой была до индустриализации, пережив Вторую мировую войну и время экономического чуда 80-х годов XX в. Япония примечательна своей внутренней стабильностью, сохраняющейся в ходе крупных сдвигов в экономике и политике. После первого соприкосновения с Западом в Японии осознали, что индустриальные державы могут вдребезги разгромить страны, подобные ей, и начали создавать промышленность с ошеломляющей быстротой. После Второй мировой войны Япония переломила имевшую глубокие корни милитаристскую традицию и внезапно превратилась в самую пацифистскую страну в мире. Затем Япония развивалась потрясающе быстрыми темпами до 1990 г., когда рост ее экономического развития замедлился из-за финансовых неудач, но японцы невозмутимо встретили этот удар судьбы.

Сочетание культурной преемственности и социальной дисциплины позволило Японии сохранить традиционные ценности при изменении способов производства. Другие общества часто не могут резко и упорядоченно изменить курс. Япония может сделать это — и делает. Географическая изоляция защищает Японию от социальных и культурных сил, угрожающих ее сплоченности. Кроме того, в Японии способная правящая элита, пополняющаяся новыми членами на основе заслуг, и исключительно дисциплинированное население, готовое следовать за своей элитой. Вот сила, дающая возможность Японии быть не просто непредсказуемой, но и способной совершать политические изменения, которых другие страны попросту не перенесли бы.

Нельзя полагать, что и в 20-е годы XXI в. Япония останется сдержанной и пацифистской страной. Япония будет оставаться таковою до тех пор, пока сможет. У японцев нет ни малейшего желания вступать в военные конфликты, ибо национальная память хранит ужасы Второй мировой войны. В то же время нынешний пацифизм Японии и японцев — это инструмент адаптации, а не вечный принцип. Учитывая индустриальную и технологическую базу Японии, переход к более активной военной политике для нее — всего лишь вопрос

времени. А учитывая демографическое и экономическое давление, которое ей придется испытать в будущем, такой переход почти неизбежен.

Поначалу Япония попытается получить то, в чем нуждается, экономическими средствами. Но Япония будет не одинока в попытках увеличить свои трудовые ресурсы, не прибегая к иммиграции, и не единственной страной, желающей контролировать зарубежные источники энергии. Европейцы также окажутся заинтересованными в создании экономических отношений с регионами, обособившимися от Китая и России. Эти регионы охотно будут противопоставлять европейцев японцам и наоборот.

Вывод, с которым столкнется Япония, окажется таковым, что страна не сможет себе позволить проиграть в этой игре. Учитывая потребности и географическое положение Японии, для нее главная и единственная цель — установление влияния в Восточной Азии. Мощь Японии в этом регионе встретит сопротивление с разных сторон. Во-первых, центральное правительство Китая, долгие годы проводящее антияпонские кампании, будет рассматривать Японию как державу, умышленно подрывающую целостность китайского государства. Да и сами регионы Китая, вступив в союз с иностранными державами, будут стремиться к господству над другими регионами. Развернется сложная борьба, которая потенциально начнет угрожать интересам Японии и вынуждать ее к более прямым формам вмешательства, чем ей хотелось бы. Последним прибежищем Японии станет усиление милитаризма, который пусть и нескоро, но в конце концов возобладает. К 20-30-м годам XXI в., по мере усиления нестабильности в Китае и России и иностранного присутствия на Дальнем Востоке, японцам, как и всем прочим, придется защищать свои интересы.

Примерно к 2030 г. США придется пересмотреть представление о Японии, поскольку эта страна будет проявлять все большую независимость и несговорчивость. Как и США, Япония, в сущности, морская держава. Она выживает, импортируя сырье и экспортируя промышленные товары. Для ее существования исключительно важен доступ к морским путям. Переходя от крупномасштабного экономического вовлечения к ограниченному военному присутствию в Восточной Азии, Япония проявит особую заинтересованность в защите своих морских путей в регионе.

Расстояние от юга Японии до Шанхая — около 800 км. Такое же расстояние отделяет Японию от Владивостока, Сахалина и побережья Китая к северу от Шанхая. Этот радиус станет основной линией военных интересов Японии. Но для защиты даже такой небольшой зоны Японии потребуются сильный военно-морской флот, военно-воздушные силы и система космической разведки. Правда, все это у Японии уже есть, но к 2030 г. эти элементы будут явно нацелены на недопущение непрошенных гостей в сферу влияния Японии.

Именно в этот момент вновь обретенное Японией упорство начнет бросать вызов стратегическим интересам Америки. США стремятся господствовать на всех океанах. Возрождение Японии как региональной державы угрожает не только стремлению США, но и создает предпосылки для усиления глобальной мощи Японии. По мере усиления интересов Японии в континентальной Азии Японии будет необходимо наращивать свою военно-воздушную и военно-морскую мощь. И нельзя дать никаких гарантий, что по ходу этого процесса не увеличится и радиус проекции военной мощи Японии. С американской точки зрения это опасный цикл.

Вероятно, ситуация будет разыгрываться следующим образом. Поскольку США начнут реагировать на усиление японской мощи, японцы станут испытывать все большую опасность, что приведет к свертыванию американо-японских отношений. Отстаивая свои коренные национальные интересы в Азии, Япония должна контролировать собственные морские пути. Американцы, рассматривающие контроль над морскими путями во всем мире как неперемное условие национальной безопасности США, будут оказывать давление на японцев, пытаясь сдерживать то, что им представляется возросшей агрессивностью Японии.

Прямо в центре растущей сферы японского влияния находится Корея, которая, как мы полагаем, еще до 2030 г. станет единой страной. В единой Корее будет проживать примерно 70 млн человек, и это немногим меньше, чем в Японии. В настоящее время экономика

Южной Кореи занимает 12-е место в мире, а после объединения Севера и Юга экономика Кореи в 2030 г. займет более высокое место. Корея исторически опасается японского господства. По мере усиления позиций Японии в Китае и России Корея окажется в ловушке, и ее страх усилится. Корея — отнюдь не малая страна, но ее подлинная важность возникнет из того, что США станут рассматривать Корею как противовес Японии и базу для утверждения собственной мощи в Японском море. Корея будет искать у США поддержки и помощи в противостоянии с усиливающейся Японией. Так начнет складываться антияпонская коалиция.

Тем временем в Китае будут происходить изменения. В последние столетия история Китая подчинена циклам продолжительностью 30–40 лет. В 1842 г. Китай отдал Гонконг Великобритании. Примерно в 1875 г. европейцы начали устанавливать контроль над государствами — данниками Китая. В 1911 г. Сунь Ятсен сверг маньчжурскую династию. В 1949 г. к власти в Китае пришли коммунисты. В 1976 г. умер Мао Цзэдун, и начался период бурного экономического развития. К 2010 г. в Китае начнется борьба с внутренним распадом и экономическим упадком. Это означает, что, вероятно, в 40-х годах XXI в. Китай будет переживать очередной перелом.

Данный перелом приведет к восстановлению политического контроля Пекина и к кампании по ограничению иностранного присутствия в Китае. Начнется этот процесс в 30-х годах, когда усилятся посягательства иностранцев, в особенности японцев, и в 40-х годах XXI в. он достигнет своей кульминации, что станет еще одним рычагом, который США используют для контроля над ситуацией. США поддержат усилия Пекина по объединению Китая и сдерживанию японской экспансии, и таким образом радикально изменят свою политику по сравнению с той, которую проводили накануне Второй мировой войны.

К 40-м годам XXI в. у США и Японии возникнут глубокие расхождения интересов. США вступят в союз с Сеулом и Пекином, которые будут озабочены усилением Японии. Японцы, опасаясь американского вмешательства в их сферу влияния, будут вынуждены наращивать свою военную мощь. Однако Япония окажется в глубокой изоляции и столкнется с региональной коалицией, которую создадут США, а также с военной мощью самих США. У японцев не будет ни малейшей возможности справиться с этим давлением собственными силами, но поблизости не будет никого, кто смог бы им помочь. Впрочем, технологические сдвиги вызовут геополитические изменения, и у Японии появятся возможности создать собственную коалицию на другом конце Азии.

Турция.

Во время российско-американской конфронтации, которая развернется в Европе до 2020 г., возникнет дополнительная конфронтация на Кавказе. Россия будет стремиться продвинуться в этом регионе далее на юг, к поглощению Грузии и установлению прямого сообщения со своими армянскими союзниками. Однако возвращение Российской армии на границы Турции спровоцирует в этой стране серьезный кризис. Через 100 лет после падения Османской империи и становления современной Турции туркам снова придется столкнуться с той же угрозой, с какой они сталкивались в годы холодной войны.

Поскольку впоследствии Россия развалится, турки примерно в 2020 г. примут неизбежное стратегическое решение. Они более не пожелают полагаться на хаотичную буферную зону как на защиту. На этот раз турки двинутся на север, на Кавказ, и продвинутся настолько глубоко, насколько сочтут необходимым для гарантии своей национальной безопасности на данном направлении.

На самом деле это более глубокий вопрос. К 2020 г. турецкая экономика станет одной из 10 ведущих экономик мира. В 2007 г. она уже занимала 17-е место в мире и продолжает расти устойчивыми темпами. Турция — не только экономически жизнеспособная, но и стратегически важная страна. Собственно говоря, она занимает одно из самых выгодных положений из всех стран Евразии. Турция имеет легкий доступ к арабскому миру, Европе,

бывшему Советскому Союзу и прежде всего к Средиземному морю. Она является центром региональной торговли, а также обладает собственной экономической мощью.

К 2020 г. Турция станет стремительно развивающейся, вполне стабильной экономической и военной державой, окруженной океаном хаоса. Помимо проблемных ситуаций на севере, она столкнется с нестабильностью со всех сторон. К юго-востоку от нее находится Иран, который веками не был важен в военном или экономическом отношении, но в котором внутренние процессы в прошлом всегда были непредсказуемыми. К югу от Турции находится арабский мир, постоянно пребывающий в нестабильности и лишенный постоянного экономического развития. К северо-западу от Турции расположен Балканский полуостров, погруженный в вечный хаос, и там же находится исторический противник Турции — Греция.

В силу ряда причин ни одна из соседствующих с Турцией стран в 20-х годах XXI в. не станет преуспевающей. Аравийский полуостров, находящийся к югу от Турции, будет переживать особенно острый экзистенциальный кризис. За исключением нефти, на Аравийском полуострове мало природных ресурсов, промышленность там развита слабо, а население малочисленно. Важность этого региона определяла нефть, и в прошлом доходы, полученные от добычи нефти, помогали стабилизировать регион. Но к 2020 г. Аравийский полуостров придет в упадок. Хотя запасы нефти еще не истощатся, на стене уже будет начертано пророчество, и начнет назревать кризис. Борьба между различными ветвями династии Саудидов станет постоянной, а параллельно будет нарастать нестабильность в других монархиях Персидского залива.

Однако возникнет и более обширная проблема, заключающаяся в крайней фрагментации всего исламского мира. Исторически расколотый исламский мир жестоко дестабилизирован джихадом против США. Во время американо-российской конфронтации конца 2-го десятилетия XXI в. попытки России создать проблемы США к югу от Турции еще сильнее дестабилизируют Средний Восток. В 20-х годах XXI в. исламский мир в целом и арабский мир в частности будут расколоты по всем мыслимым линиям.

Нестабильность начнет царить и на Балканах, к северо-западу от Турции. В отличие от холодной войны XX в., когда США и СССР поставили Югославию на место, второй раунд американо-российского противостояния приведет к дестабилизации региона. Россия окажется гораздо слабее, чем в годы холодной войны, и ей придется столкнуться с враждебными Венгрией и Румынией, которые она попытается сдерживать, натравливая на эти страны Болгарию, Сербию и Хорватию, действуя точно так же, как при сдерживании Турции (через арабские страны, лежащие к югу от Турции). Несмотря на возможные неудачи, российская сторона широко раскинет сеть в надежде, что в целом успех будет достаточен для отвлечения внимания Турции. Поскольку Греция, Македония, Босния и Черногория окажутся втянутыми в балканский конфликт, регион снова превратится в руины. Непосредственная периферия Турции будет, мягко говоря, нестабильной.

Исламский мир неспособен к добровольному объединению. Однако этот мир может быть подчинен господству крупной мусульманской державы. На протяжении истории такой мусульманской державой, чаще всего (и определенно после монгольских вторжений XIII в.) оказывавшейся способной к созданию империи из частей исламского мира, была Турция. Период 1917–2020 гг. является аномалией, потому что владычество Турции ограничивалось Малой Азией. Но турецкая власть в виде Османской империи или власти турок, исходящей из Ирана, — давняя реальность исламского мира. Фактически Турция некогда господствовала над Балканами, Кавказом, Аравийским полуостровом и Северной Африкой (см. карту на стр. 114).

В 20-х годах XXI в. Турция начнет восстанавливать свое могущество. Эта страна даже в большей степени, нежели Япония, станет играть решающую роль в противостоянии с Россией. Пролив Босфор между Черным и Мраморным морями блокирует выход России через Эгейское в Средиземное море. Турция издавна контролирует Босфор, соответственно, российская сторона исторически рассматривала Турцию как державу, блокирующую

интересы России. Во 2-м и начале 3-го десятилетия XXI в. ситуация не изменится. Россия будет нуждаться в доступе к Босфору, чтобы противодействовать американцам на Балканах. В Турции понимают, что, если предоставить России такой доступ, она преуспеет в достижении своих геополитических целей, что создаст угрозу независимости турецкого государства. Поэтому турки будут верны своим союзническим обязательствам перед США в российско-американском противостоянии.

В результате турки станут орудием антироссийской стратегии США, а те, в свою очередь, будут побуждать Турцию к экспансии на север, на Кавказ, и благосклонно относиться с усилением турецкого влияния в мусульманских районах Балкан и арабских странах, лежащих к югу от Турции. США помогут Турции в наращивании морской мощи (военно-морских, военно-воздушных и космических сил) для противодействия России на Черном море. США попросят Турцию разделить бремя военно-морского присутствия в Средиземноморье и использовать мощь для блокирования российских авантюр в Северной Африке. США сделают все, что в их силах, чтобы стимулировать экономическое развитие Турции и ускорить темпы этого развития.

Когда Россия, наконец, рухнет, турки очутятся в положении, в каком не находились в течение целого столетия. Окруженная погрязшими в хаосе слабыми странами, Турция будет иметь экономическое присутствие во всем регионе. Существенным окажется и турецкое военное присутствие. После развала России геополитика региона претерпит структурные изменения, причем это не потребует особых усилий со стороны Турции, которая станет господствующей в регионе державой, проецирующей влияние по всем направлениям. Формально Турция все же не станет империей, но, несомненно, начнет быть центром притяжения для всего исламского мира.

Разумеется, у арабского мира возникнут серьезные проблемы с растущей мощью Турции. Предвзятое отношение к арабам в старой Османской империи не забыто. Но единственными региональными игроками, способными оказывать такое же влияние, как Турция, будут Израиль и Иран, а по сравнению с влиянием этих стран, турецкое влияние вызывает гораздо меньшие возражения. Поскольку государства Аравийского полуострова начнут клониться к упадку, безопасность и экономическое развитие арабских стран будут зависеть от тесных уз с Турцией.

Американцы воспримут происходящие события позитивно. Во-первых, в результате будет вознагражден их близкий союзник. Во-вторых, в нестабильном регионе воцарится некоторая стабильность. В-третьих, Турция установит влияние над Персидским заливом, где находятся по-прежнему важные запасы углеводородов. Наконец, турки блокируют региональные устремления Ирана.

Однако, хотя первые реакции США на усиление Турции окажутся позитивными, долгосрочные геополитические результаты этого усиления войдут в противоречия с большой стратегией США. Как мы уже видели, Америка создает региональные державы, чтобы блокировать более серьезные угрозы, существующие в Евразии. Но США опасаются и стран, обладающих региональной гегемонией. Такие страны могут со временем бросить вызов и на мировом уровне. Именно так США начнут рассматривать Турцию. К концу 3-го десятилетия XXI в. американо-турецкие отношения станут более напряженными.

Изменится и отношение Турции к США. В 30-х годах XXI в. турки начнут рассматривать США как угрозу региональным интересам Турции. Кроме того, возможно, что в Турции, которая со времен падения Османской империи является светским государством, произойдет идеологический сдвиг. В прошлом турки относились к религии гибко, используя ее в равной мере и как инструмент, и как систему верований. Столкнувшись с противодействием распространению турецкого влияния со стороны США, Турция может воспользоваться энергией исламизма и представить себя не просто как мусульманскую, но и как исламскую державу (противоположную отдельным течениям в исламе, таким, как Аль-Каида), пытающуюся создать исламское супергосударство, халифат. Это может привести к тому, что мусульмане-арабы в данном регионе перейдут с позиций вынужденного равенства

на Турцию к энергичной поддержке турецкой экспансии (независимо от прошлого). В результате, как мы увидим, США столкнутся с потенциально могущественным исламским государством, организующим арабский мир и Восточное Средиземноморье. Сочетание политической мощи Турции с интенсивным развитием турецкой экономики создаст экзистенциальную угрозу для США в то время, как проблемы начнут возникать и на других фронтах.

Польша.

Самыми ревностными участниками противостояния США с Россией станут бывшие сателлиты СССР, и прежде всего Польша. В этом смысле бывшие страны советского блока будут не только следовать за США, но и направлять Америку. В случае возрождения России Польша потеряет все немногое, что ей следует защищать. Когда Россия снова выйдет на польскую границу, Польша обратится к остальной Европе с просьбой защитить ее с помощью НАТО. Германия и Франция не проявят энтузиазма и склонности к противостоянию, так что Польше придется сделать то, что она делала в прошлом при столкновениях с Россией или Германией, — она обратится за помощью к посторонней державе. В прошлом этот метод оказывался неэффективным. Гарантии, предоставленные Польше Францией и Великобританией в 1939 г., нимало не защитили ее от Германии или России. Но с США будет иначе. США не клонятся к упадку. Это молодая, энергичная держава, готовая рисковать. К приятному удивлению Польши, США окажутся достаточно сильными, чтобы блокировать экспансию России.

Остальные европейские страны, особенно Франция и Германия, будут крайне противоречиво относиться к превосходству США над Россией. Пережив одну холодную войну в XX в., европейцы не будут испытывать особого желания участвовать в новой холодной войне. Возможно, Германия и Франция, с их сокращающимся населением, испытают облегчение, увидев развал России, население которой также будет сокращаться, но которая все равно будет оставаться значительной страной.

Однако ни у Германии, ни у Франции не вызовет восторга факт, что США займут сильные позиции в Европе вне рамок институтов вроде НАТО, которые европейцы, в сущности, использовали для контроля над США и их сдерживания.

Германия, Франция и остальные страны Западной Европы не позволят, чтобы Польша, Чешская Республика, Словакия, Венгрия или Румыния внезапно самоутвердились за их счет. Противостояние с Россией парадоксальным образом позволит странам Восточной Европы почувствовать большую безопасность благодаря сильным двухсторонним связям с США, с помощью которых они будут стремиться к блокированию России. Избавившись от своего исконного и вечного страха перед Россией и все менее беспокоясь по поводу слабеющей Германии, восточноевропейские страны впервые за несколько столетий почувствуют себя в относительной безопасности. Действительно, упадок Франции и Германии, вызванный отчасти сокращением населения, отчасти — стратегическим просчетом, который приведет к отказу от конфронтации с Россией (и, следовательно, к развалу НАТО), почувствуют по всей европейской периферии. Чистым результатом станет усиление кризиса доверия, который ослаблял и Францию, и Германию после Первой мировой войны.

В конце концов произойдет общая перестройка структуры власти в Европе. Развал России даст странам Восточной Европы возможность проводить более агрессивную внешнюю политику на востоке и сформирует саму необходимость такой политики. Восточная Европа станет самым динамичным регионом Европы. С развалом России восточноевропейские страны распространят свое влияние и власть на восток. Благодаря образуя естественную преграду Карпатам Словакия, Венгрия и Румыния наименее уязвимы для российской экспансии. Самой уязвимой является Польша, находящаяся на Северо-Европейской равнине. В то же время Польша — крупнейшая и важнейшая страна

Восточной Европы.

С распадом России поляки станут первыми желающими продвинуться на восток и создать буферную зону в Беларуси и Украине. По мере реализации планов Польши ее примеру последуют карпатские страны, которые также будут проецировать свою власть на восток, на Украину.

500 лет Восточная Европа оставалась заводью, зажатой с одной стороны между великими атлантическими европейскими державами и Германией, а с другой стороны — Россией. В результате обрушения России центр тяжести европейского порядка сместится на восток, в Восточную Европу, тесно связанную с США.

Политическая конфедерация государств Балтии, Польши, Словакии, Венгрии и Румынии нереальна. У этих стран слишком много культурных и исторических различий. Но вообразить союз между некоторыми из этих стран вполне возможно, особенно в том случае, если у них появится взаимный интерес в продвижении на восток.

Именно это и должно произойти в 30-х годах XXI в. Используя свою растущую экономическую (и военную) мощь, оставшуюся от тесного сотрудничества с США, страны Восточной Европы образуют союз, который в своем движении на восток не встретит существенного сопротивления. Напротив, в условиях хаоса многие в регионе будут приветствовать экспансию восточноевропейских стран как стабилизирующий фактор. Трудность будет состоять в координации продвижения на восток и в избегании крупных конфликтов из-за отдельных районов. Данный регион, естественно, весьма беспокойный, однако в конце 20-х и в 30-х годах восточноевропейские страны будут учитывать это обстоятельство в последнюю очередь.

Предсказать точные рубежи экспансии восточноевропейских стран невозможно. Однако представить оккупацию Санкт-Петербурга Эстонией или оккупацию Минска Польшей не труднее, чем представить оккупацию Варшавы, Будапешта или Берлина Россией. Что возможно на западе, возможно и на востоке, и если Россия распадется, экспансия восточноевропейских стран на восток станет неизбежной. При таком развитии событий Польша превратится в крупную, динамичную европейскую державу, стоящую во главе коалиции стран Восточной Европы.

Итак, равновесие сил в Европе к 2040 г. сместится в пользу Восточной Европы. Все европейские страны столкнутся с демографическими проблемами, но странам Восточной Европы удастся компенсировать эти трудности благодаря своеобразным финансовым отношениям, которые США традиционно поддерживают со своими союзниками. Возможно, в экономическом плане страны Восточной Европы и не превзойдут страны Западной Европы, но по темпам развития — превзойдут наверняка. Что все это будет означать для Франции и Германии? Одно дело жить в Европе, которая была дезорганизована, но в которой Франция и Германия были державами, определявшими движение. Жить в Европе, которая организует себя, отодвигая Францию и Германию на второй план, — совсем другое дело. Поскольку Великобритания глубоко вовлечена в экономическую орбиту США, а страны Иберийского полуострова сходным образом привлекают возможности, которые сулят отношения с Америкой, французы и немцы столкнутся с серьезной проблемой.

Упадок означает, что вам больше не хочется приключений, однако не значит, что вам не хочется жить. К 2040 г. Франция и Германия исторически станут превращаться в бывшие державы. В эпоху демографических кризисов и нового определения европейской геополитики для французов и немцев наступит решающий момент. Если Германия и Франция не подтвердят свои способности и возможности, будущее им будут диктовать другие, их упадок сменится бессилием, а бессилие ввергнет обе эти страны в геополитическую воронку, из которой им не вынырнуть.

Ключевой проблемой экзистенциальных трудностей Франции и Германии станут США. Хотя Восточная Европа к середине XXI в. будет переживать подъем, этот подъем без поддержки США окажется кратковременным. Если США удастся вынудить к отказу от влияния в Европе, у Восточной Европы не окажется ни сил, ни уверенности для проведения

экспансии на восток. Таким образом, появится возможность для возрождения старого порядка, а Франция и Германия смогут сохранить определенный уровень безопасности.

Очевидно, что французы и немцы не смогут противостоять Америке прямо или вытеснить США из Европы собственными силами. Но с окончанием американо-русского противостояния непосредственные интересы США в регионе уменьшатся. Поскольку мощь и власть США по-прежнему будут пребывать в состоянии постоянной изменчивости и текучести, а перспективы США останутся ограниченным и краткосрочными, сокращение американского присутствия в Европе представляется реальным. У Франции и Германии сохранится возможность запугивать страны Восточной Европы, особенно в том случае, если внимание США отвлекут события в других частях света, например в бассейне Тихого океана.

Ближайшим результатом развала России может стать сокращение интересов США в Европе, что, на первый взгляд, открывает возможности усиления франко-германского господства. Но это будет продолжаться недолго. С началом кризиса в отношениях с Японией и Турцией США упрочат свои европейские позиции. Как только Турция развернет экспансию в 20-х годах XXI в., у США появится вполне реальная заинтересованность в Восточной Европе. И этого, вероятно, окажется достаточно, чтобы заблокировать возрождение франко-германского господства в Европе.

Подводя итоги.

Фрагментация Китая во 2-м десятилетии и развал России в 3-м десятилетии XXI в. создадут обширный вакуум на территории, раскинувшейся от берегов Тихого океана до Карпат. У мелких стран, находящихся на периферии этого региона, появится множество возможностей, чтобы поживиться за счет пришедших в упадок держав, и поживиться по-крупному. Финляндия вернет себе Карелию, Румыния — Молдавию, Индия поможет Тибету освободиться, а Тайвань распространит свою власть на противоположный берег Тайваньского пролива, тогда как европейцы и американцы создадут собственные сферы влияния в Китае. У браконьеров появятся прекрасные возможности.

Но у трех стран будет мощь и необходимость сделать что-то действительно существенное. Япония распространит свою власть на российский Дальний Восток и на отдельные районы Китая. Турция осуществит экспансию не только на Кавказ, но и на районы, прилегающие к ней с северо-запада и юга. Польша, возглавляющая коалицию восточноевропейских стран, двинется на восток и углубится в Беларусь и Украину.

В течение 1-го десятилетия XXI в. США будут взирать на все это благожелательно (или почти благожелательно) — почти так же, как Америка относилась к миру в 90-х годах прошлого века. Польша, Турция и Япония будут союзниками США. Усиление мощи трех данных стран будет увеличивать и мощь США. Если нужна моральная оценка действия этих стран, можно утверждать, что они будут способствовать благосостоянию своих соседей.

Однако к середине 30-х годов XXI в., по мере продолжающегося усиления Польши, Турции и Японии, США начнут испытывать беспокойство, и в последующее десятилетие отношение США к ним станет явно враждебным. Пятый принцип геополитики США гласит: следует противодействовать установлению власти какой-либо державы над всей Евразией. Внезапно и одновременно возникнут три региональных гегемона, из них Япония и Турция будут сильными морскими державами, одна из которых начнет господствовать в северо-западной части Тихого океана, а вторая — в Восточном Средиземноморье. Обе будут располагать значительным космическим потенциалом, и в следующей главе мы увидим, каким образом это скажется на геополитике середины XXI в.

Итог таков: в 40-х годах XXI в. США будут делать то, что делают всегда при возникновении причины для беспокойства, — будут активно действовать.

Глава 9. Военная увертюра

Для США время, близкое к 4-му десятилетию XXI в., станет годами перелома, вроде тех, что страна пережила в 90-е годы XIX в., а также в 50-е и 90-е годы XX в. В США в течение 10–20 лет после завершения 50-летнего цикла перемены, происходящие в начале нового цикла, начинают оживлять экономику. Экономические, технологические сдвиги и изменения иммиграционной политики, имеющие место в 30-х годах, возымеют эффект в конце 40-х годов XXI в. Повышение производительности, полученное в результате внедрения робототехники, и резкое увеличение возможностей здравоохранения, обусловленное успехами генетики, будут стимулировать дальнейший рост экономики. Как и в 90-х годах XX в., процессы исследований и разработок (в особенности развернутые США в связи с новой холодной войной) принесут результаты.

Однако, как мы уже неоднократно наблюдали в прошлом, такие периоды необязательно становятся периодами мира и стабильности в международных отношениях. Вопрос, который выйдет на первый план приблизительно в 2040 г., таков: какие отношения сложатся между США и остальным миром. С одной стороны, США будут настолько могущественными, что практически любое действие, предпринятое Америкой, окажет воздействие на кого-то в мире. С другой стороны, США, особенно после отступления России и возникновения нестабильности в Китае, будут обладать таким могуществом, что смогут позволить себе неосмотрительность. США подчас опасны, будучи в самом что ни на есть благодушном настрое, но если США сосредоточены на какой-либо проблеме, они могут быть абсолютно безжалостными. Мир начнет испытывать позыв к обузданию США, но сказать это легче, чем сделать. Страны, которые смогут избежать столкновений с США, будут всячески в этом заинтересованы, ибо риски противоборства с США слишком велики. Но велико и вознаграждение за сотрудничество. Разные державы будут разрешать эти противоречия по-разному.

Примерно в 2040 г. на международной повестке дня наиболее спорным окажется вопрос о будущем бассейна Тихого океана, точнее, северо-западной части Тихого океана, и еще точнее — политика Японии в отношении Китая и Сибири. Внешне это будет выглядеть как вопрос агрессивности действий Японии на Азиатском материке, где Япония начнет преследовать собственные экономические интересы, не особенно считаясь с интересами других держав, в том числе США. Кроме того, возникнут вопросы уважения Японией суверенитета Китая и самоопределения российского Приморья.

На более глубоком уровне США будут встревожены стремительным ростом японской морской мощи, включающей морские и космические военные системы. Япония, которая по-прежнему будет импортировать нефть из стран Персидского залива, начнет наращивать свое военно-морское присутствие в Южно-Китайском море и Малаккском проливе. В начале 40-х годов XXI в. Япония будет озабочена стабильностью ситуации в Персидском заливе и начнет проводить разведывательные операции и патрулирование в Индийском океане ради защиты своих интересов. Япония, имеющая развитые и тесные экономические узы со многими архипелагами Тихого океана, станет заключать с этими островными государствами соглашения о создании на их территории станций спутниковой разведки и управления. У разведки США возникнут подозрения, что эти станции станут также базами японских сверхзвуковых противокорабельных ракет. Скорость полета этих ракет, ныне в 5 раз превышающая скорость звука, к середине XXI в. сможет превышать скорость звука более чем в 10 раз, преодолевая за час более 12 тыс км. Сверхзвуковые вооружения могут быть ракетами, непосредственно поражающими цели, или беспилотными летательными аппаратами, которые будут обрушивать боеприпасы на цели, а затем возвращаться на базы.

Японцы будут делить воды с американским Седьмым флотом, а околоземное пространство — с Космическим командованием США, которое ныне становится все более независимым видом американских вооруженных сил. Ни одна из сторон не начнет провоцировать инциденты на море или в космосе, и обе страны формально станут поддерживать самые сердечные отношения. Но японцы будут ощущать обеспокоенность США тем, что в Тихом океане, который Америка считает своим частным озером, есть не

вполне подконтрольная США сила.

Япония будет глубоко озабочена защитой своих морских путей от потенциальных угроз на юге, особенно в индонезийских водах, соединяющих Тихий и Индийский океаны. Индонезия — архипелаг, состоящий из большого числа островов и населенный множеством этнических групп. Эта страна по природе своей внутренне фрагментирована, в ней существует много сепаратистских движений, которые будут действовать и в будущем. Япония начнет играть в сложную игру, оказывая поддержку одним сепаратистским движениям и отказывая в этом другим, чтобы обеспечить свободу мореплавания через индонезийские проливы.

Япония будет также стремиться удерживать ВМФ США за пределами западной части Тихого океана. Для этого Япония сделает три вещи. Во-первых, создаст и развернет на своей территории сверхзвуковые противокорабельные ракеты, которые смогут наносить удары по целям, находящимся далеко в Тихом океане. Во-вторых, заключит соглашения, по условиям которых сможет размещать системы обнаружения и ракеты на тех островах Тихого океана, где уже господствует экономически, например, на островах Бонин (одним из островов этой группы является Иводзима), на Маршалловых островах и на острове Науру. В данном случае стратегия будет заключаться в создании узких мест с возможностями перехвата торговых и военных транспортов США, пересекающих Тихий океан. Это, в свою очередь, создаст предсказуемость американских путей и облегчит слежение за передвижениями американских кораблей с японских спутников. Но самым тревожным моментом для американцев станет степень японской активности в космосе, где будут развертывать не только военные, но и коммерческие и промышленные станции.

Политика США, как всегда, окажется сложной. На нее будут оказывать воздействие разные факторы. Американское разведывательное и военное сообщество во 2-м и 3-м десятилетиях XXI в. будет сосредоточено на мысли о сильном Китае, угрожающем тылам России. В 30-х годах XXI в. этот страх перед Россией станет *idée fixe* Государственного департамента, где старые традиции никогда не меняются и не умирают. Поэтому США сохранят приверженность к сильному и стабильному Китаю. Но к 40-м годам XXI в. эта приверженность станет одной из причин обострения американо-японских отношений. Очевидно, что действия японцев в Китае окажутся несовместимыми с американской мечтой о стабильном Китае. К 2040 г. отношения между Вашингтоном и Пекином станут более тесными, что для японцев будет причиной бесконечного раздражения.

Турция.

Тем временем, вслед за развалом России, Турция устремится на Кавказ. Частично эта экспансия примет форму военных интервенций, частично будет осуществляться посредством политических союзов. Столь же важным станет то обстоятельство, что влияние Турции будет в значительной мере экономическим — у остальных стран региона появится необходимость примкнуть к новому центру экономического могущества. Влияние Турции неизбежным образом спроецируется на север, за Кавказ, в Россию и Украину и утвердится в политически нестабильных районах Дона и Волги, а затем и восточнее, в аграрном сердце России. Мусульманская Турция окажет влияние на мусульманский Казахстан, что приведет к распространению власти Турции на Среднюю Азию. Черное море станет турецким озером, Крым и Одесса будут активно торговать с Турцией, которая начнет интенсивное инвестирование по всему подпавшему под ее влияние региону.

Перед своим развалом Россия попытается создать систему союзов стран, находящихся к югу от Турции, в значительной степени повторяя действия СССР в период холодной войны. По мере ослабления России и ее ухода из данного региона там возникнет пояс нестабильности, который протянется от Ливана до Афганистана. Турция не захочет связываться с Ираном, ей будет достаточно изоляции Ирана. Но нестабильность в Сирии и Ираке напрямую затронет интересы Турции, в особенности в связи с тем, что добившиеся

освобождения курды начнут подумывать о создании собственного государства. Лишенные российской поддержки и раздираемые традиционными внутренними конфликтами Сирия и Ирак ослабеют. Вынужденная выбирать между угрозой распространения нестабильности на север и заполнением вакуума власти в этом регионе другими державами Турция развернет экспансию на юг. Конечно же, турки не захотят, чтобы в Ирак снова вошли американцы, памятуя об известном опыте американского присутствия в этой стране в начале XXI в.

В то же время Балканы также погрузятся в хаос. По мере ослабления России будут слабеть и ее союзники на Балканах, что приведет к нарушению баланса сил в данном регионе. Венгры и румыны попытаются частично заполнить возникающие пустоты, то же захочет сделать и Греция (исторический противник Турции). Как новая региональная держава, Турция окажется вовлечена в балканский кризис в результате распространения нестабильности. У Турции уже сложились тесные отношения с мусульманскими балканскими странами — Боснией и Албанией, которые устремятся к расширению сфер влияния не столько в силу своей агрессивности, сколько из страха перед намерениями других стран.

С географической точки зрения у любой державы в этом регионе может быть единственная важная цель — установление контроля над Восточным Средиземноморьем и Черным морем. Важно помнить, что некогда Турция была державой, господствовавшей на суше и на море. Чем сильнее какая-либо из европейских держав приближалась к Босфору, тем опаснее она становилась для Турции. Контроль Турции над Босфором означает необходимость недопущения на Балканы европейских держав или по меньшей мере блокирование продвижения европейцев на Балканах. Поэтому для того, чтобы Турция стала крупной региональной державой, ей абсолютно необходимо присутствовать на Балканах.

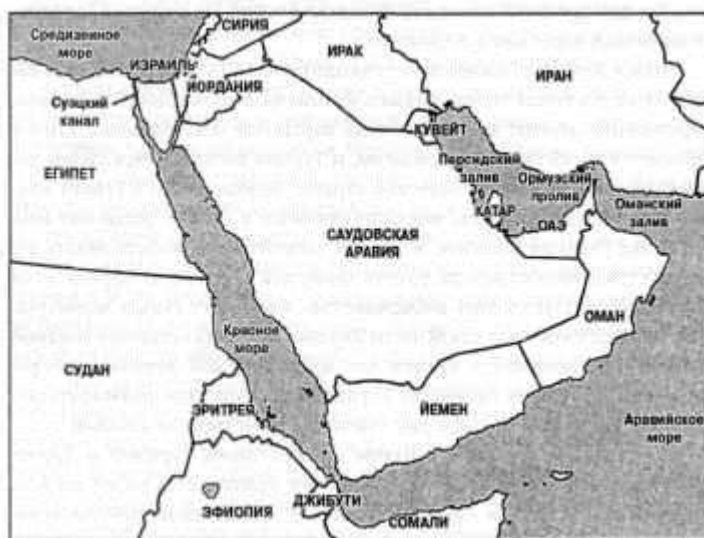
К середине 40-х годов XXI в., став настоящей региональной державой, Турция создаст системы отношений с глубинными территориями России, которые будут поставлять в Турцию сельскохозяйственную продукцию и энергию. Турция начнет господствовать в Ираке и Сирии, а потому сфера ее влияния охватит Аравийский полуостров с его истощающимися запасами нефти и газа, обеспечивающими американскую экономику. Турция распространит свое влияние на северо-запад, в глубины Балканского полуострова, где столкнется с интересами главных союзников США — Венгрии и Румынии, которые развернут экспансию на восток, на Украину, сталкиваясь с турецким присутствием на северном побережье Черного моря. По всей оси турецкого присутствия будут вспыхивать конфликты (от партизанских движений до локальных войн) с применением обычных вооружений.

Турция усилит свои и без того мощные вооруженные силы в соответствии с новыми потребностями. Произойдет наращивание сухопутных, морских и воздушных сил Турции. Распространение власти Турции на Черном море, защита Босфора и продвижение на Адриатике, необходимое для оказания влияния на события, происходящие на Балканах, потребует создания мощного военно-морского флота. Важной задачей станет господство над Восточным Средиземноморьем вплоть до Сицилии. Турции придется защищать не только Босфор, но и пролив Отранто, являющийся воротами в Адриатику.

Турция начнет сталкиваться с союзниками США в Юго-Западной Европе, а ее растущая мощь вызовет крайнюю озабоченность в Италии. Переломный момент наступит, когда внутренне нестабильный Египет столкнется с собственным кризисом, и Турция воспользуется своим положением ведущей мусульманской страны, чтобы ввести в Египет войска. Турецкие миротворцы внезапно появятся в Египте, установят контроль над Суэцким каналом, и Турция получит возможность делать то, что она традиционно делала, то есть двинуться в Северную Африку. Если Турция воспользуется этой возможностью, она станет самым значительным государством в западной части Евразии. Израиль останется мощной страной, но способность Турции как мусульманской державы распространять свою власть блокирует Израиль и вынудит его примириться с Турцией, которую в Израиле уже считают дружественной страной.

Контроль над Суэцким каналом откроет перед Турцией и другие возможности. К этому времени Турция уже продвинется на юг, на Аравийский полуостров, и будет вести борьбу с арабскими повстанцами. Ее наземные коммуникации станут испытывать напряжение. Получив контроль над Суэцким каналом, Турция обретет возможность снабжать свои войска морским путем, через Красное море. Это, в свою очередь, упрочит турецкий контроль над Аравийским полуостровом и позволит Турции угрожать Ирану. Турция сможет блокировать иранские порты или вторгнуться в Иран с запада, но не пожелает делать ни того, ни другого — сама угроза таких действий успокоит Иран, который начнет служить интересам Турции.

Из сказанного следует, что Турция выйдет за пределы Красного моря и Аравийского полуострова и проникнет в бассейн Индийского океана. Интересы этой страны будут сосредоточены на Персидском заливе, где Турция, консолидировав свой контроль над Аравийским полуостровом, овладеет по-прежнему важными нефтяными богатствами региона. Сделав это, она превратится в важный фактор, который японцам придется учитывать в своих стратегических планах, поскольку Япония издавна зависит от поставок нефти из Персидского залива. После того как Турция установит господство над Персидским заливом, у японцев появится заинтересованность в достижении взаимопонимания с Турцией. Обе эти страны к тому времени будут обладать мощными экономиками и начнут превращаться в мощные в военном отношении державы. Обе страны будут заинтересованы в безопасности морских путей от Ормузского до Малаккского пролива. Таким образом, интересы обеих держав могут в значительной степени совпадать, а точек трения между ними окажется совсем немного.

Морские пути на Среднем Востоке

Очевидно, становление Турции как региональной и морской державы особенно встревожит США, потому что возвышение Турции совпадет по времени с возвышением Японии. Особое беспокойство у США будет вызывать молчаливое сотрудничество Турции и Японии в Индийском океане. В водах Персидского залива господство Турции будет подавляющим. Столь же подавляющим будет господство Японии в северо-западной части Тихого океана. США по-прежнему будут господствовать в Индийском океане, но события там, как и в акватории Тихого океана, будут развиваться в неблагоприятном для США направлении.

Столь же тревожным для США станет факт, что Турция будет собирать остатки прежнего поколения исламистов, придавая идеологический и моральный вес своему растущему господству. По мере распространения турецкого влияния Турция станет не только военной державой. Разумеется, это вызовет обеспокоенность в США, а также в Индии.

Со времен войны США с приверженцами джихада в начале XXI в. у Америки сложатся прочные отношения с Индией. Внутренние конфликты помешают Индии стать мировой экономической державой, но эта страна будет иметь немалую важность в регионе. Индию встревожит появление турков-мусульман в Аравийском море, и она начнет опасаться турецкой экспансии в бассейне Индийского океана. Интересы Индии будут скоординированы с интересами США, которые в Индийском океане окажутся в том же положении, что и в Тихом. США вступят в союз с крупнонаселенной материковой страной против слабейших, но более динамичных морских держав.

По мере усиления описанного процесса мощь Японии и Турции, находящихся на противоположных концах Азии, станет существенной. Обе страны начнут распространять свои интересы на Азиатской части материка и потому станут разворачивать военно-морские силы таким образом, чтобы суметь вовремя оказывать поддержку своим же интересам на суше. Кроме того, обе страны будут наращивать космические потенциалы, запуская обитаемые и автоматические космические станции. В определенной степени Турция и Япония станут сотрудничать в освоении космоса. В технологическом плане Япония будет намного опережать Турцию, но доступ к турецким пусковым установкам увеличит безопасность Японии от американского удара. Такое сотрудничество станет еще одной причиной для беспокойства США.

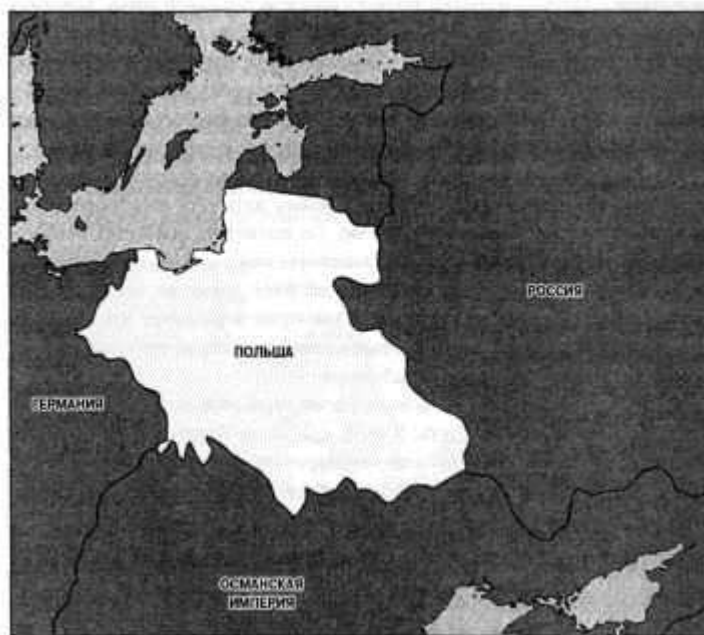
К середине XXI в. Турция распространит свое влияние в сторону России и в глубь Балкан, где столкнется с Польшей и другими членами восточноевропейской коалиции. Кроме того, Турция станет крупной средиземноморской державой, контролирующей Суэцкий канал и проецирующей свою мощь в страны Персидского залива. Турция будет страшить поляков, индийцев, израильтян, но прежде всего — США.

Польша.

Вечным польским кошмаром всегда считалась возможность одновременного нападения со стороны России и Германии. В подобном случае, как это произошло в 1939 г., у Польши нет никаких шансов. Развал России в 20-х годах XXI в. даст Польшу возможность и необходимость для решительных действий. Подобно тому как у России нет иного выбора, кроме движения как можно дальше на запад, Польша стремится перенести свои границы как можно дальше на восток.

В прошлом такая возможность у Польши, стиснутой тремя империями (Российской, Германской и Австро-Венгерской), появлялась нечасто. Но в XVII в., когда Германия была раздроблена, а Россия еще не начала превращаться в мощную силу, с которой был вынужден считаться Запад, у Польши были возможности для экспансии.

Проблемой поляков была ненадежная южная граница. К 2040 г. эта проблема будет решена в связи с тем, что остальные государства Восточной Европы, втянувшись в противостояние с Россией, также станут энергично строить буферные зоны на своих восточных рубежах, поскольку уроки прошлого будут еще свежи в памяти. Но у восточноевропейского блока появится еще одно измерение — экономическое. Со времен своего объединения в 1871 г. экономическим локомотивом Европы была Германия. Даже после Второй мировой войны, когда Германия утратила политическую волю и уверенность в собственных силах, она оставалась самым динамичным государством в Европе.

Польша 1660.

После 2020 г. ситуация изменится. Экономика Германии будет обременена стареющим населением. Склонность немцев к созданию гигантских корпоративных мегаструктур в долгосрочной перспективе породит неэффективность и сделает немецкую экономику хотя и значительной, но вялой. Немцы столкнутся с массой проблем, общих для большинства стран Центральной и Западной Европы.

Во второй холодной войне страны Восточной Европы будут сражаться в союзе с США — ведущей технологической державой мира. Холодная война — лучший из всех вариантов войн, поскольку дает участвующим в ней странам мощные стимулы к развитию, но не приводит к их разрушению. Во время второй холодной войны будет создано множество технологических достижений, благодаря которым США обретут огромные преимущества, и Польша будет использовать американские технологии и опыт.

У самой Германии не будет ни желания, ни сил бросить вызов блоку, возглавляемому Польшей (будем условно называть коалицию стран Восточной Европы польским блоком). Со временем польский блок по мощи превзойдет Центральную и Западную Европу и достигнет того, о чем некогда мечтала Германия. Польский блок поглотит, ассимилирует западную часть прежней Российской империи и разовьет эти территории. Сделав это, коалиция восточноевропейских стран построит экономический блок существенных размеров.

Коренной слабостью польского блока окажется его относительная континентальная замкнутость. У этой коалиции будут порты на Балтике, которые, однако, можно будет блокировать минимальными военно-морскими силами. Опасным узким местом станет пролив Скагеррак. Если у Польши будет только этот выход к морю, то морские пути в США и в остальной мир будут очень уязвимы. Единственной альтернативой Балтике является порт в Адриатике: Хорватия, в прошлом имевшая близкие отношения с Венгрией, будет контролировать Риэку — крупнейший хорватский порт. Хотя у этого порта ограниченные возможности, он наверняка будет полезен.

Однако с использованием Риэки возникнут две проблемы, и обе они будут связаны с Турцией. Во-первых, турки будут глубоко вовлечены в положение на Балканах (но столь же велика будет вовлеченность Венгрии и Румынии). Как всегда происходит с ситуациями на Балканах, ситуация, сложившаяся к 40-м годам XXI в., будет крайне запутанной, и ее религиозные аспекты вдобавок окажутся осложненными национальной враждой. Турки не захотят, чтобы польский блок продвигался в Средиземноморье, и воспользуются напряженностью отношений между боснийцами и хорватами для создания нестабильности

на Балканах. Но даже если данный сценарий не реализуется, польский блок, располагающий только торговым флотом, не сможет пользоваться Адриатикой и Средиземным морем. На этом направлении все будет зависеть от контроля над проливом Отранто. Единственная альтернатива — захват Дании ради установления контроля над Скагерраком, но для этого полякам придется вторгнуться в Германию, а сделать это они будут не в состоянии.

Польский блок столкнется с турками в двух местах. Одним из них будут Балканы, где решится вопрос доступа стран Восточной Европы к Средиземному морю. Другим местом столкновения станет Россия, где влияние Турции, распространяющееся на запад через Украину, столкнется с влиянием польского блока, распространяющимся на восток. Столкновение в России не будет таким взрывоопасным, как столкновение на Балканах, так как у России большая территория, однако здесь возникнет еще один спорный вопрос. На территории Украины и юга России никто не будет проводить границы сфер влияния. Учитывая враждебность украинцев как к полякам (этот антагонизм уходит своими корнями в XVI и XVII вв.), так и к туркам, — турки и поляки смогут манипулировать ситуацией, доставляя неприятности друг другу.

В этот момент поляки начнут остро нуждаться в американцах. Только США смогут иметь достаточный вес, чтобы препятствовать турецкой экспансии в Средиземноморье. И американцы будут все более склонны к использованию своего влияния, поскольку они не пожелают утверждения новой евразийской державы. Хотя Турция будет далека от этого, вектор ее движения очевиден. Стратегия Америки, заключающаяся в разрушении региональных евразийских держав до того, как они станут слишком сильными, и в предотвращении появления любой другой военно-морской державы, предопределил попытки США блокировать Турцию.

В то же время политика США потребует не столько прямых действий, сколько сколачивания коалиции региональных держав, также заинтересованных в противодействии туркам. В отличие от усилившейся Турции, польский блок не начнет представлять угрозу интересам США. Поэтому американская стратегия будет заключаться в том, чтобы не бросать в бой американские силы, а передать польскому блоку технологии, благодаря которым коалиция восточноевропейских стран сможет самостоятельно и активно противодействовать турецкой экспансии.

Примерно к 2045 г. польский блок должен закрепиться в Риеке, поглотив и Словению, и Хорватию. Эти две страны будут искать защиты от балканских соперников вроде Сербии и Боснии. Польский блок укрепит границы обеих стран. Сербию в блок не допустят, потому что поляки и другие члены блока не пожелают втягиваться в трясину сербской политики. Используя технологическую мощь Америки, Польша быстро развернет военно-морские и космические силы, необходимые для столкновения с Турцией на Адриатике и в Средиземном море. Польский блок продемонстрирует потрясающие темпы развития, и турки начнут понимать, что сталкиваются не только с польским блоком, но и с самими США.

Немцы будут с тревогой наблюдать за кризисом, разворачивающимся близ границ Германии, и, очевидно, окажут поддержку туркам. Сами немцы ввязываться в конфликт не станут, но будут достаточно хорошо понимать последствия победы польского блока над

Турцией. В случае такой победы польский блок ради сохранения своего единства станет, в сущности, реинкарнацией прежнего Советского Союза и будет обладать большей частью европейских ресурсов советской империи, дополненных, возможно, ресурсами Среднего Востока. Немцы достаточно хорошо знают американцев, чтобы понять: США выступят против блока, добившегося успеха таких масштабов. Однако немцы будут знать и то, что бремя новой конфронтации придется нести им. Если польский блок добьется преобладания, США станут сдерживать Восточную Европу, не позволяя ей установить господство над Западной Европой, а это означает, что Германия снова станет потенциальным полем боя. Иными словами, как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе успех польского блока представляет угрозу для Германии.

Поэтому в интересах Германии оказывать туркам всевозможную помощь, за исключением прямого военного вмешательства. А турки будут нуждаться в помощи, которая позволит удушить польский блок. Ключом к разрешению этой ситуации станет изоляция польского блока от США и мировой торговли. Если туркам удастся изолировать польский блок на Адриатике, а немцам — достичь подобного успеха на Балтике, то польский блок попадет в серьезную неприятность. Чтобы решиться на это, немцы должны быть уверены в успехе Турции и в том, что Америка не обрушит на Турцию всю свою мощь. А поскольку Германия не будет уверена ни в том, ни в другом, она будет выжидать.

Американцы также будут выжидать по всему миру. Они вооружат польский блок и поощрят его к конфронтации с турками. Они будут помогать усилению Индии в Индийском океане, помогать усилению Китая и Кореи и наращивать свои силы в Тихом океане и Средиземном море.

США будут делать все для удушения Японии и Турции, не начиная открытой войны с этими странами. И такую политику США будут проводить весьма успешно. И Турция, и Япония, хорошо знающие о том, что в прошлом США вооружали и поддерживали своих союзников, придут к выводу, что союзники США угрожают им разгромом. И это понимание приведет к общей эскалации напряженности.

Давление и союзы.

Веком ранее, в 40-х годах XX в., когда Германия и Япония одновременно бросили вызов интересам Америки, США уже сталкивались с кризисами на многих фронтах. Тогда США проводили стратегию поддержки региональных союзников, помогая Великобритании и России в борьбе с Германией, а Китаю — в борьбе с Японией. Теперь, столетие спустя, США снова приготовятся к долгой игре. США не желают оккупировать или уничтожить ни Турцию, ни Японию, и, уж конечно, не желают уничтожения Германии. США начнут играть в обороне, блокируя возвышение других держав. США не станут проводить наступательную стратегию, которая, впрочем, возможна. Стратегия США будет направлена на истощение любой державы, представляющей угрозу интересам Америки, в затяжном противостоянии. США станут втягивать потенциальных соперников в длительные конфликты, в которых те не смогут одерживать победы и из которых им будет трудно выйти. Проводя такого рода стратегию, США будут постоянно обращаться к принципам самоопределения и демократическим идеалам, изображая Японию и Турцию как агрессоров, подрывающих национальный суверенитет и нарушающих права человека.

Наряду с публичной дипломатией США будут отражать и непосредственные угрозы, первая из которых — экономическая угроза. Американский рынок, по-прежнему огромный, будет жадно потреблять японские и, в меньшей мере, турецкие товары, а США останутся важным источником новых технологий. Отлучение от американского рынка или американских технологий окажется, мягко говоря, болезненным. США будут использовать эти рычаги против обоих соперников. Америка прекратит экспорт некоторых технологий, особенно тех, которые могут быть использованы в военных целях, и ограничит импорт некоторых товаров из Японии и Турции.

Одновременно США будут оказывать поддержку разным националистическим движениям в Китае, Корее и Индии. Через польский блок США окажут поддержку националистическим движениям в России и Украине, которые попадут в сферу влияния Турции. Но главный акцент в этой стратегии будет сделан на Балканах и Северной Африке, особенно на Египте. На Балканах польский блок (сильно зависящий от Хорватии) будет избегать близких отношений с Сербией, старинной противницей Хорватии, превращая, таким образом, Сербию в буферную зону между собой и Турцией. США начнут энергично оказывать поддержку сербскому сопротивлению туркам и распространят эту программу на Македонию. Греки, давние враги турок, станут близкими союзниками США и поддержат эти усилия американцев, хотя и будут воздерживаться от формального союза с польским блоком.

С геополитической точки зрения эти союзы и маневры во многих отношениях нетрудно предсказать. Как я уже говорил, все они соответствуют вполне устоявшимся шаблонам, которые содержатся в многовековой истории. Я всего лишь пытаюсь понять, каким образом традиционные шаблоны проявятся в условиях XXI в. На Балканах, после того как США начнут оказывать целевую поддержку сопротивлению туркам, регион превратится в пороховую бочку, и туркам придется затрачивать необычайно большие ресурсы в регионе, в котором у них в основном оборонительные интересы. Турки будут стремиться всего лишь к защите Босфора, не ставя перед собой других важных целей. Если они отступят, их способности внушать доверие в пределах собственной, по-прежнему неопределенной, сферы влияния будет нанесен серьезный ущерб.

США также попытаются оказать поддержку арабскому национализму как в Египте, так и на Аравийском полуострове. Туркам придется проявлять осторожность и не быть чрезмерно агрессивными или жадными в процессе утверждения своей власти, однако антитурецкие настроения все равно восторжествуют. США будут эксплуатировать национализм этого типа — не потому, что американцы действительно желают успеха националистическим движениям, а для того, чтобы подрывать силы Турции.

Турция будет озабочена помощью, которую американцы окажут польскому блоку и Северной Африке. Цель США будет состоять в переформатировании и ограничении действий турок, но любому американскому вмешательству будут приданы формы, которые Турция не сможет интерпретировать как угрозу своим коренным национальным интересам.

Космос и звездные войны.

Самый грозный ход в этот период США сделают в космосе. В 30-х годах XXI в. США спокойно развернут программу коммерциализации космического пространства, сделав упор на производство энергии. К середине 40-х годов XXI в. этот процесс получит определенное развитие, но по-прежнему будет требовать крупных субсидий, особенно в области исследований и конструкторских разработок. В ходе коммерциализации космического пространства США увеличат свои возможности действовать в космосе дистанционно, используя людей только для выполнения наиболее сложных и требующих точности работ. Возникнет крупная инфраструктура, которая даст США еще большее лидерство в освоении космического пространства.

В поисках возможностей использования своих преимуществ в космосе для упрочения господства над земной поверхностью США начнут наращивать эту инфраструктуру. Постепенно США откажутся от дорогостоящей и неэффективной стратегии осуществления своей власти посредством отправки за тысячи километров тяжеловооруженных солдат на транспортных средствах, использующих нефть в качестве горючего. Вместо этого США создадут систему сверхзвуковых беспилотных летательных аппаратов, базирующихся на территории США, но управляемых с космических командных центров, находящихся на геостационарной орбите над районами, где будут размещены потенциальные цели. Такие платформы я хотел бы называть «звездными боевыми станциями» — по той лишь единственной причине, что мне нравится это название. К середине XXI в. сверхзвуковая

ракета, запущенная с Гавайев, через полчаса сможет поразить судно, находящееся у берегов Японии, или танк на полях Маньчжурии.

США (в условиях абсолютной секретности, поскольку договоры прошлого века все еще будут действовать) также создадут ракеты, которые можно будет использовать против наземных целей. Это будут ракеты огромной разрушительной силы, летящие с невероятной скоростью. Если космические боевые станции утратят связь с наземными центрами управления, они, если потребуется, смогут вести боевые действия автоматически, обрушивая свои боезапасы на точно обозначенные цели в точно заданное время по командам с развернутой в космосе совершенной системы управления.

В XXI в. ведение боевых действий потребует совершенных средств связи. Самым важным в эволюции методов и способов ведения войны в космосе станет перевод основных средств управления и командования в космическое пространство. Управление, размещенное на земле, уязвимо. К моменту, когда космическая станция, обнаружив цель, передаст ее изображение через несколько спутников в наземный центр управления, который, в свою очередь, направит команду на запуск сверхзвуковых ракет, пройдет много секунд. Еще более важным обстоятельством является тот факт, что чем больше в системе передаточных звеньев, тем больше точек, в которых возможны ошибки. К тому же противник может нарушить сигнал, нанося удары по наземному центру управления, приемникам и передатчикам сигналов. В принципе насчитывается довольно много сравнительно несложных в технологическом плане способов нарушения связи, но если центры управления будут размещены в космосе, они станут менее уязвимыми, их выживаемость повысится, а их возможности поддерживать связь с системами вооружений и личным составом ничто не будет препятствовать.

Большая часть научных знаний, необходимых для создания «звездных боевых станций», сегодня только появляется, но к середине XXI в. эти знания уже встанут на прочную технологическую основу. Я бы мог долго рассказывать, какими достижениями в мире технологий сможет похвастаться к тому времени человечество... но это уже тема для научно-фантастического романа. Мои прогнозы основаны на реально существующих технологиях, обоснованных экстраполяциях о будущем технологий и на разумных правилах военного планирования. Развернутые в космосе станции, оснащенные великолепной высокочувствительной аппаратурой, при необходимости будут отдавать приказы сверхзвуковым ракетам, которые способны поразить цель в течение всего лишь каких-то нескольких минут. Такие ракеты смогут поражать как неподвижные, так и перемещающиеся по дорогам групповые цели, а также — морские оперативные группы.

Я уверен, что США, опираясь на опыт, полученный в ходе строительства космических станций в 30-х годах XXI в., в будущем поставит перед собой задачу создания системы из трех боевых станций. Главная «звездная боевая станция» будет находиться на геостационарной орбите над экватором, над точкой у берегов Перу. Вторая будет висеть над Папуа — Новой Гвинеей, а третья — над Угандой. Каждая из этих трех станций будет покрывать почти равные участки земной поверхности.

Большинство стран не проявят восторга при появлении у США боевой космической системы, но наибольшую тревогу станут испытывать японцы и турки. Так уж случится, что одна из станций будет находиться к югу от сферы влияния Турции, а другая — к югу от зоны особых интересов Японии. Благодаря высокочувствительной аппаратуре и дистанционным средствам контроля станции, размещенные на околоземных орбитах, смогут на продолжительное время зависать над Турцией и Японией и отслеживать то, что будет происходить в этих странах. В сущности, эти станции станут орудиями, нацеленными на центры этих стран. А самым важным является, возможно, то, что космические боевые станции окажутся способными практически моментально устанавливать постоянную блокаду обеих стран. Эти станции не смогут оккупировать Турцию и Японию, но смогут удушить эти страны.

Хотя новые системы космического базирования требуется планировать годами, их

развертывание в космосе произойдет с ошеломляющей быстротой. Приказ на развертывание космических станций будет отдан примерно в 2040 г., и системы станут вполне работоспособными во 2-й половине 40-х годов XXI в. — скажем, приблизительно к 2047 г. Это развертывание будет обосновано предположением, что боевые космические станции неуязвимы и что ни одна другая страна не способна к нападению на эти станции и их уничтожению. Такие предположения США делали и раньше — относительно линкоров, авианосцев и бомбардировщиков-невидимок. Американское военное планирование страдает врожденным высокомерием, порожденным уверенностью, что другие страны не могут сравниться с США в технологическом отношении. Предполагаемая неуязвимость, пусть это предположение и будет рискованным, облегчит быстрое развертывание космических станций.

Эскалация напряженности.

Развертывание «звездных боевых станций», появление нового поколения вооружений, управляемых из космоса, и агрессивное политическое давление, сочетающееся с императивами экономической политики, заставят США осуществлять сдерживание Японии и Турции. С точки зрения этих государств требования США будут чрезмерными до неразумного. Американцы потребуют от обеих стран отвести войска на собственную территорию, а также дать гарантии свободного прохода через Босфор, а также базирования в акваториях Черного и Японского морей.

Если японцы согласятся на эти условия, структура всей японской экономики окажется под угрозой. Турки будут считаться с перспективой экономического обвала, но им придется учитывать и окружающий их политический хаос. Более того, США не станут предъявлять аналогичные требования польскому блоку. По сути дела, США потребуют от Турции передать Балканы, Украину и часть Южной России восточноевропейскому блоку и допустить возникновение нового хаоса на Кавказе.

На самом деле США не ожидают капитуляции Турции или Японии. Требования, которые американцы предъявят Турции и Японии, будут просто некоторой платформой, с которой США попытаются оказывать давление на эти страны, ограничивать их экспансию и усиливать их уязвимость. Американцы, собственно говоря, и не будут ожидать, что Турция и Япония вернутся к тому положению, в котором они находились в 2020 г., но захотят отбить у обеих стран охоту к дальнейшим экспансиям.

Однако японцы и турки будут рассматривать ситуацию иначе. С их точки зрения, наилучшим может быть следующий сценарий: США пытаются отвлечь их внимание от насущных вопросов, создавая неразрешимые международные проблемы. Наихудший же сценарий таков: США готовят Турции и Японии геополитическую катастрофу. В любом случае и у Турции, и у Японии не останется иного выбора, кроме как предположить худшее и приготовиться к сопротивлению.

Ни у Турции, ни у Японии не будет того обширного опыта действий в космосе, которым располагают американцы. Возможно, эти страны смогут строить пилотируемые космические станции и к рассматриваемому времени создадут собственные разведывательные космические системы. Но военные возможности космических сил США будут недостижимы для Турции и Японии, во всяком случае, в том временном диапазоне, который мог бы побудить США, равно как Турцию и Японию, пересмотреть свои позиции.

США не будут планировать войну с Японией или Турцией. Просто Америка начнет намеренно оказывать на эти страны давление, пока они не ограничат свои экспансии и не станут более восприимчивыми к требованиям США. В результате у Турции и Японии появится заинтересованность в ограничении власти США, что толкнет эти страны к созданию естественного союза. К 40-м годам XXI в. сдвиги в военных технологиях сделают создание тесного союза удивительно легким. Космическое пространство изменит мировое геополитическое уравнение.

В более традиционных условиях турки и японцы смогли бы поддерживать друг друга. В конце концов, США — североамериканская держава, а Япония и Турция — евразийские державы.

Геополитические реалии делают японо-турецкий союз столь же естественным, каковой будет и цель этого союза. Мощь Японии объемлет побережье Тихого океана, но к 2045 г. она через азиатские архипелаги распространится и на Азиатскую часть материка. Сфера влияния Турции распространится на Среднюю Азию и даже на населенную мусульманами западную часть Китая. Таким образом, возникнет возможность, что при условии сотрудничества Турции и Японии им удастся создать пан-евразийскую державу, способную соперничать с США.

Разумеется, свою роль сыграет и Польша, заинтересованная в том, чтобы влияние Турции не распространилось за пределы Балкан. Однако позиция Польши не предотвратит сближения Турции и Японии. Если к этому союзу удастся привлечь хотя бы еще одну европейскую державу, у Польши возникнет серьезная проблема. Ее ресурсы и внимание будут отвлечены, что даст Турции большую свободу действий на Украине, а японо-турецкий союз приобретет третьего члена. Европейская держава, которую будут стараться вовлечь в свой союз Турция и Япония, — это, конечно, Германия. С точки зрения Японии и Турции, если Германию удастся убедить, что польский блок, поддерживаемый США, представляет для нее значительную угрозу, а тройственный союз станет достаточной силой, чтобы заставить США действовать осмотрительнее, появится вполне реальная возможность обеспечить господство над Евразией и эксплуатировать ее ресурсы.

В Германии ни на секунду не поверят, что США можно утратить. На самом деле немцы будут опасаться, что появление тройственного союза спровоцирует немедленную военную реакцию со стороны США. Немцы также начнут прикидывать, что, если польский блок исчезнет, вскоре после этого им придется столкнуться с турками на Дунае, а от такого столкновения Германия постарается уклониться. Поэтому, хотя я и считаю, что Германия — самый вероятный кандидат на вступление в союз с Турцией и Японией, я все же думаю, что она отклонит это предложение, хотя и с оговоркой. Если США в союзе с Польшей решатся на войну с Турцией и Японией, Польша, вероятно, выйдет из данного столкновения сильно ослабленной. В этом случае более позднее вовлечение в конфликт Германии сопряжено для нее с меньшими рисками и сулит большее вознаграждение. Если США одержат полную победу, Германии от этого хуже не станет. А если США и Польша потерпят поражение (что представляется менее вероятным исходом), у Германии есть возможность быстро вмешаться в конфликт и собрать трофеи. Германии имеет смысл выжидать и следить за тем, что случится с Польшей. Именно такого рода игру и будут вести немцы в середине XXI в.

Единственным другим возможным участником антиамериканской коалиции может стать Мексика, что, впрочем, маловероятно. Вспомним о том, что во время Первой мировой войны Германия предлагала Мексике союз, так что идею вовлечения Мексики в антиамериканскую коалицию вряд ли можно считать беспрецедентной. В 1-й половине XXI в. Мексика будет стремительно развиваться и к концу 40-х годов превратится в мощную экономическую державу, продолжающую жить в тени США. В 30-х годах XXI в., после того как в США примут новые иммиграционные законы, Мексика испытает массовый отток населения: мексиканцы устремятся в юго-западные районы США. Это во многих отношениях будет причинять США беспокойство, но Мексика в конце 40-х годов XXI в. едва ли будет в состоянии вступить в антиамериканскую коалицию.

Разведке США, разумеется, станет известно содержание дипломатических переговоров между Токио и Стамбулом (куда будет перенесена столица Турции из Анкары, так что столицей Турции снова станет город, который традиционно был центром турецкого государства) и о предложениях, которые будут сделаны Германии и Мексике. В США поймут, что ситуация весьма серьезная. Американскому руководству будут известны и общие японо-турецкие стратегические планы на случай войны. Хотя между Турцией и Японией не будет формального союза, США более не будут уверены в том, что им

противостоят две разные региональные державы, с которыми Америка может справиться. Начнет казаться, что США сталкиваются с единой коалицией, способной, в сущности, установить господство над Евразией, и это впечатление пробудит древний страх Америки, восходящий к большим стратегиям, рассмотренным в первых главах этой книги. Японо-турецкая коалиция, контролирующая Евразию, сможет обезопасить себя от нападения и сосредоточить свои силы на противостоянии США в космосе.

В ответ Америка прибегнет к политике, к которой неоднократно прибегала в прошлом: США начнут экономическое давление на своих соперников. В какой-то степени Япония и Турция будут зависеть от экспорта, а наращивать экспорт в мире, население которого перестанет расти быстрыми темпами, окажется трудным делом. США начнут сколачивать экономический блок, предоставляя статус наибольшего благоприятствования странам, экспортирующим в Америку товары и готовым свернуть импорт из Турции и Японии, переключившись на поставки из третьих стран, пусть даже необязательно из США. Иными словами, США станут организаторами не слишком изоциренного бойкота японских и турецких товаров.

Кроме того, США начнут ограничивать экспорт технологий в Японию и Турцию. Учитывая успехи США в развитии робототехники и генетики, эта мера больно ударит по турецкому и японскому высокотехнологичному потенциалу. Самым важным станет резкое усиление американской военной помощи Китаю, Индии и Польше, а также силам, оказывающим сопротивление Турции и Японии в России. Америка будет проводить простую политику: создавать как можно больше проблем своим соперникам, чтобы предотвратить их коалицию.

Но наибольшее беспокойство в Японии и Турции вызовет интенсивная деятельность США в космосе. Создание созвездия боевых космических станций обе страны будут воспринимать как свидетельство готовности США при необходимости пойти на военную агрессию. К концу 40-х годов XXI в. японцы и турки, приняв во внимание все действия американцев, поймут намерения США; они сочтут, что США желают сокрушить их. Кроме того, они сделают вывод, что только заключение союза послужит устрашающим фактором и спасет их — или заставит США ясно проявить свои намерения и в любом случае начать войну. Таким образом, Япония и Турция формально станут союзниками, а возникновение этого союза вызовет прилив энтузиазма у мусульман по всей Азии. Они начнут думать, что японо-турецкий союз ставит их на перекресток путей, ведущих к власти.

Возрождение исламистского рвения, вызванное противостоянием Турции и США, выплеснется в Юго-Восточную Азию, что, по условиям союзного договора, даст Японии доступ к Индонезии. В сочетании с давним японским присутствием на островах Тихого океана проникновение в Индонезию будет означать, что контроль США над Тихим океаном и доступ США в Индийский океан более не гарантированы. Однако США сохраняют уверенность в одном — в том, что хотя они, возможно, и сталкиваются с вызовами, которые бросают им Япония и Турция в пределах своих регионов и в Евразии в целом, им никогда не бросить вызов стратегическому могуществу США, которое будет находиться в космосе.

Поставив Японию и Турцию в невыгодное положение, американцы одновременно и ударятся в панику, вызванную результатом развития событий, и сохраняют самодовольство и уверенность в своей конечной способности * справиться с проблемой. США станут рассматривать ситуацию не как повод к развязыванию «горячей» войны, а как повод к новой холодной войне, подобной той, которую Америка некогда вела против СССР. Сверхдержава уверует в то, что никто не посмеет бросить ей военный вызов.

Глава 10. Подготовка к войне

Причины начала войны в середине XXI в. будут словно взятыми из учебника. Некая страна, в данном случае США, станет оказывать сильнейшее давление на коалицию двух других государств. США, не имея намерения развязывать войну или наносить серьезный

вред Японии и Турции, будут просто стремиться к тому, чтобы эти страны изменили свое поведение. Японцам и туркам, напротив, начнет казаться, что США пытаются их уничтожить, и, несмотря на нежелание этих двух стран начинать войну, страх все же заставит их действовать: они попытаются вести переговоры с США. Япония и Турция будут убеждены, что от США исходит реальная угроза, хотя американцы будут считать свои требования достаточно скромными. Мы станем свидетелями столкновения трех великих стратегий. Американцы захотят предотвратить возникновение серьезных региональных сил в Евразии, боясь, что два региональных гегемона сольются в единую евразийскую сверхдержаву. Японии присутствие в Азии необходимо, чтобы справиться со своими демографическими проблемами и получить необходимые сырьевые материалы. Этого Японии не добиться, если она не установит контроль над северо-западной частью Тихоокеанского побережья. А Турция — точка пересечения трех континентов, каждый из которых будет находиться в состоянии разной степени хаоса. Турции придется стабилизировать регион, чтобы добиться дальнейшего развития. Хотя действия Японии и Турции будут вызывать беспокойство США, в самих этих странах будут уверены, что для них это вопросы выживания.

Достичь урегулирования будет невозможно. Каждая уступка США повлечет за собой новые требования. Каждый отказ Турции и Японии вызовет у США новые опасения. Вопрос будет поставлен так: подчинение или война, и война покажется самым благоразумным вариантом. Япония и Турция не будут питать иллюзий насчет того, что они смогут уничтожить или оккупировать США. Скорее, эти страны будут стремиться создать ряд обстоятельств, при которых в интересах США будет прийти к соглашению, гарантирующему Японии и Турции собственные сферы влияния, которые, по их мнению, не затрагивают фундаментальные интересы Америки.

Поскольку Турция и Япония не смогут нанести США военное поражение, их целью будет осуществить по Америке предупредительный удар, который на время поставит ее в невыгодное положение. Он должен будет показать США, что война обойдется дороже и будет сопряжена с большими рисками, чем урегулирование. Турки и японцы будут надеяться, что американцы, наслаждающиеся периодом процветания и слегка недовольные возвышением Мексики, решат отказаться от затягивания боевых действий и согласятся на разумное разрешение конфликта путем переговоров. Хотя Япония и Турция могут предполагать, что, возможно, США не согласятся на урегулирование, но им будет казаться, что другого выхода нет.

Итак, причины этой войны будут напоминать причины, вызвавшие Вторую мировую войну: более слабые государства, пытаясь изменить в свою пользу баланс сил в мире, решат, что им необходимо начать войну внезапным, упреждающим ударом еще до того, как противоположная сторона будет готова. Война начнет развиваться как результат внезапного нападения и стремления нападающих использовать эту внезапность в качестве преимущества. Во многих аспектах война в середине XXI в. явится подобной войне середины XX в. Принципы окажутся сходными. Однако способы ведения войны будут отличаться кардинально — и поэтому этот конфликт станет началом новой эры в боевых действиях.

Новый тип войны.

Вторая мировая война стала последней большой войной европейской эры. В эту эпоху велись войны двух типов, которые иногда проходили одновременно. Первый тип — глобальные войны, в ходе которых полем боя становился весь мир. Европейцы вели войны такого типа еще в XVI в. Второй тип — тотальные войны, во время которых мобилизации подвергались целые общества. Во время Второй мировой войны все жители участвующих в ней стран были мобилизованы, пополняя армии и обеспечивая их снабжение. В глобальных и тотальных войнах XX в. различие между солдатами и гражданским населением, всегда

незначительное, было полностью стерто. Война — как глобальная, так и тотальная — стала беспрецедентным, доселе невиданным проявлением массового убийства.

Корни тотальной войны кроются в методах и способах ведения боевых действий, претерпевших серьезные изменения после изобретения баллистического оружия, которое убивает пулями, артиллерийскими снарядами и бомбами. Баллистический снаряд, выпущенный из пусковой установки, уже не меняет курса. Поэтому данному виду оружия свойственна неточность. Пуля, выпущенная из ружья, или бомба, сброшенная с самолета, зависит от координации глаза и руки солдат или летчиков, старающихся сосредоточиться на цели в тот момент, когда враг пытается уничтожить их самих. В ходе Второй мировой войны вероятность попадания снаряда в цель была изначально низка.

При низкой точности единственное решение — подвергнуть поле боя массивному удару, массовому обстрелу пулями, артиллерийскими снарядами и бомбами. Для этого необходимо значительное количество оружия, которое, в свою очередь, требует достаточного количества солдат, а им, в свою очередь, необходимо довольствие и оснащение — от продуктов питания до боеприпасов. Поэтому нужны люди, которые будут осуществлять доставку оснащения, и множество рабочих, чтобы его производить. Во время Второй мировой войны бензин был необходим практически для всех видов оружия. Только представьте себе, какие усилия требовались в то время, чтобы добыть нефть, переработать ее и доставить на поле боя — чего это стоило производственным предприятиям, работавшим на снабжение фронта. Это само по себе являлось свершением, намного превосходящим все то, что было необходимо для ведения войн в предыдущих столетиях.

К XX в. военные действия требовали таких всепоглощающих усилий, что ничто, кроме всеобщей мобилизации общества, не могло обеспечить победу. Война означала, что одно общество собирается в кулак и набрасывается на другое. Победа зависела от того, разрушите ли вы общество врага, уничтожив его население и инфраструктуру настолько полно, чтобы оно уже не могло производить те массы оружия и оснащения, что были необходимы огромным армиям.

Однако бомбежка города сотней бомбардировщиков — широкомасштабное и дорогостоящее мероприятие. Представьте себе, что можете достичь того же результата с помощью единственного самолета и единственной бомбы. Так вы осуществите цель тотальной войны, потратив лишь часть своих средств и подвергнув опасности всего одну нацию. Такова была логика создания атомной бомбы. Ее разработали, чтобы разрушать вражеское общество так быстро и эффективно, что враг скорее капитулирует, чем согласится на последствия ее применения. С технической точки зрения атомная бомба была совершенно новым изобретением. С военной — всего лишь продолжением культуры войны, которая развивалась в Европе в течение многих веков.

Жестокость атомной бомбы породила технологическую революцию в вооружении. Ядерное оружие довело до абсурда идеи глобальной и тотальной войн. Для того чтобы сражаться, применяя ядерное оружие, США и СССР пришлось научиться видеть события, происходящие во всем мире. Этого можно было добиться, лишь летая над вражеской территорией. Наиболее безопасно и эффективно делать это из космоса. Пилотируемые полеты в космос являлись доступной общественности стороной космических программ, однако их основной мотив (и финансирование) возникал из необходимости точно знать, где потенциальный противник дислоцировал свои ядерные ракеты. Спутники-шпионы эволюционировали в системы, работающие в реальном времени, способные засечь стартовые позиции вражеских ракет с точностью до нескольких метров, сделав эти позиции целями ответного огня. Так возникла необходимость в оружии, которое может поразить подобную цель.

Американская эра: точность ударов и конец тотальной войны.

Способность видеть цель создала потребность в более точном оружии. Высокоточные

управляемые боеприпасы (PGM) впервые были использованы в конце 60-70-х годов XX в. Может показаться, что это незначительное новшество, однако оно полностью изменило методы ведения войны. В XX в. для ведения военных действий были необходимы тысячи снарядов и миллионы ружей. В XXI в. количество необходимых вооружений значительно уменьшится, что означает конец тотальной войны.

Изменение масштаба станет огромным преимуществом для США, которые в прошлых войнах всегда оказывались в невыгодном демографическом положении. В XX в. основные поля сражения располагались в Европе и Азии с их значительной плотностью населения. США же (с населением меньшей плотности) находились за тысячи миль от полей сражений и были вынуждены не только вести военные действия, но и производить снаряжение и транспортировать его на большие расстояния, а это также требовало человеческих ресурсов, что ограничивало численность тех, кто мог непосредственно участвовать в сражениях. Потому-то американский способ ведения войны и заключался в стремлении к повышению боеспособности каждого солдата. Однако после Второй мировой войны все больше внимания стали уделять технологической части вооружения, а не массовости. Здесь у США выбора не было: для того чтобы стать силой глобального масштаба, необходимо было до максимума повысить эффективность каждого солдата, оснастив его самым современным оружием. Так была создана культура войны, в которой силы меньшего размера могут одержать победу над более многочисленным противником. По мере все большего использования новых технических решений требуется все меньше человеческих ресурсов — и так до тех пор, пока армия не будет состоять из весьма небольшого количества очень хорошо обученных и технически подготовленных военных. Важно понять, как созданная США культура оружия возникала параллельно с демографическими переменами в этой стране, когда стареющее в целом население и контрактная система поставили под вопрос само существование массовой армии, сделав ее создание практически невозможным.

Итак, ключом к успешному ведению войны в XXI в. станет ударная точность. Чем точнее оружие — тем меньше выстрелов требуется. Иными словами, нужно меньше солдат и меньше работников в оборонной промышленности, но больше ученых и технических специалистов. В ближайшие десятилетия возникнет необходимость в оружии, которое может, базируясь в США, достигать других частей света приблизительно за час, маневрировать с невероятной быстротой, дабы не стать мишенью ракет класса «земля-воздух», попадать в цель с абсолютной точностью и практически сразу возвращаться для выполнения следующего задания. Если у США появится такая система, им никогда больше не придется транспортировать танк за 8000 км.

Такое оружие называется беспилотным сверхзвуковым летательным аппаратом. В настоящее время США ведут разработку сверхзвуковых систем, которые в состоянии передвигаться со скоростью, более чем в 5 раз превышающей скорость звука. Этот аппарат приводится в движение тем, что называется гиперзвуковым прямоточным двигателем — не реактивным, а воздушно-реактивным. Диапазон таких двигателей в настоящее время ограничен. Однако по мере появления в XXI в. новых разработок, а также новых материалов, которые устойчивы к очень высоким температурам, вызванным трением воздуха, разнообразие и скорость двигателей будут расти.

Представьте себе: управляемый летательный аппарат, развивающий максимальную скорость 8-10 тыс. км/ч, запущенный с восточного побережья США, может поразить цель в Европе всего через полчаса; прибавьте к этому аппараты, развивающие скорость до 20 тыс. км/ч, — и война может быть закончена менее чем за час. Геополитическая потребность США в скором вмешательстве и достаточно быстром и эффективном поражении сил противника со временем будет удовлетворена и изменит расстановку сил в мире. Создание достаточного количества сверхзвукового оружия для истребления противника обойдется невероятно дорого. Однако, приняв во внимание экономию на нынешней структуре военных сил, такие затраты можно будет себе позволить. Я бы также отметил, что эти системы снизят потребность в огромных запасах бензина для заправки танков, самолетов и кораблей во

времена, когда нехватка углеводородного топлива станет ощущаться все острее.

В результате использования сверхзвуковых систем модель ведения военных действий, развивавшаяся еще с донаполеоновских времен, изменится в корне. Армии XXI в. окажутся значительно малочисленнее, но профессиональнее, чем военные силы предыдущих эпох. Армии XXI в. будут опираться на новейшие технические средства. Точность вновь разделит солдата и штатского: не будет необходимости в разрушении целого города, чтобы стереть с лица земли одно здание. Солдаты все больше станут напоминать обученных ведению боевых действий средневековых рыцарей, а не пехотинцев времен Второй мировой войны. Мужество по-прежнему будет необходимо, однако на первое место выйдет умение управлять невероятно сложными системами вооружений.

Скорость, широта охвата, ударная точность — и большое количество беспилотных летательных аппаратов придут на смену массовым силам XX в., необходимым для доставки взрывчатых веществ на поле боя. Впрочем, все эти новшества не смогут решить основную проблему войны, заключающуюся в оккупации территории противника. Армии созданы для уничтожения армий, и точное оружие сделает это более эффективно, чем когда-либо. Но оккупация территорий останется трудоемким делом. Она во многом больше подходит политикам, чем солдатам. Работа солдата — убивать врага, а политика — определять нарушителя закона и арестовывать его. Первое требует мужества, тренировки и наличия оружия. Второе — того же, а также понимания культуры, которое позволяет отличить врага от законопослушного гражданина. Эта задача не станет легче, она всегда будет ахиллесовой пятой любой власти. Так же, как римляне и британцы, поразив армии врага, мучились в оккупированной Палестине, американцы будут страдать от последствий своих побед в результате каждой выигранной ими войны.

Война в космосе.

Как бы в будущем ни изменились методы ведения войны, одно останется неизменным: командир на поле боя должен знать свой фронт. Несмотря на то что глобальный район боевых действий может кардинально отличаться от традиционного поля сражения, принцип, гласящий, что должен знать командир, остается неизменным. На глобальном фронте командование и контроль должны дополняться информацией о том, что делает враг и как используются ваши собственные силы. В реальном времени этого можно достичь единственным способом — слежением из космоса. Важнейшим принципом ведения войны всегда был захват возвышенностей, поскольку считалось, что так вы получите хороший обзор поля боя. Это верно и для глобальной войны. Возвышенность позволяет далеко видеть, а в нашем случае возвышенность — это космос, откуда разведывательные платформы позволят вам постоянно следить за глобальным районом боевых действий и видеть его целиком.

Таким образом, глобальная война станет космической войной. Это, однако, вовсе не является радикальным новшеством. Космос и так полон разведывательных спутников, которые разные страны вывели на орбиту, чтобы быстро узнавать о событиях в мире. Для некоторых из этих стран, особенно для США, расположенные в космосе приборы слежения уже создают глобальное поле боя, определяя тактические цели и показывая, куда следует наносить удар с воздуха или по какой цели надо выпустить крылатую ракету. Космические системы вооружений еще не возникли, однако платформы уже на месте и вступают в пору зрелости.

Космос обеспечивает линию прямого наблюдения и надежную связь. Кроме того, оттуда можно четко отслеживать неприятельские объекты. Потому-то управление военными действиями и переместится с Земли в космос. На разном расстоянии от поверхности Земли появятся космические станции — командные платформы, задачей которых будет управление роботизированными системами на суше и на море. С помощью орбитальных команд они будут уклоняться от нападения врага, вести боевые действия и атаковать неприятельские

платформы.

Следовательно, чтобы «ослепить врага», нужно будет разрушить его базирующуюся в космосе систему слежения, позволяющую ему выбирать цели для ударов. Кроме того, чтобы помешать неприятелю вести войну, придется уничтожить его системы навигации, коммуникации и другие устройства, размещенные на орбите. Таким образом, уничтожение вражеских спутников станет важнейшей целью войны XXI в.

Естественно предположить, что особенно важной задачей в этом случае станет оборона собственных спутников. Простейший способ защиты спутника — позволить ему маневрировать, чтобы уклониться от вражеского удара. Но это не так просто, как кажется. Во-первых, необходимо топливо, а доставлять его на орбиту тяжело и дорого; во-вторых, маневрирование не спасет спутник ни от лазерного луча, ни от противоспутниковых систем (ASAT). Наконец, такие спутники будут представлять собой орбитальные платформы, выведенные на определенную орбиту, что необходимо для покрытия заданной территории. Маневрируя, спутник изменит орбиту и станет бесполезным.

Спутники необходимо защищать, изменяя направление атаки или уничтожая нападающего. К концу XXI в. эта идея эволюционирует по образу и подобию других систем вооружений в истории человечества, и в результате возникнут боевые группы спутников. Как в авианосном ударном соединении, где авианосец защищает другие суда, разведывательный спутник будут защищать вспомогательные спутники (с различными функциональными возможностями и задачами) от блокирования лазерных лучей до нападения на другие спутники. Проблема защиты системы, базирующейся в космосе, быстро обострится. Это произойдет по мере увеличения угрозы с обеих сторон, потребовав расширения оборонительных мер.

Со временем люди научатся наносить удары из космоса по Земле, однако это сложнее, чем кажется. В космосе снаряд движется со скоростью многих сотен километров в час, притом что Земля — вращается. Поражение цели на поверхности Земли из космоса — умение, которое будет развиваться медленнее, чем наблюдение из космоса, однако, несомненно, в один прекрасный момент и это станет возможно.

Стоимость спутника — несколько миллиардов долларов. Базирующиеся в космосе боевые группы спутников будут обходиться еще дороже. Сегодня, кроме редких случаев, повреждение орбитальной установки или невыполнение ею задачи предполагает ее полную гибель — так как ни одну из частей установки невозможно восстановить. Чем больше люди будут осваивать космос, тем более ценными станут платформы и тем менее приемлемой — модель их полной гибели. Но особенно насущной станет необходимость в ремонте космических платформ в связи с превращением космоса в поле боя. А для восстановления сложной поврежденной системы человек должен будет в физическом смысле присутствовать в космосе.

Посылать человека в космос каждый раз, когда потребуется ремонт, — не слишком эффективно, а запуск космического корабля с Земли будет стоить дороже, чем перемещение корабля, уже находящегося на орбите. В какой-то момент станет осмысленнее и выгоднее с точки зрения экономики держать в космосе постоянный штат, ответственный за ремонт орбитальных комплексов. Очевидно, что эти люди сами могут оказаться целью удара противника, а значит, они должны будут уметь не только защищаться, но и управлять базирующейся в космосе системой и курировать ее.

Задача эффективного управления военными действиями из космоса не сводится к быстрому ремонту спутников, которые стоят многие миллиарды долларов. Связь между космосом и Землей осуществлять непросто, она подвержена помехам. Поэтому любой враг будет пытаться в первую очередь нанести самый логичный и экономичный удар — нарушить эту связь. Этого можно достичь без помощи новейшей техники, применив самый простой метод — уничтожение наземных передатчиков, например, бомбовым ударом. Кроме того, можно атаковать пусковые установки. Предположим, что два основных стартовых комплекса США — Космический центр Кеннеди и авиационная база ВВС Ванденберг — подверглись

удару управляемых ракет противника и повреждения таковы, что их работа прервана на несколько месяцев. США уже не смогут отправлять в космос новое оборудование, им доступно лишь то, что уже было выведено на орбиту к моменту нападения. От защиты этих систем может зависеть победа или поражение США. Следовательно, размещение ремонтных бригад в космосе станет для них весьма важным фактором.

Мы видим, что военные действия в космосе — палка о двух концах. Чем глубже мы изучаем этот вопрос, тем больше рискуем скатиться в область научной фантастики, однако нет сомнения, что человечеству не избежать этого уже в нынешнем столетии. Технологии уже придуманы, а стратегические и тактические преимущества — ясны.

Космические войны, как морские битвы в XVI в., будут распространяться все шире. Геостационарная орбита стратегически важна, поэтому за нее будут драться. Однако орбиты станут лишь одной стратегической точкой конфликтов. Другая — это поверхность Луны. Хотя это и кажется очень далекой перспективой, базы на Луне обеспечат стабильность (им не будет мешать атмосфера) наблюдения за поверхностью Земли и любыми конфликтами, происходящими в космосе. Снаряд, пущенный с Луны, будет лететь до Земли слишком долго, вероятно, несколько дней. Но сигнал сможет достичь поисково-ударного спутника, который нацелен на разрушение ремонтной базы, всего за несколько секунд. Поддержка и защита баз на Луне будет проще, чем управление и оборона системы, расположенной на орбите.

Битвы будут вести за господство на низкой орбите, в геостационарном пространстве, за центры либрации (стабильные точки между Землей и Луной) и на поверхности Луны. Целью всех этих сражений, как и предшествовавших им войн на Земле, станет недопущение возможности использования этих территорий врагом и гарантия доступа к ним государства-победителя. Неважно, будут ли действовать договоры об использовании космического пространства или же таковых вообще не будет. Войны следуют за распространением человечества. И поскольку человечество движется в космос, война в космосе неизбежна.

Важнейшую роль будет играть осуществляемый из космоса контроль океанов на Земле. Даже сегодня эффективность военно-морского флота США в значительной степени зависит от наблюдения из космоса. Создание флота, который сможет бороться с доминированием США на море, — невероятно сложный, дорогостоящий и долгий процесс. Нужны целые поколения, чтобы освоить технологии и принципы работы авианосцев. Большинство стран прекратили попытки в этом направлении, и предпринимать новые в ближайшем будущем решатся лишь немногие. Однако в XXI в. контроль морских просторов будет меньше зависеть от бороздящих океаны кораблей, чем от базирующихся в космосе систем, которые отслеживают вражеские военные суда и наводят на них свои орудия. Поэтому тот, кто будет контролировать космос, будет контролировать и морские пространства.

Давайте уделим немного внимания роботам. Хотя, по моим прогнозам, командовать и управлять космическими военными платформами будет человек, за его спиной будут стоять роботизированные системы. Сохранение жизни человека в космосе — сложная и дорогостоящая задача, и таковую она останется на протяжении данного века. Автономные системы, однако, уже используются повсюду, как и комплексы с дистанционным управлением. Беспилотные космические полеты стали обыденным делом. На самом деле именно в космосе проделана немалая часть работы по развитию роботизированных систем, и она будет вестись и дальше. Данные технологии развиты уже настолько, что Министерство обороны США осуществляет достаточно продвинутые проекты в этой области. Мы станем свидетелями (или уже являемся таковыми) роботизированного летательного аппарата, ремонтных спутниковых моделей, «разумных» торпед. К концу столетия вполне возможно появление роботизированного пехотинца, способного выполнять сравнительно простые задачи, например, брать штурмом укрепленные оборонительные сооружения, что поможет избежать человеческих потерь.

Военные планы.

К середине столетия власть Америки будет основана на охвате территории всей Земли беспилотными сверхзвуковыми летательными аппаратами и ракетами, размещенными в космосе. В случае необходимости эти системы позволят США установить морскую блокаду Турции и Японии. Они также смогут ударить по любым наземным сооружениям, которые захотят разрушить, и нанести сокрушительное поражение армиям этих стран.

Военные действия Америки будут базироваться на трех стратегиях. Первая — нападение на летательные аппараты противника, которые могут угрожать США, в том числе и на системы, базирующиеся в космосе. Вторая — нанесение систематических ударов по остальным элементам военного могущества противника и экономически важным сооружениям. И последняя — высадка ограниченного контингента наземных войск. Это будут части механизированной пехоты, оснащенные средствами личной защиты, сопровождаемые роботизированными системами и обладающие сильнейшими средствами поражения, сохраняющими боеспособность и мобильность. США окажутся полностью зависимыми не только от своих спутников, но и от систем, которые я называю их «боевыми звездными платформами». «Боевые звезды» США должны будут не просто стать глазами, ушами и ударной силой этого государства, они начнут командовать армией спутников и их бортовыми системами, а также орбитальными пусковыми установками, откуда будут осуществляться ракетные удары по наземным целям и другим орбитальным объектам. Они станут передавать информацию о расположении целей на беспилотные сверхзвуковые летательные аппараты, размещенные на Земле, и даже уметь управлять этими аппаратами из космоса. Уничтожение или изоляция «боевых звезд» повлечет за собой нарушение всей системы ведения боевых действий США. В этом случае страна сможет наносить удары лишь по стационарным наземным сооружениям, расположение которых ей известно, но будет слепа по отношению к любым действиям мобильных систем.

К середине XXI в. человек уже несколько десятилетий будет летать в космос для выполнения военных задач. К тому времени уже не будет смысла в запуске на орбиту спутников стоимостью миллиарды долларов, если есть лишь надежда, что они будут работать так, как работали в начале века. Сбои в функционировании основных систем потребуют наладки. Сегодняшние космические челноки могут совершать такой ремонт, однако по мере того, как космос начнет приобретать все большее значение, понадобится постоянный штат специалистов-наладчиков. Самая дорогая часть космической программы — запуск, и поэтому, как я уже говорил, постоянно посылать людей на орбиту — неэкономично. Поэтому нормой станет практика, когда постоянно базирующиеся в космосе команды в случае поломки орбитальной системы будут останавливать и ремонтировать ее. К середине XXI в. космические ремонтные станции, размещенные на разном расстоянии от Земли, будут находиться в космосе уже лет 20, а со временем они возьмут на себя больше функций — займутся разведывательной деятельностью и проведением военных операций, например смогут уничтожать спутники врага.

«Боевые звезды» будут созданы как можно менее уязвимыми и представлять собой большие платформы, где десятки или даже сотни людей занимаются их техническим обслуживанием и выполняют свои задачи. Сконструированные из новейших материалов установки будут иметь многослойные корпуса, чтобы лазерные и другие высокоэнергетические лучи не могли разрушить платформу. Оснащение сенсорными системами позволит распознавать любые приближающиеся объекты на самых дальних расстояниях, а реактивные снаряды и лазерные установки такой «боевой звезды» смогут уничтожить любой угрожающий объект.

Система безопасности этих платформ будет построена на идее, что все запущенное на орбиту с целью разрушения «боевой звезды» не может быть достаточно крупным и защищенным, чтобы устоять против ее оружия. Сама «боевая звезда» будет состоять из множества компонентов для выполнения самых разнообразных задач. Кроме того, имеется предположение, что американские приборы обнаружения на Земле и в космосе сразу засекут

системы большей величины, разработанные в других странах. «Боевая звезда» сможет распознать любую опасность и предотвратить любую потенциальную угрозу. Американцы первыми построят такие системы, и это повысит риск для тех стран, которые решатся на подобное строительство.

Коалиция Турции и Японии должна будет разработать план военных действий, которые не только значительно уменьшат боевую мощь США, но и предоставят коалиции передышку, в течение которой она сможет атаковать зоны американских интересов по всему миру, не опасаясь действенного ответного удара. Кроме того, странам коалиции будет необходимо создать основу для урегулирования путем переговоров, которое устроит США больше, чем вероятность того, что их подвергнут новому удару. Часть вариантов придется отменить сразу, например, захват с моря и ведение боевых действий войсками морской пехоты. Ядерное оружие, которое есть как у Японии, так и у Турции, принимать во внимание не будут. К тому времени ядерное оружие станет технологией столетней давности, и создание ядерного оружия или возможности его применения ни для кого не будут секретом. Однако, как мы уже знаем, ядерное оружие больше пугает до его применения, нежели после этого. Турция и Япония будут стремиться к защите своих национальных интересов, а не к совершению национального самоубийства. Ядерный удар по США сметет с лица земли целые районы страны, однако ответный удар нанесет Турции и Японии еще больший ущерб, и, принимая во внимание их сравнительный размер, риск для них будет больше, чем для Америки.

Поэтому задачей коалиции станет лишение США превосходства в космосе. Для этого Японии и Турции придется сделать то, что, по мнению американцев, невозможно — уничтожить боевые космические станции. Успех военных сил коалиции даст возможность переписать карту Тихоокеанского бассейна и Южной Азии, а также регионов, окружающих Турцию. Успех будет зависеть от решения небольшой проблемы — как совершить невозможное.

Запуск снаряда, достаточно большого, чтобы разрушить боевую космическую станцию, и такого, который не был бы сбит противоракетной установкой, — невероятно сложная задача. Такой снаряд нельзя послать с Земли, поскольку США отследят и немедленно поразят его. Но у коалиции будет одно преимущество: «боевые звезды» неспособны маневрировать. Запаркованная на геостационарной орбите «боевая звезда» будет иметь достаточно топлива, чтобы удерживаться на орбите, однако не сможет совершать продолжительные перемещения, так как для этого потребуется слишком много энергии. Более того, маневрирование будет означать уход «боевой звезды» с геостационарной орбиты и потерю стабильности, которая необходима для выполнения станцией необходимых задач. Здесь ее разработчики «схалтурят». Американскую программу создания боевых космических станций будут форсировать в 40-х годах XXI в. Строительство орбитальной космической станции, где разместятся десятки членов команды, — одно дело, а сделать ее способной к маневрированию — другое, и выполнение этой второй задачи будет означать для разработчиков срыв всех сроков. Поэтому конструкторы, исходя из технических реалий, сделают то, что смогут. Они будут утверждать, что «боевые звезды» неуязвимы, поэтому им не понадобится способность маневрировать. Их, как в свое время «Титаник», объявят «непотопляемыми».

К 20-м годам XXI в. японцы развернут полноценную космическую программу, а уже в 30-х годах начнут подумывать, как бы уничтожить американские «боевые звезды», значительно обогнав в этом плане Турцию, чье внимание будет сосредоточено на событиях, происходящих гораздо ближе к ее границам. Обе страны осуществят запуск низкоорбитальных спутников слежения и геостационарных коммуникационных систем, однако одним из интересов Японии станет коммерческое использование космоса, особенно производство энергии на орбите. Нехватка энергии такого масштаба покажет, что новые ядерные реакторы не удовлетворительны, что заставит Японию широко инвестировать в самые разнообразные альтернативные источники энергии, в том числе и в системы,

базирующиеся в космосе.

Одним из мест проведения исследований и разработок станет поверхность Луны. Несколько стран оборудуют на лунной поверхности свои исследовательские базы (как это произошло в 50-х годах XX в. в Антарктике), при этом Америка и Япония окажутся странами, ставящими наиболее амбициозные цели. К 40-м годам XXI в. японская колония на Луне достигнет значительных размеров, а под поверхностью планеты будут созданы огромные площадки для ее работы. Перелеты до Луны и обратно станут обычным делом. Разные страны, ведущие разработки на лунных просторах, поведут между собой активное сотрудничество и постоянный обмен персоналом. Будет считаться, что любой военный удар с поверхности Луны может быть более эффективно перехвачен с орбиты.

Конечно, японские военные, как военные любой другой страны, будут строить всевозможные планы ведения боевых действий. Их проблема ясна: как разрушить центр боевой устойчивости американской военной машины — «боевую звезду». Нападение с Земли, как уже говорилось, скорее всего, будет неудачным, и в этом случае Япония окажется в состоянии войны с США и в самом невыгодном положении.

Японцам придется разработать новую стратегию. Здесь следует вспомнить о событиях 1941 г., когда Япония вступила во Вторую мировую войну, нанеся разрушительный удар по центру боевой устойчивости США в Тихом океане — по базе ВМФ в Перл-Харборе. Нападение на американский флот в полном составе было слишком опасным делом, и американцы считали Перл-Харбор неуязвимым. Но Япония нанесла свой удар внезапно: это было нападение японской палубной авиации на американские корабли в заливе, который считался слишком мелким для авианосцев, и атака сверхмалых подводных лодок в направлении, откуда их никто не ожидал, — с северо-запада, где, как полагали, им появляться слишком опасно. Такой способ ведения войны свойственен не только японцам, однако это пример применения Японией универсальных военных приемов.

В середине XXI в. перед Японией встанет та же проблема, но кон-текст ее постановки изменится. Японии нужно будет разрушить боевые космические станции США. Нападать придется в неожиданном направлении и неожиданными средствами. Таким направлением станет тыл «боевых звезд», то есть Луна, что будет в данном случае эквивалентно северо-западному подходу к Перл-Харбору. Японцам придется использовать неожиданные средства — оружие, тайно созданное на лунных базах, поскольку доставку оружия на Луну будет легко отследить. Эквивалент Перл-Харбора в XXI в. должен будет совместить в себе принципы неожиданности направления и средств нападения. Сценарий, который я рисую, может иметь некие альтернативы, однако он, несомненно, достаточно правдоподобен, учитывая правила геометрии пространства.

Мои прогнозы основаны на ведущем геополитическом принципе. Вторая мировая война была развязана потому, что две новые державы, Германия и Япония, хотели изменить мировой порядок в свою пользу. В середине XXI в. этот геополитический цикл повторится. Во Второй мировой войне Японии пришлось нанести внезапный удар, чтобы подорвать мощь США в Тихом океане и, как надеялись японцы, открыть путь к урегулированию путем переговоров на своих условиях. География Японии ставит ее в крайне невыгодное, по сравнению с США, положение, поэтому Японии пришлось приоткрыть окно возможностей неожиданным ударом в сердце американской мощи. В середине XXI в. похожая ситуация повторится, только в этот раз союзником Японии станет Турция, а не Германия. Следовательно, каковы бы ни были особенности военных действий японцев (а мы можем лишь рассуждать об этом), природа конфликта заложена в похожей динамике обоих столетий, и поэтому военная стратегия должна совпасть.

В этой книге я уже сравнивал историческую науку с игрой в шахматы, когда возможных ходов гораздо больше, чем кажется. Чем лучше вы играете, тем очевиднее видите слабость тех или иных ходов, и со временем их количество для вас постепенно уменьшается. Мы можем использовать подобный принцип, когда строим свои прогнозы на будущее. Я пытался понять логику превращения Японии и Турции в крупнейшие мировые

державы и как их возвышение приведет к трениям с США. Изучая историю и размышляя о подоплеке событий в будущем, я пытался представить себе образ мыслей японцев — что их будет беспокоить и как они могут реагировать на те или иные события. Очевидно, что мы не можем знать подробностей будущих событий. Однако здесь я пытаюсь нарисовать картину того, как может сыграть сочетание геополитики, технологического прогресса и военных действий. Очевидно, что я не знаю, как будет проходить эта война и даже в какие сроки это случится, но могу обрисовать некоторые ее принципы и представить себе кое-какие особенности.

К этому времени японцы уже построят на Луне множество баз, однако одна из них будет предназначена для использования в военных целях под гражданским прикрытием. В тайно выкопанных глубоких подземных помещениях японцы начнут создавать различные снаряды из лунной породы, которая может иметь значительный вес при небольшом объеме. Кусок породы размером с небольшой автомобиль может весить тонны. Если придать ему очень высокую скорость, то его кинетическая энергия будет фантастически велика, он разорвет на куски любой крупный объект, в который попадет. На Луне, где нет воздуха, трения и аэродинамических процессов, такому снаряду можно придать довольно грубую форму. Его присоединяют к ракете и топливным бакам, после чего он готов к запуску.

Эти снаряды будут обладать двумя характеристиками: они окажутся достаточно тяжелы, чтобы разрушить «боевую звезду» своей кинетической энергией, и достаточно малы, чтобы их можно было вывести на орбиту с помощью ракеты, чему поможет более низкая стартовая скорость на Луне по сравнению с земной. Принимая во внимание скорость, на которой снаряд врежется в «боевую звезду», достаточно будет нескольких фунтов. Однако он должен будет устоять при попадании более мелких оборонных ракет, также использующих принцип кинетической энергии.

Японцы построят еще одну секретную базу, старательно замаскировав ее на обратной стороне Луны. Там они начнут тестировать свое новое оружие, выпуская снаряды прочь от Земли в зоне, не видимой с нашей планеты. Систему постепенно будут совершенствовать, и работы над ней будут вестись настолько медленно, что передвижение в сторону базы, даже если будет замечено, не вызовет ненужной озабоченности. Будет подготовлен и замаскирован запуск ракет из-под поверхности Луны. По мере ввода в эксплуатацию «боевых звезд» Япония начнет принимать ответные меры. Японцы знают, что уничтожить можно любую ракету, поэтому они подготовят десятки управляемых ракет, нацеленных на каждую боевую космическую платформу США в надежде, что какая-нибудь из ракет да прорвется. Они будут рассчитывать, что, вне зависимости от того, насколько продвинутыми станут технологии, бюджета и персонала всегда недостаточно, чтобы за всем уследить.

Незаметность будет очень важна. Около трех дней уйдет на то, чтобы пущенная с Луны ракета долетела до «боевой звезды». Период между обнаружением нападения и уничтожением «боевой звезды» станет самым опасным для планов японцев. Как только ракеты обнаружат — «боевая звезда», даже под угрозой уничтожения, сможет отдать приказ сверхзвуковым летательным аппаратам атаковать Японию и ее космические объекты, и их удар нанесет стране огромный ущерб, в то время как у команды «боевой звезды» еще останется время на эвакуацию с платформы. Поэтому самой главной задачей станет внезапное поражение «боевой звезды», с тем чтобы таким образом «ослепить» США.

Успех подобного предприятия гарантировать невозможно. Поэтому японцам будет нужен и план «Б». Успешный запуск ракет гарантирует уничтожение боевой космической станции. Однако между моментами обнаружения атаки и поражения возможна катастрофа. Япония будет иметь единственное преимущество. Внимание «боевых звезд» сосредоточится на Земле и областях между Землей и геостационарной орбитой. Их основная задача — наступательная, их оборонительные возможности относительно слабы. Более того, «боевые звезды» не будут ожидать нападения с тыла. По мнению американцев, если удар и возможен, то только «снизу». Слежение за зонами, расположенными выше их орбиты, на постоянной основе осуществлять не предполагается.

США будут вести простое (и не особенно эффективное) наблюдение за метеорами, что является очевидной необходимостью для пилотируемой космической платформы. Космос огромен, и, как бы вы того ни хотели, охватить его целиком невозможно — как в наше время, так и в 50-х годах XXI в., — развитие технологий и их прикладное применение окажутся для этого недостаточными. Понимая это, Япония не станет осуществлять запуск серии ракет из одной точки, а отправит к цели множество снарядов с разных пусковых установок. Радар слежения может засечь один-два из них, но не будет ассоциировать их с нападением. Для запуска японцы выберут орбиты, не предназначенные для «боевых звезд», однако их ракеты будут сконструированы так, чтобы сжигать последнюю ступень и менять орбиту в последние часы полета — топливный контейнер и двигатель, предназначенные для сгорания, будут крупнее, чем сам снаряд, представляющий собой небольшой камень, которому придали определенную форму. Любой компьютер, засекший снаряд, примет его за метеорит, который ничему не угрожает — он подлетел близко, но не опасен. Возможно, компьютерная система даже не передаст информацию о снарядах на мониторы боевой станции, за которыми ведут наблюдение люди. Это будет роботизированная система, не предполагающая тонкостей восприятия.

Для Японии опасность будут представлять три обстоятельства. Во-первых, США отследят запуск с лунной поверхности, используя неизвестные японцам технологии. Обнаружение будет возможно также и в период после запуска, но до окончательной настройки на орбиту, которая займет несколько дней. И в последние несколько часов перед попаданием США могут нанести ответный удар. Чем позже они заметят нападение, тем меньше времени у них будет на реагирование и тем разрушительнее оно будет.

Японский план «Б» на случай, если их намерения раскроют, будет заключаться в ускорении 2-й фазы нападения. Выведя из строя «боевые звезды», японцы планируют немедленно нанести сверхзвуковые удары по военно-воздушным и ракетным базам США по всему миру, с помощью своих космических систем засечь американские подводные лодки и наземные системы связи и управления. В случае обнаружения Япония введет в действие 2-ю часть плана, прежде чем «боевые звезды» будут уничтожены, в отчаянной попытке успеть до того, как американцы нанесут ответный удар. Японцы будут уверены, что смогут определить, засекли ли американцы нападение, поскольку обнаружение будет означать, что коммуникационный трафик между «боевыми звездами», наземным командованием и другими платформами невероятно активизируется. Возможно, японцы не смогут расшифровать коды, однако всплеск трафика они отметят. К тому времени они уже многие годы будут владеть орбитальными спутниками, официальной причиной запуска которых стала навигация или прогнозирование погоды. Однако у японских спутников будет и другая, секретная миссия: перехватывать и измерять трафик между американскими космическими системами.

Японцы не станут делиться своими планами нападения с Турцией. Секретные лунные базы будут бриллиантами в короне японской военной мощи, а турки — их союзниками, но не членами семьи. Поэтому Турцию проинформируют, что в назначенный день Япония будет готова начать военные действия и что планируется широкомасштабный удар по США, в осуществлении которого Японии не нужна прямая помощь, однако косвенная поддержка все же не станет лишней.

Японцы захотят еще больше сместить баланс в свою пользу, предоставив американской разведке и системам слежения объект наблюдения — что наверняка встревожит США. Японцы будут планировать удар в почитаемый американцами праздник — День благодарения, поскольку в это время политические лидеры страны разъезжаются из Вашингтона к своим семьям. Это соответствует как военному принципу внезапности, так и тому, как Япония применяла этот принцип в прошлом: нападение на Перл-Харбор было осуществлено на рассвете в воскресенье, когда корабли стояли на приколе, а команды еще не проснулись после субботних вечеринок. Понятно, что необязательно наносить удар именно в День благодарения, однако это должен быть неожиданный момент, когда правительство

США будет представлено не в полном составе. Подобно Северной Корее, которая напала на Южную Корею летним воскресным днем 1950 г., вызвав всеобщую панику, Япония может нанести удар в День благодарения — это очень подходящий момент для начала военных действий. Япония и Турция сделают все возможное, чтобы в предшествующие празднику недели сохранить мировую обстановку спокойной, с тем чтобы лидеры Америки расслабились, а наземные войска страны действовали в минимальном составе.

Японцы знают, что проще всего добиться этого, инсценировав критическую ситуацию, а затем быстро разрешив ее. Не выдавая туркам подробностей сюрприза, приготовленного на День благодарения, они помогут им развязать тщательно спланированный кризис между турецкими военными формированиями в Боснии и польскими войсками в Хорватии. Конфликт начнется в середине октября с заявления о том, что хорватские националисты совершили ряд террористических актов в Турции. Турки даже намекнут, что это было сделано при пособничестве США. Конечно, мы не можем знать, эту ли именно проблему используют как предлог, однако без тактики введения противника в заблуждение не обойтись. В 1941 г. Япония вела переговоры с США до последней минуты. Наступление на американцев во время вьетнамской войны в 1968 г. началось в разгар празднования Тета (нового года по лунному календарю) и т. д. Дезинформация в подобных случаях играет важнейшую роль.

К разрешению кризиса будут приняты необходимые меры, польский и турецкий блоки придут в полную боевую готовность. Ситуация на Балканах затронет США напрямую, поскольку военный контингент США будет размещен в Сербии, а польский блок станет их союзником. Турция обеспечит приведение своих военно-воздушных и ракетных систем за пределами региона в полную боевую готовность и откроет огонь. Турки намеренно будут пытаться вызвать поляков на ответные меры. Зная, что оборонные сети поляков и американцев связаны между собой, и за многие годы поняв, как уязвимы американцы, когда разговор доходит до боевой готовности США и их союзников, в 1-ю неделю ноября Турция вплотную подойдет к тому, что будет являться точкой невозврата. Польша, получив информацию, что нападение начнется немедленно, внезапно нанесет по турецкой базе ограниченный удар с воздуха. Турки, успешно введя в заблуждение поляков, начнут развертывание всей своей системы. Понимая, что на Балканах вот-вот разразится война, президент США позвонит премьер-министрам Турции и Польши за несколько минут до ответного удара и призовет обоих к заключению мира. Турки будут особенно враждебно настроены, упирая на то, что они потеряли военную базу и людей, однако хотя и с неохотой, но пойдут на уступки.

В Женеве будет созвана мирная конференция, а где же еще проводить мирные конференции? Никакого соглашения не будет достигнуто, однако все стороны согласятся сыграть отбой и постараться избегать провокационных выпадов. США возьмут на себя обязательство следить за ситуацией, поскольку не захотят, чтобы поляки или венгры ввязались в войну на Балканах. Советник по национальной безопасности прикажет направить космические системы слежения на военные формирования турецкого и польского блоков. Все успокоится к середине ноября, и начнет казаться, что ситуация возвращается к норме, однако «боевая звезда», размещенная над Угандой, полностью сосредоточится на ситуации на Балканах, а остальные две будут загружены дополнительной работой. Турки продолжат маневры далеко за пределами своей зоны, то же будет делать и польский блок. Таким образом, всем будет чем заняться.

В течение нескольких лет Япония ежеквартально станет перебазировать свои сверхзвуковые силы и космические объекты. США будут регулярно наблюдать за этими маневрами и поэтому не особенно обеспокоятся очередными перемещениями японских объектов, которые начнутся за несколько дней до Дня благодарения, так как в этом для американцев не будет ничего необычного. Напротив, в этот раз им покажется, что японские войска не полностью укомплектованы, поскольку некоторые подразделения не будут приведены в полную боевую готовность.

Глава 11. Мировая война (сценарий)

До этого момента я строил повествование на геополитических прогнозах. Я разрабатывал основные тенденции, разворачивающиеся в XXI столетии, и размышлял, как они повлияют на международные отношения. В этой главе я немного изменю методику. Я хочу описать войну, которая, по моему мнению, будет развязана в середине XXI в. Конечно, я не могу сказать, когда точно она произойдет, однако в состоянии обрисовать, какой может быть война середины начавшегося столетия. Как невозможно представить себе XX в., не зная, каковы были Первая и Вторая мировые войны, так невозможно будет понять и XXI в. без описания его войны.

Рассказ о войне отличается от всего, о чем я до сих пор писал, поскольку военные действия — это прежде всего подробности, из которых складывается главное. Для того чтобы понять войну, недостаточно узнать причины ее возникновения. Вы должны задуматься о технических средствах, культуре и других вопросах и рассмотреть их достаточно подробно. Поэтому, говоря, например, о Второй мировой войне, нам не обойтись без обсуждения удара Японии по Перл-Харбору. С геополитической точки зрения Перл-Харбор был попыткой выиграть время, необходимое для Японии для захвата Юго-Восточной Азии и голландской Ост-Индии. Но для того, чтобы действительно вникнуть в сущность произошедшего в Перл-Харборе, вы должны понимать, как все происходило: как были использованы авианосцы, как изобрели малые подводные лодки, способные проходить мелкие воды Перл-Харбора, и как было принято решение нанести удар воскресным утром.

В предыдущих главах я пытался показать, как в XXI в. будут связаны между собой США, Польша, Турция и Япония и почему японцы и турки будут ощущать такую сильную угрозу, что не увидят другого выбора, кроме начала упреждающей войны. Это книга о моем восприятии событий следующих 100 лет, поэтому теперь я хочу поговорить о самой войне. Для этого, однако, мне придется сделать вид, что я знаю больше, чем на самом деле. Я буду вынужден притвориться, что располагаю информацией о датах и времени военных действий и том, как они будут разворачиваться. Я действительно думаю, что понимаю, какие технические средства будут использоваться в этой будущей войне. Мне кажется, я представляю себе, в какой момент она начнется, и могу вообразить, как будет разворачиваться.

Но уверен, что невозможно понять причины войны середины XXI в., если я не расскажу здесь историю, которую, в некотором смысле, я не имею права рассказывать. Я прошу отнестись ко мне снисходительно, и тогда, думаю, я смогу передать читателю *ощущение* того, что будут представлять собой военные действия в XXI столетии во время этой войны будущего, взяв на себя смелость придать ей достаточно конкретности.

Первые удары.

Уничтожение трех американских боевых космических станций будет запланировано на 5 часов вечера 24 ноября 2050 г. В это время, в День благодарения, большинство людей в США, не ожидая проблем, будут смотреть футбол или дремать после сытной трапезы, а кто-то — направляться домой. Именно в этот момент Япония и соберется нанести удар. Последняя корректировка курса управляемых ракет, чьей целью являются «боевые звезды», произойдет около полудня, с расчетом на то, что, даже если их засекут, на сбор Совета безопасности в Вашингтоне уйдет от часа до двух. В этом случае, если ракеты засекут к 3–4 часам пополудни, среагировать своевременно все равно будет невозможно. Для того чтобы осуществить этот план, пуск ракет с лунной базы Японии должен вестись в разное время 21 ноября, в зависимости от их орбиты. Следовательно, на 20 ноября будет объявлена боевая готовность на случай плана «Б», о котором я говорил в предыдущей главе.

Запуск ракет с Луны пройдет незамеченным. На самом деле часть ракет запеленгуют

автоматические системы на борту «боевых звезд», однако их траектории не будут угрожать станциям или представлять опасность для Земли. Они будут запущены в разное время по эксцентрическим орбитам. Эта информация даже не отразится на мониторах, за которыми следит человек. Один из техников, просматривающих эти данные на следующий день, отметит, что в районе появилось большое количество метеоров и несколько из них пройдут вблизи от станции, однако, не найдя в этом факте ничего необычного, он проигнорирует его.

24 ноября около полудня ракеты, как планировалось, изменят траектории полета. В 2 часа дня радар на «боевой звезде Уганда» даст единственное предупреждение. Компьютер попросит повторно подтвердить траекторию. За следующий час на всех станциях заметят множество снарядов, приближающихся по угрожающей траектории. Командующий тремя платформами генерал, чей штаб расположен на борту «боевой звезды Перу», около 3: 15 поймет, что на все три платформы ведется организованное нападение. Тогда он уведомит Штаб-квартиру Космического командования в Колорадо-Спрингс, откуда, в свою очередь, информация будет передана в Объединенный комитет начальников штабов и Совет национальной безопасности США.

Между тем командующий на «боевой звезде Перу» начнет по собственной инициативе наносить удары по целям лазерными лучами и кинетическими снарядами в надежде уничтожить их. Однако количество приближающихся ракет будет столь велико, что имеющихся мощностей окажется недостаточно. Система была создана не для того, чтобы отбиваться от 15 одновременно приближающихся целей. Командующий быстро поймет, что прорыв неизбежен, что часть боеголовок попадет в цель.

Уведомят президента, но в День благодарения он не сможет сразу собрать всех своих советников. На вопросы, заданные президентом, будет очень трудно ответить. Кто начал нападение? Откуда был осуществлен запуск ракет? Никто в тот момент не будет этого знать. Предположат, что это турки, поскольку недавний кризис происходил при их участии, однако американская разведка будет уверена, что у них нет ресурсов для нанесения подобного удара. Японцы сохранят молчание — и никто не начнет ожидать нападения Японии. Чем больше советников будет прибывать, тем более очевидными станут две вещи: хотя никто не знает, откуда исходит удар, «боевые звезды» должны быть уничтожены.

Япония сообщит Турции о том, что произошло, около 4: 30 пополудни. Турки — союзники Японии, однако японцы до последнего момента не намерены подробно информировать их, поскольку не хотят, чтобы те перешли им дорогу. Но турки понимают: что-то готовится. Все загадочные события начала ноября крутятся вокруг этого, и они стоят настороже, готовые действовать, как только получат отмашку от Японии.

Менее чем за 30 минут до удара президент санкционирует эвакуацию персонала с «боевых звезд». Однако времени остается очень мало, и эвакуация не будет осуществлена полностью: сотни людей не успеют покинуть платформы. Более того, хотя никто не будет знать, откуда исходит удар, советники убедят президента отдать приказ о рассредоточении всех наземных сверхзвуковых летательных аппаратов с первоначального места их базирования на другие, более отдаленные базы. Этот приказ поступит одновременно с распоряжением об эвакуации. В системе возникнет много сбоев. Операторы все еще будут просить подтверждения. Какая-то часть летательных аппаратов рассредоточится в течение следующего часа. Большинство же останется на месте.

В 5 часов пополудни все «боевые звезды» взорвутся, те, кто не успел эвакуироваться, погибнут, а все оставшиеся космические силы США окажутся выведенными из строя. Это будут датчики и спутники, по большей части замкнутые на центр управления «боевой звезды Перу». Они останутся беспомощно болтаться на орбите. Многие годы назад японцы вывели на орбиту спутники, единственной задачей которых было слежение за «боевыми звездами». Они отметят прекращение сигналов связи, идущих от станций, а японский радар — разрушение самих станций.

Как только подтвердится уничтожение «боевых звезд», японцы начнут осуществление 2-го этапа. В воздух поднимутся тысячи беспилотных сверхзвуковых летательных аппаратов

— маленьких, быстрых, проворно увертывающихся от перехватчиков, которые нанесут удар по флоту и базам США в Тихоокеанском регионе. Их целью станут американские сверхзвуковые летательные аппараты, наземные позиции ракет ПРО и центры управления. Они не будут атаковать населенные пункты. Жертвы среди мирных жителей не принесут японцам пользы, кроме того, Япония хочет прийти к соглашению, которое стало бы неприемлемым после массовой гибели людей. Япония также не будет стремиться к уничтожению президента США и его аппарата: ей нужен тот, с кем можно вести переговоры.

Одновременно с этим Турция также начнет наносить удары по целям, которые были намечены для нее за многие годы планирования войны в союзе с Японией. Обе страны разработали совместные планы на случай непредвиденных обстоятельств. Туркам, которые уже находятся в полной боевой готовности, не придется долго ждать реализации плана войны. Японцы проинформируют их о том, что сделано, кроме того, турецкие спутники будут следить за событиями на геостационарной орбите. В результате они быстро смогут воспользоваться возникшей ситуацией. Несмотря на наличие многочисленных целей в США восточнее Миссисипи, турки начнут массированную атаку на польский блок и Индию, которая, не являясь крупным игроком, заключит союз с США. Намерение коалиции — добиться военной беспомощности США и их союзников.

Через несколько минут снаряды с беспилотных летательных аппаратов начнут сыпаться на американские войска, размещенные в Европе и Азии, однако до целей, что были намечены на территории США, они долетят не быстрее чем за час, и этот час будет очень ценен для Америки. Большинство американских космических датчиков будут выведены из строя, но система, используемая для запуска межконтинентальных баллистических ракет и слишком устаревшая, чтобы соединять ее с «боевыми звездами», все еще будет на связи с Колорадо-Спрингс. Она засечет атаку со стороны Японии и Турции, однако даст мало дополнительной информации. У США не будет возможности узнать, к каким целям направлены летательные аппараты и снаряды, но о том, что две эти страны нанесли удар через несколько минут после уничтожения боевых космических станций, доложат президенту, который, по крайней мере теперь, узнает, откуда идет нападение.

Конечно, США будут располагать базой данных о военных объектах в Японии и Турции, чьи летательные аппараты уже оторвались от земли, поэтому нет смысла наносить удар по этим целям. Однако в обеих странах есть стационарные объекты, в первую очередь центры управления и командования, аэродромы, топливные бункеры и все остальное, что можно уничтожить. Кроме того, президент пожелает, чтобы его сверхзвуковой флот находился в воздухе, а не на земле. Он прикажет активизировать предварительный план войны, несмотря на то что к тому времени, как приказы будут переданы и операторы управления полетом займут свои места, останется менее 15 минут до поражения целей Японией и Турцией. Несколько летательных аппаратов поднимутся в воздух и нанесут удар по двум странам, однако большая часть погибнет еще на земле, не успев даже взлететь.

Поражение польского блока окажется еще более значительным. Командование блока в Варшаве не будет знать об уничтожении «боевых звезд», поэтому, в отличие от США, не получит предупреждения до того, как снаряды начнут рваться на его базах. На самом деле сверхзвуковые летательные аппараты совершенно неожиданным образом начнут точно бить по военным объектам блока — ив один несчастливый момент ударной мощи польского блока как не бывало.

К 7 часам вечера американские космические и сверхзвуковые силы будут уничтожены. США потеряют космическое господство, у них останется всего несколько сотен самолетов. Войска их союзников в Европе также будут сокрушены. Американские военные корабли по всему миру будут атакованы и потоплены. Индия также потеряет свою военную мощь. Военные силы всей американской коалиции будут повержены.

Контрудар.

В то же время американское общество в целом останется невредимо, так же как и население стран — союзников США. Это самый слабый момент в стратегии коалиции. США — ядерная держава, и, если на то пошло, таковыми же станут Япония, Турция, Польша и Индия. Удары по военным целям не вызовут ядерного ответа. Однако если коалиция попытается добиться капитуляции, перейдя от военных целей к нападению на американское население, это станет той чертой, за которой американцы или их союзники могут прибегнуть к ядерному оружию. Поскольку коалиция будет стремиться не к взаимному истреблению, а к политическому соглашению, приемлемому для американцев, и поскольку действия США практически невозможно предвидеть, нанесение удара сверхзвуковыми силами по гражданскому населению Америки будет особенно опасно. Наличие ядерного оружия в известной мере придаст войне форму. Его применение обозначит пределы конфликта.

Однако вооруженные силы США повержены, и в Америке не знают, насколько далеко готова зайти коалиция. Ее члены надеются на то, что США, осознав масштаб разрушений и непредсказуемость действий коалиции, начнут искать политического урегулирования конфликта, в ходе которого будут признаны зоны интересов Турции и Японии, определены границы американских сфер влияния и приняты действенные и поддающиеся контролю рамки ограничения притязаний в космосе. Другими словами, коалиция поставит на то, что США поймут, что стали одной из крупных сил среди нескольких других, а не единственной супердержавой, и примут предложенную им щедрую и гарантированную сферу влияния. Она также будет надеяться, что внезапность и эффективность нападения в космосе заставят США переоценить военную мощь коалиции, что может вызвать реакцию, противоположную той, на которую надеялись Турция и Япония. Американцы не поймут, что враг, развязывая войну, по сути, преследует узкие и вполне определенные политические цели, не противоречащие их интересам. Напротив, американцы будут уверены, что военные силы коалиции гораздо больше, чем на самом деле, и что США поставлены перед лицом если не полного уничтожения, то уменьшения могущества и повышения уязвимости перед дальнейшими ударами коалиции и других сил. Американцы будут считать все это реальной угрозой.

США отреагируют на удар жестко и эмоционально. Если они согласятся на политическое урегулирование, предложение о котором будет передано им вечером 24 ноября, то в долгосрочном будущем их будет ждать неопределенность. Турция и Япония как страны, которые вряд ли будут воевать друг против друга, поделят господство в Евразии. Возникнут два гегемона, которые будут систематически использовать Евразию в своих целях. Самый страшный кошмар великой американской стратегии станет реальностью, и со временем члены коалиции, которых не просто вовлечь во взаимные военные действия, установят господство в космосе и на море. Согласие на предложение коалиции остановит текущую войну, однако ознаменует начало долгого конца Америки. Но той ночью этого еще не будут понимать. Так же как после затопления линкора «Мэйн», нападения на Перл-Харбор и шока 11 сентября, США впадут в ярость. Они откажутся от предложенных условий урегулирования и, в свою очередь, начнут военные действия.

Но США не сделают ни шага, пока функционируют разведывательные космические корабли коалиции. Хотя у коалиции нет ничего, что сравнялось бы со сложной, ныне уничтоженной, американской системой боевых космических станций, она владеет рядом спутников последнего поколения, которые предоставляют разведанные по США в реальном времени. Пока они работают, коалиция сможет отслеживать и противостоять любому действию, совершенному американцами. Американскую разведывательную систему следует быстро перенастроить, чтобы оставшиеся спутники, которых осталось немало, держали связь с Землей, а не с «боевыми звездами». Это позволит США начать слежение за действиями врага — и наносить контрудары. И первым делом им необходимо вывести из строя все системы запуска космических объектов, которыми может располагать японо-турецкая коалиция, чтобы она не смогла вывести на орбиту новые системы.

Япония будет следить за американскими военными силами, получая если не исчерпывающую, то очень полную информацию. США намеренно разместили пусковые

мощности в разных секретных точках, старательно спрятав их от чужих глаз. Это будет одним из важнейших секретных проектов в 30-х годах XXI в. К тому времени, как японцы начнут следить за США, пусковые комплексы уже довольно давно будут построены (и укрыты). В мирное время эти секретные комплексы не были укомплектованы персоналом, поэтому несколько дней уйдет на секретную отправку людей на эти объекты, в то время как США будут зондировать почву на предмет переговоров при посредничестве нейтральной Германии. Так США будут стараться выиграть время. Переговоры станут прикрытием планирования и осуществления контрудара.

США будут пытаться выравнять шансы в игре всеми возможными из оставшихся средств. Для этого им придется «ослепить» коалицию, вывести из строя ее базирующуюся в космосе систему (на секретных базах США будут храниться сотни противоспутниковых ракет и высокоэнергетических лазеров). Команды тайно придут на места, чтобы не выдать их расположение спутникам слежения. Пока коалиция охотно участвует в переговорах с США, системы подготовят к работе. 72 часа спустя США уничтожат большую часть разведывательных мощностей коалиции, и займет это менее 2 часов. Коалиция «ослепнет» не полностью, но окажется близка к этому.

Как только спутники будут уничтожены, часть сохранившихся сверхзвуковых летательных аппаратов США начнут наносить удары по японским и турецким пусковым комплексам в надежде, что так удастся предотвратить запуск новых спутников и удары по оставшимся американским. В отличие от японцев, американцы прекрасно знают, где расположены пусковые комплексы противника, в этом они опираются на старые разведанные. США с самого окончания второй холодной войны имеют огромное преимущество в разведывательных мощностях. Карта коалиции, которую составят США, будет гораздо лучше карты США, которой будет руководствоваться коалиция. Американские бомбардировщики не оставят нетронутым ни одного из намеченных объектов. Вскоре после этого американские диспетчеры поймут сигналы от оставшихся на орбите американских спутников. Все это будет означать, что, наконец, коалиция «ослепла». То, что разведка Японии не была в курсе существования секретных пусковых комплексов США, предопределило ее уничтожение.

Новые технологии, старая война.

Члены коалиции поймут, что их первоначальный план провалился. Точно не зная, насколько хорошо США их видят, они осознают, что сами не видят почти ничего. Их постигнет еще одно жестокое разочарование: уверенность в том, что весь воздушный флот США был уничтожен, основывалась на ложных предположениях, а США все еще в состоянии нанести удар. Члены коалиции не смогут догадаться, что это лишь жалкие остатки сил, уничтоженных за время, прошедшее с момента обнаружения нападения на «боевые звезды» до воздушного удара коалиции. Они не смогут узнать, насколько велики резервы Америки, и у них не будет возможности выяснить это. В XXI в. военное замешательство будет так же сильно, как и в прошлые времена.

США предпримут еще один шаг. Инженеры проанализируют данные об ударах по «боевым звездам» и вычислят, откуда они поступили, затем военные нанесут удар по японской лунной базе и разрушат ее. США также отдадут приказ своим военным формированиям, втайне создававшимся на американских экспериментальных станциях, подготовить и осуществить нападение на японские базы на Луне. Теперь США обеспечат себе тыл, который позволит им не стать жертвой нового неприятного сюрприза. Как часто происходит во время войны, после первого удара, который планировали многие годы, все начинают импровизировать, работать, основываясь на неочевидности. И большинство военных планов строят на том, что война быстро закончится. Однако так происходит довольно редко, и эта война будет продолжаться в три этапа.

Во-первых, установив шаткое господство над космосом, США задействуют ударную

программу, чтобы увеличить свое влияние и держать коалицию на расстоянии. США постепенно, в течение следующего года, будут наращивать свои разведывательные мощности, пока они не достигнут довоенного уровня. Скорость проведения исследований, разработок и внедрения во время войны невероятно высока, если сравнивать с мирным временем. Через год после того печального Дня благодарения, когда на Америку было совершено нападение, США технологически превзойдут космические мощности, которые были уничтожены.

Во-вторых, США перейдут к восстановлению своего сверхзвукового флота, несмотря на осуществляемые коалицией постоянные налеты на известные наземные производственные мощности. Однако коалиция не будет обладать возможностью вести необходимую разведку действий США, и, несмотря на несколько неудач, заводы снова начнут работу: там будут производить новые сверхзвуковые летательные аппараты.

В-третьих, коалиция использует время, которое потребуется США на восстановительные работы, чтобы навязать новую реальность. Японцы попытаются захватить новые территории в Китае и Азии, однако окажутся менее агрессивны, чем турки, которые будут считать, что время, когда США не до них, — это шанс разобраться с польским блоком и позиционироваться как решающая сила региона.

Война началась с отвлекающего удара в направлении польского блока. Теперь это будет согласованное нападение наземных сил Турции при поддержке ее военно-воздушного флота. Уничтожение польского блока развяжет руки Турции в других регионах. Поэтому вместо того, чтобы распылять свои силы в Северной Африке или России, турки все поставят на удар в северном направлении, из Боснии на Балканы.

Основным оружием будет тяжеловооруженный пехотинец — солдат, облаченный в механизированный костюм, который в состоянии выдерживать значительный вес и обеспечивает защиту солдата. Этот костюм позволяет человеку быстро передвигаться. Представьте себе, что это — человек-танк, только более смертоносный. Его функционирование обеспечивается множеством вооруженных систем, которые будут снабжать поле боя оснащением и силовыми установками. Без силовых установок солдату не обойтись. Систему будет питать и приводить в движение электричество, получаемое с помощью новейших электроаккумуляторов — батарей с мощным и долговечным зарядом. Однако какими бы продвинутыми они ни были, они не смогут вечно работать без подзарядки. Это значит, что в ходе военных действий решающее значение будет иметь доступ к электрическим сетям — наряду с электростанциями, питающими электричеством сети. В XXI в. будут воевать на электричестве, как в XX в. воевали на бензине.

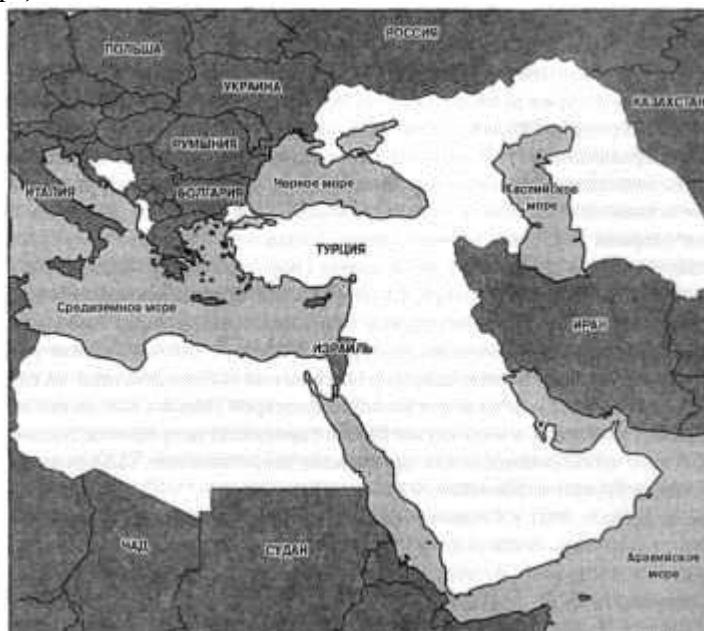
Целью Турции станет вовлечение сил польского блока в войну на уничтожение. В отличие от ударов по США, войну с Польшей Турция спланирует как общевойсковую операцию, в которой примут участие защищенные броней пехотинцы, роботизированные платформы логистики и вооружений и вездесущие сверхзвуковые летательные аппараты, заменившие высокоточную артиллерию.

После первых сокрушительных ударов польский блок начнет избегать концентрации своих наземных сил с тем, чтобы не попадать под воздушные налеты. Турки же будут оказывать жесткий прессинг на поляков, заставляя сконцентрировать силы для защиты основных объектов, или, наоборот, постараются рассеять польские войска, если те и дальше будут избегать их сосредоточения с целью обороны.

Турция нанесет удары из Боснии в северном направлении — по равнинам Хорватии и Венгрии, местности открытой и плоской, где отсутствуют естественные препятствия. Турецкие войска подойдут к Будапешту, хотя их конечной целью станут Карпатские горы в Словакии, Украине и Румынии. Если им удастся захватить Карпаты, Румыния и Болгария останутся в изоляции и падут духом, благодаря чему Черное море подпадет под власть Турции. Венгрия будет оккупирована, а Польша изолирована, ей будут угрожать с юга. Если, однако, поляки решат сосредоточить свои войска на Венгерской равнине, чтобы защитить Будапешт в попытке сохранить единство блока, военно-воздушные силы Турции, скорее

всего, уничтожат войска польского блока.

Сфера влияния Турции в 50-х годах XXI в.

Для сражения с войсками Турции, при их приближении к Хорватии, поляки попросят помощи американских военно-воздушных сил, однако у США не останется самолетов, которые могли бы выполнить эту задачу. В результате турки за несколько недель захватят Венгрию и вскоре после этого оккупируют Карпаты. Румыния, оказавшись в изоляции, попросит о прекращении огня и получит перемирие. Юго-восточная Европа до польской границы и Украины окажется в руках Турции, но кое-что все же останется и у Польши. Войска Турции дойдут до Кракова, воздушными ударами сокрушая военную мощь Польши. США станут озабочены тем, что поляки не смогут продолжить сопротивление и окажутся вынужденными просить о мире. Стратегия США будет заключаться в восстановлении своих стратегических активов и последующем нанесении внезапного глобального удара по Турции и Японии. США не захотят растрачивать свои силы на поддержку тактических боевых действий на юге Польши. Однако они не могут рисковать потерей Польши как своего союзника, поскольку в этом случае Польша прекратит игру против Турции. Для того чтобы поляки могли продолжать сопротивление, США должны нанести Турции значительный урон.

В феврале 2051 г. Соединенные Штаты направят против Турции значительную часть оставшихся военно-воздушных сил, а также новые летательные аппараты с усовершенствованными характеристиками, нанося удары повсюду от юга Польши до центров обеспечения турецких войск в Боснии и дальше на юг. Они понесут серьезные потери от воздушных сил Турции, однако и турецким войскам уже нанесен урон: сотни их тяжеловооруженных пехотинцев погибли, множество роботизированных систем и боеприпасов уничтожено. Турция далека от поражения, однако она получила чувствительный удар.

Вскоре турки поймут, что у них нет шансов выиграть войну. То, что они не могут вернуться в космос, в то время как США быстро вводят в строй новые военно-воздушные и космические силы, со временем приведет турок к поражению. Они поймут и то, что японцы находятся не в том положении, чтобы помочь им, поскольку связаны по рукам и ногам своими проблемами в Китае. Великая авантюра провалилась, и отныне каждый будет сам за себя. США, очевидно, сосредоточатся на Турции прежде, чем на Японии, поэтому Турции придется быстро выводить Польшу из игры. Однако к тому времени наземные силы Турции будут рассредоточены по огромной империи. Концентрация на Польше будет означать, что

изо всех других мест войска придется вывести, а это, в долгосрочном плане, нецелесообразное решение.

До начала войны коалиция стремилась к тому, чтобы Германия присоединилась к нападению на Польшу, однако немцы отклонят это предложение, но тем не менее получают после войны полную свободу на север от Венгрии, в том числе в Польше, странах Балтии и Беларуси. В свою очередь, Турция отойдет на Балканы, оставив себе лишь Румынию и Украину. Турция будет строить свою сферу влияния вокруг Черного моря, Адриатики и Средиземноморья. К северу от этих территорий у Турции не будет интересов, поскольку такое вмешательство станет оттягивать силы, необходимые в данных регионах. Немцы, так же как поляки и русские, будут беззащитны на Северо-Европейской равнине, и новый порядок защитит их восточный фланг. Более того, этот порядок повернет вспять тенденцию, угрожающую Германии и Западной Европе со времен падения СССР. Восточную Европу наконец поставят на место.

Германия будет понимать, что со временем США вновь обратятся к этому региону, однако до возвращения американцев пройдет некоторое время. Перед Германией откроется беспрецедентное окно возможностей. Поглощенные собой и не любящие рисковать немцы не настолько смелы, как турки. Однако альтернативой будет являться турецкое господство к востоку или, что еще хуже, поражение турок и гегемония более сильных поляков и американцев, пришедших на их место. Немцы обычно неохотно идут на риск, но в этот раз им придется многое поставить на карту. Они мобилизуют свои войска, в том числе несколько устаревшие, но боеспособные военно-воздушные силы, и в конце весны 2051 г. нанесут удар по полякам, в то время как турки возобновят атаки с юга. Германия заручится поддержкой Франции и еще нескольких стран, однако их участие будет скорее политическим, чем военным.

Великобритания, напротив, будет шокирована тем, что происходит. Несмотря на развертывание крупнейшей игры глобальной силовой политики, британцы и теперь будут глубоко заинтересованы в равновесии сил в локальном масштабе. Перед ними вновь замаячит возможность господства Германии на континенте, хотя методы достижения этого господства будут несколько предосудительны, и зависеть оно будет от действий Турции. Британцы поймут, что если это произойдет, то любое пренебрежение к Европе со стороны США и их собственное нежелание вмешиваться могут привести к катастрофе. Вступать в войну Британия не захочет. Но в данном случае у нее не будет выбора, и ей есть что предложить: небольшую воздушную армию в полной боевой готовности, которая, объединившись с американскими разведывательными силами, сможет нанести серьезный ущерб Германии и Турции. Кроме того, ее современная противовоздушная оборона, эффективно противостоящая налетам авиации Турции и Германии, сделает Британию безопасной операционной базой. Британия будет держаться в тени, втихомолку перебазировав большую часть своих военно-воздушных сил в США, где армия и системы ПВО станут более эффективными, а время оповещения — увеличится.

В конце концов на Польшу нападут с двух сторон — с запада и с юга. Атакующий противник будет двигаться по тому же географическому маршруту, что и захватчики много лет назад, однако военные технические средства будут совершенно иными. Это уже не многочисленная пехота Наполеона и не армия Гитлера; штурмовые силы окажутся достаточно малы с точки зрения человеческих ресурсов. Человеческий контингент будет состоять из пехотинцев с тяжелым защитным вооружением — людей, которые обычно первыми стоят на линии огня. Однако они будут обладать четкими и пересекающимися секторами обстрела, и теперь эти сектора будут простираться на десятки миль. Имея доступ к компьютерным сетям, они смогут управлять не только своим оружием, но и роботизированными системами, а также сверхзвуковыми летательными аппаратами, находящимися за тысячи километров от них. Роботизированные системы будут зависимы от информации и энергии. Отнимите что-нибудь одно, и они станут беспомощны. Им необходим постоянный поток энергии. Турция, оставшись без размещенных в космосе

систем, заменит их беспилотными летательными аппаратами (UVA), которые, облетая поле боя, собирают и передают информацию. Информация всегда будет неполной, а UVA постоянно будут находиться под угрозой уничтожения. США станут располагать гораздо более полными разведанными, однако нехватка военно-воздушных сил не позволит им уничтожать противника.

Подзарядка достаточным количеством энергии бронированных костюмов пехотинцев и роботов также будет представлять проблему. Костюмы приводятся в действие электричеством, их необходимо перезаряжать или ежедневно менять их огромные батареи. В сохранении электроэнергии будет сделан огромный прорыв, однако в конце концов любые аккумуляторы садятся. Следовательно, важнейшим ресурсом будет электрическая сеть, связанная с электростанциями. Стоит разрушить электростанции — и нападающим придется завозить огромные заряженные батареи оттуда, где есть доступ к электроэнергии, а затем распределять их по полю боя. Чем дальше продвигаются войска, тем длиннее будет линия доставки. Если обороняющаяся сторона готова разрушить собственную электрическую сеть и, в случае необходимости, собственные электростанции, нападение замедлится из-за отсутствия энергии. Все будет зависеть от тактики в доставке электричества.

На секретной встрече командования США, Великобритании, Китая и Польши будет выработана стратегия противостояния: поляки будут сопротивляться и медленно отступать под натиском сил коалиции. Удары с двух направлений — с запада и с юга — сойдутся в Варшаве. Стороны достигнут договоренности о том, что поляки будут продолжать давать отпор, отступать и бесконечно перегруппировываться, выигрывая как можно больше времени для союзников, восстанавливающих свои военно-воздушные силы. Польские войска будут усилены несколькими тысячами американцев, которых перебросят по воздуху с Северного полюса в Санкт-Петербург для присоединения к полякам, помогая им тянуть время. Когда в конце 2051 г. ситуация обострится, в действие будет введена имеющаяся в наличии британская авиация, которая поможет приостановить продвижение турецкой армии. Американцы уже прилагают титанические усилия для восстановления своей военной мощи, уже построены тысячи новейших сверхзвуковых летательных аппаратов, которые могут пролетать в 2 раза больше, чем довоенные модели, и нести удвоенный бомбовый груз. К середине 2052 г. американские силы будут готовы совершить массированное и опустошительное вторжение, в результате которого, при поддержке обновленных космических систем, будут уничтожены силы коалиции по всему миру. До этого момента правило будет одно: держаться, отступать и выигрывать время.

Коалиция сильно недооценит индустриальную мощь США. Турки будут считать, что у них есть несколько лет на борьбу с польскими силами. Вначале коалиция решит не уничтожать польские электростанции, не желая восстанавливать их после войны. Кроме того, эти электростанции потребуются туркам, чтобы воевать после захвата соответствующих территорий. Поляки сами начнут разрушать свои сети при отступлении, стремясь осложнить продвижение войск коалиции и заставить турок и немцев направить часть ресурсов на доставку на поле боя тяжелых аккумуляторов. Линии поставки энергоносителей будут самым уязвимым местом для контрудара, который будет осуществлен летом 2052 г.

Когда на поле боя придут американские тяжеловооруженные пехотинцы со своими сложными, связанными с космосом системами, коалиция осознает, что быстро Польша не падет. Турки также увидят, что электростанции являются основой мощи союзников и что, если их не вывести из строя (и не заставить американцев доставлять аккумуляторы на поле боя из самой Америки), победа будет за США. Поэтому летом 2051 г. коалиция начнет уничтожение польских электрических систем, нанося удары по электростанциям до самой Беларуси. В Польше воцарится тьма.

Коалиция подождет две недели, вовлекая Соединенные Штаты и их союзников в непрерывное единоборство, чтобы они исчерпали имеющиеся запасы электроэнергии. Войска коалиции будут наступать одновременно на всех фронтах, ожидая, что у польских и

американских армий кончатся запасы энергии и что им изменит удача. Однако они не только встретят мощное сопротивление, но и поймут, что американские войска наносят коалиции значительный ущерб своими военно-воздушными ударами. Командование союзников задействует британскую авиацию, и великолепно скоординированные космические разведывательные системы (в сочетании с новой, более совершенной системой управления «боевых звезд») будут находить пехотинцев Турции и Германии, брать их на прицел и уничтожать.

Окажется, что США, наконец, поймут: не стоит класть все яйца в одну корзину, если дело касается войны и особенно базирующихся в космосе систем. Прежде чем начать военные действия, США построят еще одну боевую космическую станцию с системой нового поколения, однако не выведут ее на орбиту из-за отсутствия средств. В этот раз бездействие конгресса окажется «посланием свыше». Эта станция будет покрыта завесой секретности и развернута на Земле. На орбиту ее выведут всего через несколько месяцев после внезапного нападения и уничтожения японской лунной базы. Импровизированную структуру, созданную сразу после войны, сменит новая, сосредоточенная вокруг новой «боевой звезды», размещенной над Угандой, которая, однако, способна в случае необходимости быстро маневрировать в новые точки вдоль экватора, а также совершать тактические маневры для уклонения от ударов, вроде тех, что разрушили трех ее предшественниц. США восстановят свое господство в космосе — теперь оно будет значительно превосходить все то, что было возможно несколько лет назад.

Турок и немцев потрясет еще один факт. Приняв решение об уничтожении польских электростанций и систем распределения энергии, они понадеятся, что к тому времени, когда будут подорваны их собственные силы, сопротивление значительно ослабнет. Однако огонь польской и американской тяжелой пехоты и дальше будет так же силен. Трудно предположить, что американцы смогут доставлять на поле боя достаточно батарей для поддержания боеспособности войск. Вопрос будет заключаться в том, откуда же берется энергия.

Японцы — не единственные, кто станет экспериментировать с коммерческим использованием космоса. В течение 1-й половины XXI в. консорциум американских предпринимателей потратит немало денег, осуществляя множество запусков недорогих спутников, которые американцы будут использовать для попыток получения электроэнергии в космосе, ее передачи на Землю в форме микроволн и превращения в используемое электричество. Американское командование, рассматривая проблему защиты Польши, поймет на примере бесконечных военных игр, что без сохранения электроэнергии им не обойтись. Когда Турция всего за несколько недель пройдет всю Юго-Восточную Европу, США осознают, что их поражение зависит от поставок энергоносителей силам союзников и уничтожения запасов электроэнергии японо-турецкой коалиции. Ключом к победе будет продолжение снабжения Польши электроэнергией.

Основную технологию еще предстоит разработать. Пусковые установки можно построить быстро, так же как и солнечные панели и системы передачи микроволн. Самая сложная задача — создать ресиверы и доставить их на поле боя, однако вновь неограниченный бюджет и мотивация позволяют Америке творить чудеса. Новая «боевая звезда», о которой не знает коалиция, будет создана с двойной целью: там начнет осуществляться как боевое командование, так и управление строительством и функционированием огромного количества солнечных батарей и систем передачи микроволновой энергии. На поле боя доставят мобильные ресиверы.

После простого нажатия кнопки включения тысячи ресиверов на польской стороне фронта начнут получать микроволновое излучение из космоса и превращать его в электроэнергию. В чем-то это окажется подобным тому, как сотовые телефоны заменили стационарные телефонные линии. Вся структура энергетики изменится. Но это будет иметь значение много позже. На тот момент это должно означать, что сопротивление турецкому нашествию не ослабнет, поскольку у противников Турции будет гораздо больше

электроэнергии, чем ожидалось.

Коалиция не сможет ни вывести в космос систему получения энергии, ни обнаружить станции — ресиверы микроволн. Солнечные батареи будут размещены в слишком большом количестве разных мест, кроме того, они станут постоянно двигаться. Даже при попытке уничтожения, принимая во внимание возможности коалиции, их можно будет заменять быстрее, чем их будет уничтожать противник.

Из-за слабости систем снабжения коалиция не сможет нанести урон польско-американским силам. Защитники выстоят, потому что коалиция, уже давно потеряв свои спутники, не будет обладать необходимыми разведывательными мощностями. Теперь у нее отнимут и господство в воздухе, поскольку авиация польско-американского союза, хоть и уступающая военно-воздушным силам коалиции, станет обладать гораздо более полными разведанными и, следовательно, окажется неизмеримо более эффективна.

Игра окончена.

Противостояние на Земле продлится приблизительно до лета 2052 г., когда США, наконец, бросят в бой свою новую многочисленную авиацию. В сочетании с разведанными, полученными с «боевой звезды», и новым оружием военные силы США уничтожат войска коалиции в Польше и сметут с лица земли ее систему электроснабжения. То же американцы сделают и с японскими войсками, сражающимися в Китае. После этого их целью станет японский флот.

Контрудары пошатнут Турцию и Японию, оставив Германию в руинах. Их наземные силы практически испарятся с поля боя. Однако теперь перед американцами встанет ядерная проблема. Если силы коалиции будут доведены до крайности, а ее участники поверят, что на карту поставлен их национальный суверенитет, не говоря уже о выживании, они всерьез начнут рассматривать возможность нанесения ядерного удара.

Поэтому США не потребуют безоговорочной капитуляции и того, что может быть с нею связано. Они не будут угрожать выживанию государств противника, у них даже не имелось такого намерения. За последние 50 лет США поняли, что уничтожение врага, какое бы удовлетворение оно ни приносило, — не лучшая стратегия. Их целью будет поддержание баланса сил, чтобы региональные державы занимались друг другом, а не обращали свой взор на Америку.

США не будут стремиться к разрушению Японии. Скорее, американцы захотят сохранить равновесие между Японией, Кореей и Китаем. Кроме того, США не станут задаваться целью уничтожить Турцию или внести сумятицу в исламский мир, они лишь будут стремиться поддержать баланс сил между польским блоком и Турцией. Польша и польский блок начнут требовать крови Турции, а Китай и Корея — уничтожения Японии. Но США вновь «отправят Вудро Вильсона в Версаль»⁴. Во имя человечности будет решено, что нужно дать возможность Евразии прийти в себя без всяких помех.

На впопыхах организованной мирной конференции Турцию заставят отойти на юг Балкан, оставив Хорватию и Сербию буферными зонами, и отступить на кавказском направлении, остановившись в предгорьях Кавказа. В Средней Азии Турция будет вынуждена согласиться на китайское присутствие. Японцам придется вывести все силы из Китая, и США передадут китайцам свои оборонные технологии. Конкретные условия окажутся, по сути, довольно туманны, но именно такими американцы захотят видеть их. Появится много новых государств. Множество границ и сфер влияния приобретут неопределенность. Победители не полностью победят, а побежденные не полностью

⁴ После Первой мировой войны 28-й президент Соединенных Штатов Америки Вудро Вильсон прибыл в Версаль со своим планом урегулирования Европы. — *Примеч. пер.*

проиграют. США сделают огромный шаг к цивилизованности.

Между тем США получат единоличное господство в космосе, экономика страны будет на подъеме из-за военных расходов, и новая продвинутая система выработки электроэнергии начнет менять методы получения энергии человечеством.

В середине XX в. Вторая мировая война унесла около 50 миллионов человеческих жизней. Спустя 100 лет первая космическая война обойдется человечеству в 50 тысяч жизней, большая часть потерь будет понесена в Европе во время наземных боев Турции и Германии и в Китае. США потеряют несколько тысяч человек, многих в космосе, некоторых во время первых воздушных ударов по США и еще часть — в ходе боев в Польше. Это будет мировая война в полном смысле этого слова, однако благодаря передовым технологиям, повышению точности и скоростей она не станет еще и тотальной войной. Целые общества не будут пытаться уничтожить целые общества.

Однако эта война будет иметь со Второй мировой войной и общие черты. В конце концов, США, которые понесут самые меньшие потери, получают больше всего. Так же как из Второй мировой войны, США выйдут с огромным прорывом в технологиях, возродившейся экономикой и доминантным геополитическим положением, поэтому и на этот раз вступят в период, который будет считаться «золотым веком» Америки и отмечен новой, растущей зрелостью в распоряжении своей властью.

Глава 12. Золотое десятилетие

Итоги войны, без сомнения, укрепят положение США как крупнейшей международной силы и Северной Америки в целом как центра притяжения мировой международной системы. Победа позволит США консолидировать свое господство в космосе и к тому же взять под единоличный контроль международные морские пути. Кроме того, результаты войны станут способствовать формированию линии поведения, на которую США будут полагаться в последующие десятилетия.

Самым важным итогом войны окажется договор, который формально передаст США эксклюзивные права на милитаризацию космоса. Другие державы смогут использовать космос в мирных целях под наблюдением США. По сути, этот договор станет признанием сложившейся ситуации. Нанеся поражение Японии и Турции в космосе, США уже не выпустят власть из рук. Договор также ограничит количество и типы сверхзвуковых летательных аппаратов, которыми могут владеть Турция и Япония. И хотя все прекрасно будут понимать, что это неосуществимо, но таковой договор станет всего лишь безосновательным оскорблением, которое победители позволят себе в отношении побежденных. Этот договор будет служить американским интересам и оставаться в силе лишь до тех пор, пока американское могущество позволит поддерживать его условия.

Польша станет великим победителем, чрезвычайно расширившим свое территориальное присутствие, хотя потери поляков окажутся самыми значительными среди всех основных участников конфликта. Китайцы и корейцы будут чувствовать, что избавились от притязаний Японии, которая утратила империю, но сохранила страну, потеряв всего несколько тысяч человек. У Японии не исчезнут проблемы численности населения, но такова уж цена поражения. Турция останется лидером исламского мира и станет управлять империей, в которой после поражения будет крайне неспокойно. Однако, несмотря на победу, Польша будет озлоблена. Ее территория была оккупирована Турцией и Германией. Ее потери исчислялись десятками тысяч — в том числе среди мирных граждан, пострадавших от наземных, уличных боев, в которых военные всегда более защищены, чем гражданское население. Инфраструктура и национальная экономика Польши рухнут. Хотя Польша сможет использовать региональную экономику в собственных интересах, опираясь на свои завоевания для быстрого восстановления хозяйственной деятельности, результаты ее победы окажутся весьма болезненного свойства.

На западе Германия, традиционный враг Польши, будет ослаблена, ее уделом станет

унылая подчиненность, в то время как потерпевшая поражение Турция сохранит свое влияние на несколько сотен километров к югу в сторону Балкан и России. Поляки получат порт Риеку и сохранят базы на западе Греции, что позволит им противостоять турецкой агрессии на Адриатике. Но турки никуда не денутся, а у европейцев хорошая память. Самое обидным для Польши окажется факт, что Польша войдет в число стран, которым запретят выход в космос. США не сделают исключения из этого правила. На самом деле после войны больше всего США будет беспокоить Польша, так как она сохранит империю, которой владела в XVII в., и расширит свою территорию.

Польша, создав конфедеративную систему правления для своих бывших союзников, будет напрямую управлять Беларусью. С экономической точки зрения Польша будет слаба, поскольку сильно пострадает от войны, однако у нее будет время и территория, позволяющие восстановить былую силу.

Поражение Франции и Германии от Польши решительно сдвинет баланс сил в Европе на восток. В каком-то смысле упадок Атлантической Европы, начавшийся в 1945 г., продолжится в 50-х годах XXI в. США ни к чему долгосрочные последствия войны в виде сильной, уверенной в себе Польши, которая доминирует в Европе. Поэтому Америка будет поощрять своего ближайшего союзника, Великобританию (которая решительно бросила все свои *силы в* войну), усиливать *свое* экономическое и политическое влияние на континенте. Пока Западная Европа лежит в демографических и экономических руинах и страшится усиления Польши, Британия с удовольствием организует блок, странно напоминающий НАТО XX в. Задачей нового блока станет реабилитация Западной Европы и блокирование продвижения поляков на запад от Германии, Австрии или Италии. США не войдут в этот союз, однако будут поощрять формирование альянса.

Самое интересное, что американцы предпримут ряд шагов для улучшения отношений с Турцией. Согласно старому британскому изречению о том, что у стран нет постоянных врагов, а есть лишь постоянные интересы, — в американских интересах будет поддержка более слабой стороны против более сильной, позволяющая сохранить баланс сил. Турция, понимая, как может вырасти мощь Польши в долгосрочном плане, с радостью примет более тесные отношения с Вашингтоном как гарантию своего выживания.

Понятно, что поляки будут чувствовать, что американцы жестоко предали их. Но американцы многому научатся. Ввязавшись в схватку, можно удовлетворить свой сиюминутный порыв, однако гораздо более удачным решением станет управление ситуацией таким образом, что битвы вообще не произойдет либо драться будут другие. Поддерживая Британию и Турцию, США приблизятся к созданию европейского баланса сил, являющегося продолжением политического равновесия в Азии. Ни одна страна не сможет угрожать США, пока США контролируют космос. Поэтому Америка сможет смело обращаться к другим вопросам, требующим внимания.

Вот один интересный факт из области геополитики: не существует постоянных решений геополитических проблем. Однако на тот момент в 60-х годах XXI в. (как когда-то в 20-х и 90-х годах XX в.) для США не будет проблем, которые они считали бы серьезными или, по крайней мере, представляющими для них реальную угрозу. США на собственном опыте поймут, что безопасность иллюзорна, но некоторое время смогут наслаждаться полной безопасностью.

Экономический рост, который будет переживать Америка в 40-х годах XXI в., не прервется войной. Более того, рост будет беспрепятственно продолжаться. История показывает, что США от больших мировых войн обычно только выигрывали. Война их почти не затронет, а рост правительственных расходов простимулирует экономику. Поскольку военные действия США ведут техническими средствами, любая война против других государств (или ожидание такой войны) будет увеличивать государственные расходы на исследования и разработки. В результате в конце войны для коммерческого использования будет доступен ряд новых технологий. Потому-то в послевоенный период XXI в. (вплоть до 70-х годов) мир станет свидетелем сильнейшего экономического роста,

который будет сопровождаться социальными переменами.

Война придется на середину одного из 50-летних американских циклов, приблизительно через 20 лет после его начала, то есть на момент, когда страна внутренне очень сильна. Проблемы численности населения, которые никогда не были столь серьезны, как у других стран, будут хорошо управляемы благодаря политике иммиграции и уходу поколения беби-бумеров, который ослабит давление стареющей рабочей силы на экономику. Баланс между доступностью капитала и спросом на продукты сохранится, при том, что и то и другое будет расти. Америка встанет на путь сильнейшей экономической и, следовательно, социальной трансформации. Мы уже наблюдали подобные процессы, катализатором которых стала Вторая мировая война. Дело в том, что большая война, приходящаяся на начало или середину цикла, раскручивает его быстрее. Этому способствует приспособление экономики к непосредственным результатам войны. Другими словами, с середины и до конца 50-х годов XXI в. Америка возьмет свой джек-пот, как это уже было в 50-х годах XX в. Послевоенные 15 лет во всех смыслах станут «золотым веком» в экономике и технологическом развитии США.

После падения России в 30-х годах XXI в. США снизят военные расходы, однако вновь значительно увеличат их по мере усиления глобальной холодной войны в 40-х годах. Затем, во время войны середины XXI в., Америка совершит настоящий исследовательский подвиг и начнет внедрять свои открытия без промедления. Все процессы, на которые в экономике мирного времени ушли бы годы, из-за экстренности военного времени будут совершаться за месяцы или даже недели (особенно после уничтожения американских космических объектов).

США будут помешаны на космосе. В 1941 г. Перл-Харбор заставил всех, и в частности военных, поверить, что нападение может произойти в любой момент, в особенности тогда, когда меньше всего этого ожидаешь. Такого рода убеждение руководило ядерной стратегией США на протяжении следующих 50 лет. Неослабевающий страх перед внезапным ударом пропитывал образ мыслей военных и влиял на то, как они строили планы. Страх пошел на спад после падения СССР, однако нападение в 50-х годах XXI в. вновь оживит кошмары Перл-Харбора, и страх внезапного удара опять станет навязчивой идеей национального масштаба, обратившись на этот раз в сторону космоса.

Угроза будет вполне реальной. Со стратегической точки зрения, господство в космосе и преимущество на море имеют равную силу. В 1941 г. Перл-Харбор почти лишил США морского преимущества, а война середины XXI в. приведет США к временной потере преимущества в космосе. Возникший в результате страх внезапного нападения в сочетании с помешательством на космосе приведет к тому, что огромные средства (как из военных, так и из коммерческих источников) будут вложены в развитие космических технологий.

Следовательно, США будут строить в космосе разветвленную инфраструктуру — от спутников на низких околоземных орбитах до пилотируемых космических станций на геостационарной орбите, от станций на Луне до вращающихся вокруг нее спутников. Многие из этих систем будут управляться роботами или сами будут роботизированными. Разрозненные прорывы в робототехнике, произошедшие за предыдущие 50 лет, объединятся в космосе в единое целое.

Теперь в космосе будут постоянно находиться войска, и это станет одним из основных достижений американцев. Их обязанностью будет наблюдение за системами, поскольку роботы, даже очень хорошие, далеки от совершенства, а в 50-60-х годах XXI в. космическая разведка станет главным вопросом безопасности страны. Военно-космические силы США как новое направление, отпочковавшееся от военно-воздушных сил, будут иметь самый большой бюджет и численность. Ряд дешевых ракетносителей, многие из которых возникли в результате доработки коммерческих вариантов, созданных предпринимателями, начнут постоянно курсировать с Земли в космос и между орбитальными платформами.

У всей этой деятельности будет три цели. Во-первых, она удовлетворит стремление США к достаточной степени надежности, многочисленности и глубине обороны,

гарантирующей, что ни одна сила никогда более не сможет уничтожить космические мощности США. Во-вторых, Америка таким образом постарается предотвратить попытки любой другой страны закрепиться в космосе вопреки ее желаниям. Наконец, это позволит США располагать многочисленными ресурсами, в том числе вооружениями, базирующимися в космосе (от боеголовок до высокоэнергетических лучей), чтобы контролировать события, происходящие на Земле. США понимают, что из космоса не смогут приостановить любую угрозу (такую, как терроризм или формирование коалиций). Однако космическая мощь позволит им гарантировать, что ни одно другое государство не сможет подготовить против них успешную операцию.

Расходы на строительство таких мощностей будут огромны. Выделение средств на них практически не встретит политического противодействия, вызовет огромный дефицит и невероятно стимулирует американскую экономику. Как и после окончания Второй мировой войны, страх пересилит осторожность. Немногочисленные и не обладающие влиянием критики будут говорить, что такие военные расходы не нужны и что они приведут Америку к банкротству и депрессии. На самом же деле они приведут к высочайшему взлету экономики, как обычно происходило в американской истории во времена дефицита, особенно в середине 50-летних циклов, когда экономика устойчива.

Революция в энергетике.

Американское помешательство на космосе повлечет за собой проблему нехватки энергии. Во время войны США вложат громадные средства в решение проблемы снабжения поля боя электроэнергией из космоса. Процесс будет неэкономичен, примитивен и невыгоден, но даст желаемый результат. Войскам польского блока хватит энергии, чтобы оказать сопротивление турецко-германскому вторжению. Производство энергии в космосе даст военным решение множества проблем снабжения войск на поле боя. В частности, важнейшей проблемой станет энергоснабжение нового оружия, в том числе мощных энергетических лучей. Поэтому армия воспримет создание энергетических установок в космосе как военную необходимость, и конгресс будет готов платить за это. Таковым окажется еще один урок войны, который придаст проекту видимость срочности.

Для данного случая могут оказаться поучительными еще два эпизода американской истории. В 1956 г. США взялись за строительство системы шоссе между штатами. Дуайт Эйзенхауэр поддерживал проект, поскольку он имел оборонное значение. В молодости, будучи младшим офицером, он возглавлял автоколонну, которая двигалась из конца в конец страны. На это ушли месяцы. Во время Второй мировой войны он видел, как перед началом битвы в Арденнах по автобанам немцы перебазировали целые армии с Восточного фронта на Западный. Разница потрясла его.

Военные причины создания системы шоссе между штатами были убедительны, однако последствия строительства этих дорог для гражданского населения оказались неожиданными и непреднамеренными. По мере того как снижались продолжительность и стоимость поездок, люди стали осваивать все большие территории вне городов. Произошла массовая децентрализация городов, что привело к возникновению пригородов и распространению промышленности за пределы городских зон. Система шоссе между штатами изменила жизнь в США, но без военной подоплеки ее могли никогда не построить, считая экономически нецелесообразной.

Второй пример относится к 70-м годам XX в., когда военные начали активно поддерживать научные исследования. Им нужно было передавать информацию между различными исследовательскими центрами быстрее, чем с помощью курьеров или почты (FedEx тогда еще не было). Управление перспективных исследований и разработок Министерства обороны США (DARPA) финансировало эксперимент по созданию сети компьютеров, которые могли бы на расстоянии передавать друг другу данные и файлы. Изобретение получило название ARPANET, оно предназначалось для использования в

военных целях, потому-то на него и были потрачены такие деньги и усилия. Конечно, ARPANET эволюционировал в Интернет, архитектура и протоколы которого создавались и администрировались Министерством обороны и его подрядчиками вплоть до 90-х годов XX в.

Как и автодороги, информационная супермагистраль в принципе могла возникнуть сама по себе, но этого не произошло. Базовые расходы на ее создание понесли военные, поскольку им нужно было решить свою проблему. Можно сказать, что энергетическая супермагистраль создана для военных, и, следовательно, ее экономическая подоплека делает ее более конкурентоспособной, чем другие источники энергии. Поскольку военные понесут основные капитальные затраты и будут эксплуатировать систему, коммерческая стоимость этой энергии окажется гораздо ниже, чем могло быть в противном случае. Дешевая энергия для гражданского населения будет невероятно важна, особенно когда в экономике начнут все больше превалировать роботы.

Военные космические программы в прямом смысле слова снизят затраты коммерческих разработок, став их дополнением, то есть практически вывезут их на себе. Успех запуска в космос коммерческих спутников снизит расходы на поднятие полезного груза, но не сможет осилить такой крупный проект, как создание базирующейся в космосе солнечной электростанции. Военная программа 50-60-х годов XXI в. решит эту проблему двумя путями.

Во-первых, одной из важных составляющих проекта будет снижение расходов на фунт полезного груза. США начнут постоянно отправлять корабли в космос, и особенно насущной станет необходимость значительно снизить цену запуска. Отчасти за счет новых технологий, отчасти из-за огромных объемов, но даже для созданных ранее коммерческих кораблей количество выведений на орбиту начнет значительно сокращаться.

Во-вторых, система будет обладать заложенным в нее избытком мощности. Один из уроков войны покажет, что отсутствие мощностей для запуска кораблей в космос во время первого нападения поставило Америку в трудное положение. Такое не должно будет повториться. Поэтому страна создаст огромные пусковые мощности. Использование результатов проекта частным сектором станет важно для снижения издержек.

Времена строительства скоростных шоссе между штатами и создания Интернета были периодами взрывного экономического роста. Дорожная сеть стимулировала экономику, дав работу целой армии строительных бригад и гражданских инженеров, однако настоящей причиной бума стали предпринимательские фирмы. И McDonalds, и доставка почты в пригороды во многом были детищем новой дорожной сети. Создание Интернета повлекло за собой продажи множества серверов Cisco и персональных компьютеров. Однако очередной бум возник с появлением Amazon и iTunes. Оба события имели широкие последствия в виде активизации предпринимательства.

Национальное управление США по авиации и исследованию космического пространства (NASA) с 70-х годов XX в. принимало участие в исследованиях, связанных с производством энергии в космосе, продвигая идею космической солнечной энергии (SSP). Во время войны 50-х годов XXI в. США начнут по-настоящему использовать эту новую систему. А космический энергетический проект последующих 60-х годов сделает его частью повседневной жизни. На геостационарной орбите или на поверхности Луны будут размещены в огромном количестве фотоэлектрические ячейки, превращающие солнечную энергию в электричество, а оно, в свою очередь, преобразуется в микроволны, передаваемые на Землю, которые затем вновь будут преобразовываться в электроэнергию и распределяться через существующие и вновь построенные электрические сети. Количество ячеек можно уменьшить, концентрируя солнечный свет с помощью зеркал, таким образом снизив затраты на выведение на орбиту фотоэлектрических комплектов. Очевидно, что на Земле ресиверы должны быть установлены в пустынной местности, поскольку локализованное излучение микроволн будет очень высоким, однако они станут представлять меньшую опасность для окружающей среды, чем ядерный реактор или углеводородные виды топлива. Космос обладает огромными пространствами, и то, что было бы недопустимым вмешательством на

Земле (например, разместить солнечные батареи на площади, равной территории Мехико), будет как бы растворяться в безграничности космоса. Кроме того, отсутствие облаков позволяет расположить коллекторы так, чтобы они поглощали солнечный свет круглые сутки.

Эти и подобные им разработки приведут к снижению стоимости электроэнергии на Земле, в результате чего многие энергоемкие проекты станут рентабельными. Возникнут невероятные предпринимательские возможности. Кто мог бы предвидеть, что когда-нибудь из ARPANET возникнет iPod? Можно лишь отметить, что эта вторая волна новаторства изменит мир (по крайней мере, так же сильно, как в прошлом дорожная сеть между штатами и Интернет) и принесет 60-м годам XXI в. столько же процветания, сколько дороги принесли 60-м годам XX в., а Интернет — 1-му десятилетию XXI в.

США создадут еще одну базу для своей геополитической власти — они окажутся крупнейшим производителем энергии в мире, а их энергетические поля будут надежно защищены от нападения. Япония, Китай и множество других стран станут импортерами энергии. По мере изменения принципов регулирования рынка энергетики другие энергоносители, в том числе углеводороды, станут все менее привлекательными. Другие страны не смогут запускать в космос собственные энергетические системы, в первую очередь, в связи с отсутствием военных, которые были бы готовы внести первый взнос за строительство этих систем, кроме того, в то время ни одна страна не захочет связываться с США. Нападение на американские установки будет немыслимо, учитывая имеющийся дисбаланс сил, в то время как способность США поставлять гораздо более дешевую солнечную энергию создаст дополнительный уровень непреодолимой мощи этой страны и укрепит ее международное господство.

Мы станем свидетелями фундаментального сдвига парадигмы геополитической реальности. С самого начала индустриальной революции промышленность жадно поглощала энергию, которая была случайно и бессистемно распределена по миру. Аравийский полуостров, который при других обстоятельствах имел бы небольшое значение, стал невероятно важен благодаря своим запасам нефти. С переходом на космическую энергосистему промышленность будет производить энергию, а не просто потреблять ее.

Полеты в космос станут результатом индустриализации, и индустриальная держава будет производить энергию и одновременно снабжать ею свою промышленность. Космос приобретет большую важность, чем когда-либо имела Саудовская Аравия, и контролировать его станут США.

Новая волна созданной в Америке культуры нахлынет на мир. Помните, мы определили культуру не только как искусство, а в более широком смысле — как образ жизни людей. Компьютер был самым эффективным нововведением в американскую культуру, гораздо более принципиальным, чем фильмы или телевидение. Робот станет логическим и впечатляющим продолжением компьютера. В мире, где население, в сущности, не увеличивается, двигателем производительности станут роботы, а электричество будут вырабатывать размещенные в космосе солнечные энергетические установки. Все еще примитивные, но быстро развивающиеся роботы заполнят мир, особенно к месту они придется в страдающей от нехватки человеческих ресурсов промышленности и в странах, приближающихся к первому эшелону, где уже пройден или близок пик рождаемости населения.

Генетика и дальше будет продлевать продолжительность жизни и искоренит или научится контролировать ряд генетических заболеваний. Это приведет к повышению социальной нестабильности. Радикальные перемены, которые потрясли Европу и США, а также изменили роль женщины и структуру семьи, станут всеобщим явлением. В странах второго эшелона возникнет сильная напряженность в отношениях между сторонниками традиционных ценностей и новых социальных реалий. Эта напряженность сметет все основные мировые религии. Католицизм, конфуцианство и ислам будут связаны с традиционными представлениями о семье, сексуальности и отношениях между поколениями.

Однако сначала традиционные ценности будут уничтожены в Европе и США, затем то же самое произойдет в большинстве стран мира.

С политической точки зрения это будет означать сильную внутреннюю напряженность. Конец XXI в. станет периодом, когда традиции стараются сдерживать подъем медицины и технологий. И поскольку большинство противоречивых инноваций будет создано в США, а американская модель внутреннего социального хаоса начнет становиться нормой, именно эта страна повсюду станет считаться врагом традиций. В мире Америку будут считать опасной, жестокой и вероломной, но при этом станут еще больше ей завидовать. Это будет время международной стабильности, региональной напряженности и внутренней турбулентности.

За пределами США о космосе начнут подумывать две державы. Одна из них — Польша, которая будет занята консолидацией своей сухопутной империи, все еще страдая от того, как с ней обошлись при принятии мирного договора в 50-х годах. Однако Польша все еще не оправилась от последствий войны, она будет окружена американскими союзниками. Вторая страна, задумывающаяся о космосе, — Мексика, которая к концу 60-х годов заявит о себе как о стране с одной из сильнейших экономик мира. Мексика будет считать себя соперником США и начнет выход на континентальный и мировой уровень, однако еще не успеет разработать последовательную национальную стратегию, а поэтому и побоится слишком далеко заходить в испытании прочности США.

Возникнут и другие новые силы. Их экономики начнут быстрый рост, чему будет способствовать снижение роста населения. На одно из первых мест выйдет Бразилия, которая на поколение отстанет от Мексики в области стабилизации численности населения, однако быстро двинется в этом направлении. Совместно с Аргентиной, Чили и Уругваем, которые пойдут вперед семимильными шагами, Бразилия начнет рассматривать возможность создания регионального экономического альянса. Сначала в планах Бразилии будет лишь мирная конфедерация, однако, как это часто происходит, со временем это образование все больше начнет проникаться агрессивными идеями. Несомненно, что к 60-м годам XXI в. бразильцы уже спланируют свою космическую программу (однако она будет не комплексной, а основанной на сиюминутных геополитических потребностях).

Такие страны, как Израиль, Индия, Корея и Иран, также будут иметь ограниченные космические программы, однако ни у одной из них не хватит ресурсов и мотивации, чтобы сыграть в игру, призом в которой станет значительное космическое присутствие, не говоря уже о том, чтобы поставить под сомнение гегемонию США в космосе. Поэтому, как уже неоднократно происходило по окончании глобальных войн, США получат все карты в руки — и не упустят свой выигрыш. США будут переживать свой золотой период, который продлится по крайней мере до 70-х годов XXI в.

Глава 13. США, Мексика и борьба за центр мира

С самого начала этой книги я говорил о Северной Америке как о центре притяжения международной системы. До сих пор по большей части под Северной Америкой я подразумевал США, поскольку в Северной Америке власть США настолько преобладает, что никто не осмеливается бросить им вызов. Великая мировая война XXI в. прояснит тот факт, что и в Евразии еще некоторое время не возникнет ни одна сила, которая была бы готова поставить эту власть под вопрос. Кроме того, пройдет испытание и будет подтвержден важнейший геополитический принцип: тот, кто контролирует Атлантику и Тихий океан, заправляет мировой торговлей, а тот, кто властвует над космосом, контролирует Мировой океан. США будут наслаждаться единоличным господством в космосе и, следовательно, обеспечивать контроль над мировым океаном.

Реальность, однако, сложнее видимости. Во второй половине XXI в. у США будет одно очень слабое место: они уже 200 лет ни с кем не вступали в открытую конфронтацию. Основная геополитическая необходимость для США (на которую будут опираться все остальные) — доминирование в Северной Америке. Со времен американо-мексиканской

войны и договора Гвадалупе-Идальго, заключенного в 1848 г., США действительно контролировали континент. Казалось, что это само собой разумеется.

К концу XXI в. ситуация изменится. Вопрос могущества Мексики по сравнению с США будет поднят вновь и поставлен так, как это труднее всего предположить. Через 200 лет Мексика будет готова посягнуть на территориальную целостность США и политическое равновесие в Северной Америке. Если читателю покажется, что это утверждение притянуто за уши, предлагаю вернуться к введению в эту книгу и подумать, как изменится мир всего через 20 лет, не забывая о том, что здесь мы заглядываем почти на 100 лет вперед.

Посягательства Мексики будут корениться в экономическом кризисе 20-х годов XXI в., который разрешится принятием закона об иммиграции в начале следующего десятилетия. Этот закон активно поддержит иммиграцию в США, решая таким образом проблему нехватки рабочей силы. Возникнет массовый наплыв иммигрантов из всех стран мира и, очевидно, в том числе из Мексики. Новые группы иммигрантов мало чем будут отличаться от предыдущих. Однако мексиканцы начнут ярко выделяться из общей массы по единственной причине, которая связана не с культурой или национальным характером, а с географией. И это, в совокупности с растущей силой Мексики как государства, вызовет изменение баланса сил в Северной Америке.

С исторической точки зрения другие группы иммигрантов сделали то, что мы можем назвать неравномерным расселением в США. Они жили в этнических анклавах, доминировали в этих районах и влияли на политику в соседних, но ни одна группа с конца XIX в. не преобладала ни в одном регионе или штате. Второе поколение, достигнув зрелости, ассимилировалось и, в поисках экономически благоприятных возможностей, рассеивалось по стране. Жизнь в этническом анклав не так привлекательна, как возможности, предоставляемые более широкими кругами общества. В США меньшинства никогда не были массой, которую общество в целом не могло переварить, — за важным исключением одной этнической группы, попавшей в США не по своей воле (афро-американцев), и той, что жила здесь еще до появления европейцев (американских индейцев). Все остальные приезжали группами или по одному и добавляли местному обществу новый культурный слой.

Это всегда было сильной стороной США. На большей части территории Европы, например, мусульмане сохранили религиозную и национальную идентичность, отделяя себя от европейцев, да и коренное население Европы не стремилось смешиваться с ними. Таким образом, сила собственной культуры иммигрантов и принимающего населения была подавляющей. В США исламские иммигранты, как и другие группы приезжих, через поколение становились частью населения, поддерживающего американские принципы, и сохраняли свою религиозность лишь как культурную связь с прошлым. Такая система культурной идентификации связывала иммигрантов с США и создавала трещину между их первым и более поздними поколениями (так же, как между американским мусульманским сообществом и мусульманами остального мира). Такова была проторенная дорожка иммиграции в США.

Начиная с 30-х годов XXI в. иммигранты из Мексики будут вести себя по-другому. Они распределятся по разным районам страны, как было и раньше, и многие вольются в американский мейнстрим. Однако в отличие от других иммигрантских групп, между мексиканцами и их родной землей не встают океаны и тысячи миль суши. Они могут пересечь границу и, проделав короткий путь, оказаться в США, однако сохранят социальные и экономические связи с родиной. Близость к дому создает у мексиканских иммигрантов динамику, совершенно отличную от динамики других иммигрантов. Мексиканцы не являются общиной. Скорее, по крайней мере часть мексиканской иммиграции — это просто промежуточная область между двумя странами, как Эльзас-Лотарингия между Францией и Германией, это место, где две культуры интегрируются, даже если граница стабильна.

Давайте взглянем на карту на стр. 297, взятую из материалов Бюро переписи США. На ней показана концентрация испаноговорящего населения в США в 2000 г.

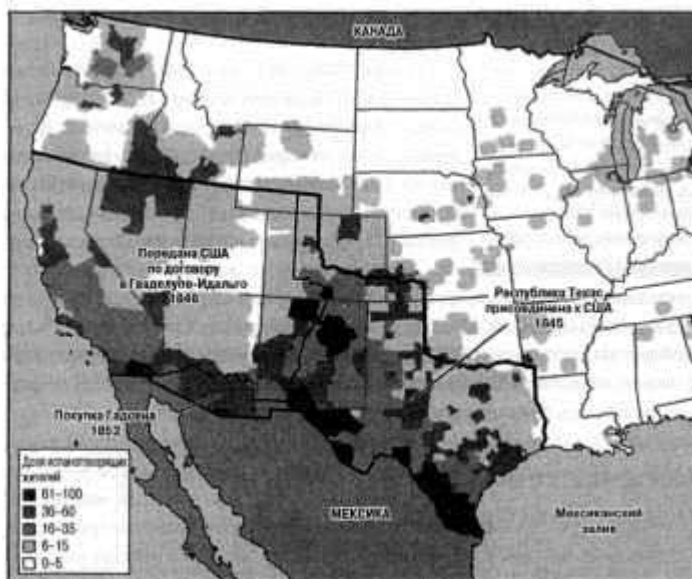
В 2000 г. мы уже могли наблюдать области концентрации испаноговорящего населения

в различных округах США, где удельный вес мексиканцев в общей численности населения различен. Выходцы из Мексики сосредоточились вдоль границ страны от Тихого океана до Мексиканского залива. Доля мексиканцев (мы будем использовать этот термин, подчеркивающий этническое происхождение, а не гражданство) в населении округов колеблется от одной пятой до двух третей и более. В Техасе и Калифорнии плотная концентрация этой части населения уходит далеко в глубь штатов. И все приграничные округа оказываются, как и ожидалось, по большей части мексиканскими.

Я наложил на эту карту границы территории, которая была частью Мексики и перешла к США после передачи Техаса и «мексиканской уступки»⁵.

Обратите внимание, как мексиканское сообщество концентрируется на территориях, бывших мексиканскими. Конечно, за их границами тоже есть местности, где много выходцев из Мексики, однако там они, скорее, ведут себя так же, как и другие этнические группы. На приграничных же территориях мексиканцы не изолированы от родины. Во многих смыслах они представляют собой продолжение своей родной земли в США (США оккупировали мексиканские территории в XIX в., и регион сохранил что-то из характеристик оккупированной территории). По мере миграции населения граница становилась все более необязательной или неправомерной, люди перебирались из бедной страны в богатую, но не в обратном направлении. Культурная граница Мексики все больше сдвигалась на север, несмотря на то что политическая граница — на прежнем месте.

Испаноговорящее население США (2000 г.)

Такова была картина в 2000 г. После 30 лет политики поощрения иммиграции, к 2060 г., карта, составленная 60 годами ранее, изменится, и территории, на которых проживало около 50 % мексиканцев, станут практически полностью мексиканскими, те же, где их было около 25 %, станут мексиканскими наполовину. Вся карта потемнеет на один-два тона. Приграничные территории, сдвинувшись в глубь США, будут по большей части мексиканскими. Мексика решит проблему роста населения, при поощрении со стороны США расширив свои неpolitические границы на земли «мексиканской уступки».

⁵ После американо-мексиканской войны 1846–1848 гг. по мирному договору Гваделупе — Идальго граница с Техасом была установлена по фарватеру реки Рио-Гранде, также к США отошла обширная территория, известная как «мексиканская уступка» (Mexican Cession). — *Примеч. пер.*

Население, технологии и кризис 80-х годов XXI в.

Рост иммиграции в США и последствия войны отодвинул экономический бум с 40-х на 60-е годы XXI в. Наличие капитала и земли в США в сочетании с наиболее динамичными в передовом индустриальном мире резервами рабочей силы подогрел экономику. Сравнительная легкость, с которой США ассимилируют иммигрантов, даст Америке огромное преимущество перед другими промышленно развитыми странами. Однако у этого бума будет и другая сторона, которую мы должны признать: развитие технологий. Давайте немного поговорим об этом, а затем вернемся к обсуждению Мексики.

Во время кризиса 30-х годов XXI в. США будут искать пути компенсировать нехватку рабочей силы, особенно за счет развития технологий, которые смогут прийти на смену человеку.

В США развитие технологий происходит, по большей части, следующим образом:

1) команды ученых в университетах или индивидуальные изобретатели разрабатывают научные открытия или осуществляют проекты, которые часто приводят к концептуальным прорывам, ограниченному внедрению или коммерческому использованию;

2) в случае заинтересованности военных правительство США выделяет на проект значительные средства, которые призваны ускорить достижение специфических, военных целей;

3) частный сектор извлекает преимущества из коммерческого использования результатов открытия и создает новые отрасли экономики.

То же касается и развития робототехники. В конце XX в. основные открытия в робототехнике уже сделаны. Ключевой теоретический прорыв осуществлен, есть и некоторое коммерческое применение, но роботы еще не стали столпами американской экономики.

Военные, однако, уже несколько лет осуществляют финансовые вливания как в разработку базовой теории робототехники, так и в ее практическое применение. Вооруженные силы США через DARPA и другие источники активно финансируют развитие робототехники. Создание роботизированного мула, который несет оснащение пехотинца, и строительство беспилотного летательного аппарата — всего два направления в развитии робототехники. Использование в космосе умных роботизированных систем, которые не нужно контролировать с Земли, — еще одно направление. В конечном счете эти разработки позволят военным решить проблему демографии. Их будет беспокоить то, что в стране стало меньше молодых людей, значит, меньше солдат. Однако количество американских военных обязательств растет, а не снижается. США больше, чем любому другому государству, потребуется поддержка солдат роботами. Такая поддержка станет гарантией национальной безопасности США.

К тому времени, как в 30-х годах XXI в. начнется социальный и экономический кризис, прикладная робототехника пройдет испытания в полевых условиях и будет одобрена военными. Поэтому можно будет начать применение роботов в коммерческих целях. Конечно, к 2030 г. роботы еще не будут готовы для массового применения. Кроме того, они никак не снизят потребность в иммигрантах. Знакомая история, не правда ли?

Мы такое уже видели — такова была ситуация с компьютерами в 1975 г. Тогда военные заплатили за создание кремниевого микрочипа, поскольку надеялись на его применение в своих целях во многих областях. Процессы коммерциализации микрочипов только начинались, и несколько десятилетий должно было уйти на то, чтобы изменилась гражданская экономика. Итак, массовое использование роботизированных технологий начнется не раньше 40-х годов XXI в., а полностью могущество роботов трансформирует экономику страны лишь через 20 лет.

По иронии, инженеры из числа иммигрантов будут принимать самое активное участие в создании роботизированных технологий, цель которых состоит в снижении потребности в массовой иммиграции. Робототехника, став частью общественного запроса, подорвет

экономическое положение тех иммигрантов, которые заняты неквалифицированным трудом и стоят у основания экономической пирамиды.

И вновь решение одной проблемы повлечет за собой возникновение следующей. Возникшая ситуация подготовит почву для кризиса 80-х годов XXI в. Система поощрения иммиграции укоренится в американской культуре и политике. Кадровые агентства продолжают стимулировать иммигрантов, призывая их приезжать в США. Срочная мера станет рутинной частью управления. Проблема в 60-е годы будет заключаться в том, что кризис закончится как в результате миграции, так и благодаря активному применению новых роботизированных технологий. Последние представители поколения, появившегося после Второй мировой войны, уже отойдут в мир иной, и американская демографическая структура будет больше напоминать пирамиду, на которую и должна быть похожа возрастная структура любого общества. Благодаря достижениям в робототехнике весь сегмент иммиграции станет не нужен.

Казалось, что развитие технологий часто должно было приводить к сокращению рабочих мест. На деле же оказалось нечто противоположное: для поддержки новых технологий создавалось больше рабочих мест. Происходил переход от неквалифицированного к квалифицированному труду. Это, несомненно, случится и в результате развития робототехники. Кто-то должен будет строить и поддерживать системы. Однако робототехника фундаментально отличается от всех ранее возникших технологий.

Во всех предыдущих случаях замещение рабочих мест было побочным продуктом. Робототехника создана исключительно для замещения рабочих мест. Вся суть этого вида технологий в том, чтобы заменить малочисленные человеческие ресурсы более дешевыми техническими средствами. Первой целью станет замена трудоспособного населения, которого больше нет. Второй — перевод имеющихся трудовых ресурсов на обслуживание роботов. Третьей (с которой и начинаются проблемы) — прямое замещение работников. Другими словами, хотя роботизированные технологии будут созданы на замену исчезающим работникам, они приведут к безработице среди вытесненных работников, у которых не хватит ни знаний, ни навыков, чтобы перейти на обслуживание роботов.

В результате в стране будет наблюдаться рост безработицы, который начнется приблизительно в 60-х годах XXI в. и станет ускоряться на протяжении последующих двух десятилетий. Возникнет временный, но болезненный избыток населения. Если проблема 30-х годов XXI в. состояла в том, чтобы справиться с недостатком трудоспособного населения, проблема, усугубляющаяся в 60-80-х годах XXI в., будет заключаться в преодолении избытка населения, вызванного активной иммиграцией и структурной безработицей. Эта проблема усугубится благодаря открытиям в области генетики. Даже если человеческая жизнь будет продлена не слишком много, американцы будут сохранять работоспособность заметно дольше. Не следует сбрасывать со счетов и возможность массового роста продолжительности жизни, который произойдет внезапно.

Робототехника в сочетании с генетикой и сопутствующими технологиями будет одновременно способствовать вытеснению работников и повышению эффективности человеческих ресурсов. Это станет временем учащающихся массовых волнений. Кроме того, беспокойство начнет вызывать и ситуация с потреблением энергии. Роботы, которые научатся двигаться и обрабатывать информацию, будут поглощать энергию еще ненасытнее, чем автомобили. Это обострит энергетический кризис, который мы обсуждали в предыдущих главах, и приблизит конец углеводородных технологий, укоренившихся в европейский век. Все это заставит США искать энергию в космосе.

Разработки в области космических энергетических систем начнут вести значительно раньше 80-х годов XXI в. На самом деле Министерство обороны США уже сейчас подумывает о подобной системе. Космическая служба национальной безопасности в октябре 2007 г. опубликовала исследование под названием «Космическая солнечная энергия и возможности для стратегической безопасности», где сказано:

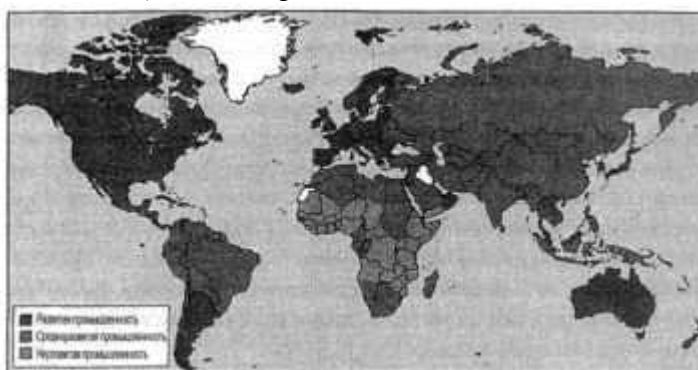
«Размеры угрожающих нам энергетических и экологических проблем достаточно

значительны, чтобы оправдать рассмотрение всех вариантов и вновь обратиться к концепции получения солнечной энергии в космосе, которая впервые возникла в США около 40 лет назад. Ее основная идея весьма проста: поместить батареи солнечных элементов очень большого размера на постоянно и интенсивно освещаемую солнцем земную орбиту, с их помощью собрать гигаватты электрической энергии, передать их в виде пучков электромагнитных волн на Землю и принять на земной поверхности для использования либо в качестве базисной энергии через прямое подсоединение к существующим электрическим сетям, превращая часть энергии в промышленное синтетическое топливо, либо напрямую направлять потребителям пучки энергии низкой мощности. На один километр геостационарной орбиты Земли за год приходится поток солнечной энергии, который практически равен количеству энергии, содержащемуся сегодня во всех известных разрабатываемых нефтяных месторождениях Земли».

К 50-м годам XXI в. установки для получения солнечной энергии уже должны быть на орбите, а кризис 80-х подтолкнет разработки в этом направлении. Существенное падение расходов на энергоносители будет иметь огромное значение для внедрения роботизированных технологий, которые, в свою очередь, будут важны для поддержки эффективности экономики в период долговременной нехватки населения. Отсутствие роста должно компенсироваться технологиями, а для того, чтобы работали эти технологии, необходимо падение цен на энергоносители.

Итак, в конце 80-х годов XXI в. мы станем свидетелями активных усилий США по получению энергии с помощью размещенных на орбите солнечных систем. Очевидно, что попытки начнутся за десятилетия до этого времени, однако будут не настолько интенсивны, чтобы новая технология превратилась в основной источник получения энергии. Углубление кризиса в 70-х годах значительно продвинет реализацию данного проекта. Как бывает с любым проектом государственного уровня, затраты на него будут высоки, однако к концу XXI века, когда частный сектор начнет извлекать преимущества из огромных государственных инвестиций в освоение космоса, затраты на энергию значительно упадут. Роботизированные технологии будут эволюционировать быстро и заметно. Вспомните, как менялись домашние компьютеры между 1990 г. (когда в большинстве домов и офисов еще не было даже электронных адресов) и 2005 г. (когда, в прямом смысле слова, из конца в конец нашей планеты стали посылать миллиарды электронных писем).

Уровни экономического и социального развития

США будут одной из нескольких промышленно развитых стран, переживающих временный избыток населения. Экономическая необходимость предыдущих 50 лет — поддержка иммиграции любыми доступными средствами — исчерпала себя, превратившись скорее в проблему, чем в решение. Поэтому первым шагом к прекращению кризиса станет ограничение иммиграции, массовый и болезненный поворот политики вспять, который вызовет кризис, как это происходило и 50 лет назад, когда был осуществлен переход к поддержке и привлечению иммигрантов. Как только иммиграцию закроют, США придется взяться за экономический дисбаланс, вызванный избытком населения. Увольнения и

безработица ударят по большей части работающих бедняков — и особенно по мексиканскому населению на приграничных территориях. Это приведет к возникновению серьезных внешнеполитических проблем. Добавьте к этой картине рост цен на энергоносители, и вы увидите все предпосылки кризиса 80-х годов XXI в.

Экономическое развитие Мексики

В настоящее время экономика Мексики по масштабам занимает 15-е место в мире. После обвала экономики, который произошел в этой стране в 1994 г., ее состояние существенно улучшилось. ВВП Мексики на душу населения в пересчете на покупательную способность немного превышает 12 тыс долларов в год, что делает ее самой богатой из крупных стран Латинской Америки и ставит в один ряд с развитыми, а в некоторых случаях и с передовыми экономиками. Кроме того, не следует забывать, что Мексика — отнюдь не маленькая страна. Ее население составляет около 110 миллионов человек, и это больше, чем у большинства европейских стран.

Значительно ли вырастет экономическая мощь Мексики за следующие 60–70 лет? Если это произойдет, принимая во внимание точку отсчета, Мексика станет страной с одной из ведущих в мире экономик. Из-за внутренней политической нестабильности, оттока населения и былых экономических проблем на сегодняшний день Мексику трудно представить в числе стран первого эшелона. Однако большинству людей трудно понять и то, как ей удалось подняться настолько высоко.

С экономической точки зрения на Мексику работает несколько факторов. Первый — это нефть. В течение всего прошлого века Мексика стояла в ряду крупнейших производителей и экспортеров нефти. Для многих этот аргумент говорит против того, что Мексика приобретет большую силу. Экспортеры нефти часто недооценивают возможность (или аппетиты) страны к развитию других отраслей промышленности. Поэтому важно понять еще один факт, имеющий отношение к Мексике: несмотря на рост мировых цен на нефть, продолжающийся с 2003 г., ее энергетический сектор занимает все меньшую часть экономики страны в целом. В 1980 г. нефть составляла около 60 % мексиканского экспорта, но к 2000 г. эта доля снизилась до всего 7 %. Мексика обладает запасами нефти, однако ее рост не зависит от экспорта данного сырьевого товара.

Второй фактор экономического роста Мексики связан с ее соседством с США и впоследствии вызовет геополитические проблемы. Мексика как член Североамериканской зоны свободной торговли (NAFTA) или самостоятельно сможет с успехом осуществлять экспорт на крупнейшие и самые динамичные мировые рынки. В то время как NAFTA снижает расходы на экспорт и повышает институциональную эффективность отношений, для Мексики самым важным остается тот факт, что соседство Мексики с США всегда давало ей экономические преимущества, несмотря на невыгодное с точки зрения геополитики положение. В-третьих, из США в Мексику поступает огромное количество денег — это денежные переводы от легальных и нелегальных иммигрантов. Размер переводов в Мексику невероятно вырос, сегодня это второй по величине источник поступления денег в страну из-за рубежа. В большинстве стран иностранные инвестиции — основное средство развития экономики. В Мексике иностранные инвестиции конкурируют с денежными переводами из-за рубежа. Система переводов имеет двоякий результат. После внесения в банк эти средства усиливают другие источники инвестиций. Они служат социальной стабильности низших классов, которым поступает большинство переводов.

Поступление денег в Мексику привело к росту отраслей промышленности и услуг, связанных с высокими технологиями. Сегодня услуги составляют 70 % ВВП Мексики, а сельское хозяйство — всего 4 %. Остальное делится между производством, нефтяной и добывающей промышленностью. Довольно высока пропорция услуг, связанных с туризмом, однако в целом структура ВВП нехарактерна для развивающейся страны.

Интересный показатель под названием «Индекс человеческого развития»,

предложенный ООН, отслеживает соответствие глобальным стандартам уровня жизни, в том числе такие факторы, как средняя продолжительность жизни и уровень грамотности в стране. В соответствии с «Индексом человеческого развития» мир поделен на 3 класса. На карте, представленной ниже, черным цветом обозначены развитые промышленные страны, темно-серым — страны среднего эшелона, а светло-серым — развивающиеся страны. Как показано на карте, по шкале «человеческого развития» Мексика уже соответствует Европе и США. Это не значит, что она стоит на одном уровне с США, однако свидетельствует о том, что ее уже нельзя считать лишь развивающейся страной.

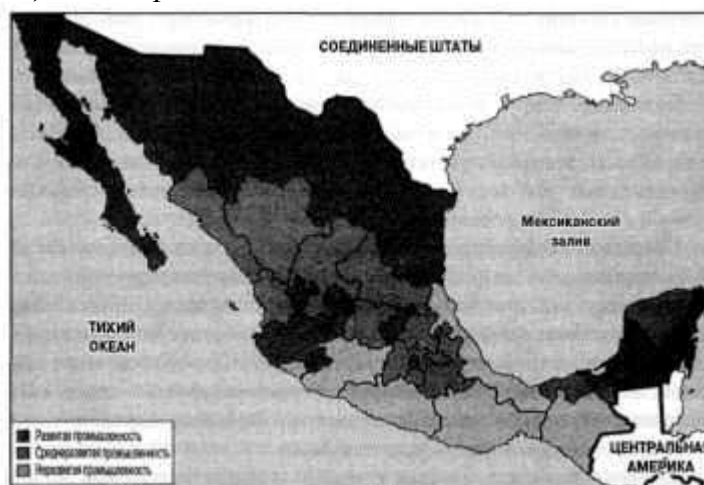
Вчитавшись в материалы данных «Индекса человеческого развития», мы узнаем о Мексике еще один интересный факт. Мексике в целом присвоен индекс «0, 70», что ставит ее на один уровень с США и Европой. Однако в самой Мексике наблюдается крайнее неравенство между регионами. Более темные области на представленной ниже карте имеют рейтинг, равный рейтингу некоторых европейских стран, а более светлые — эквивалентны бедным странам Северной Африки.

Именно такое сильнейшее неравенство ожидаешь увидеть в стране, которая переживает процесс быстрого развития. Вспомните, как описывали Европу Чарльз Диккенс или Виктор Гюго. Они ухватили самую суть Европы XIX в. — стремительный рост и усугубление неравенства. В Мексике вы будете наблюдать подобный контраст в Мехико-Сити или Гвадалахаре. Однако то же явление заметно и от региона к региону, которые на севере отличаются сравнительным богатством, а на юге — бедностью. Неравенство не означает отсутствие развития. Напротив, это неизбежный побочный продукт развития.

Конечно, на этой карте интересно отметить, что области, граничащие с США, а также туристические регионы на юге страны и столица имеют самый высокий уровень развития. Однако на некотором отдалении от границы с США данные «Индекса человеческого развития» имеют тенденцию к снижению. Это показывает, как важны США для развития Мексики, и отражает ту реальную опасность, которая угрожает этой стране, а именно возникновение на юге беспорядков, причиной которых станет неравное положение южных штатов Мексики. И это неравенство по мере развития Мексики будет только усугубляться.

Наличествуя еще два важных фактора, которые способствуют росту экономики Мексики: организованная преступность и наркоторговля. В целом мы можем различать два типа преступлений. Первый основан на простом распределении и потреблении — кто-то крадет ваш телевизор и продает его. Второй создает огромный капитал. Американская мафия, занимавшаяся бутлегерством, использовала заработанные незаконной торговлей деньги для перехода в легальный бизнес.

Экономическое и социальное развитие Мексики

Это происходило до тех пор, пока в определенный момент первоначально накопленные средства не влились в общий поток капитала таким образом, что их криминальное

происхождение уже не имело значения. Подобный процесс, осуществляясь внутри страны, способствует росту. Криминальные деньги, курсируя между двумя странами, стимулируют значительный рост. Дело в том, что цена продукта искусственно взвинчивается из-за его нелегальности. Данный процесс способствует возникновению картелей, которые подавляют конкуренцию, поддерживают высокие цены и обеспечивают оборот.

Современная наркоторговля, сбывая наркотики по искусственно завышенным ценам американским потребителям, генерирует крупные денежные суммы, доступные для инвестиций в Мексику. И эти суммы настолько велики, что их просто необходимо инвестировать. Для легального размещения таких больших денег разрабатываются сложные операции по отмыванию средств. Благодаря этому следующее поколение наследует сравнительно легитимный капитал. Внуки же наркоторговцев становятся экономическими аристократами.

Данное описание, очевидно, слишком упрощает ситуацию. Но я к тому же игнорировал тот факт, что во многих случаях дилеры, базирующиеся в Мексике, не отправляют деньги обратно в Мексику, а инвестируют их в США или где-то еще. Однако при условии, что Мексика будет все больше повышать эффективность экономики, а правительство окажется настолько коррумпированным, чтобы и дальше покровительствовать отмыванию денег, реинвестирование полученных в результате наркоторговли средств в Мексику будет иметь все больший смысл. Прислушайтесь, и вы услышите громкий сосущий звук, который издает инвестиционный капитал, покидающий США и поступающий в Мексику через картели, занимающиеся наркоторговлей.

Этот процесс создает Мексике определенные проблемы, способствуя политической нестабильности. Из-за того, что в нем замешаны власти, а суды и полиция работают неэффективно, неустойчивость ощущается повсюду — на улицах и в высших кругах государственной администрации. Вовлечение таких крупных сумм денег может привести к полной дестабилизации внутри страны. Однако общества, достаточно большие и сложные, в которых суммы денег такого размера представляют собой сравнительно небольшую часть имеющегося в наличии капитала, могут со временем прийти в состояние баланса. В США, где организованная преступность играла весьма важную роль начиная с 20-х годов XX в. и действительно дестабилизировала целые регионы, криминальные деньги в конце концов были перенаправлены в законные виды деятельности. Я считаю, что, скорее всего, подобным путем пойдет и Мексика и что это в большой степени внесет свой вклад в экономический рост данной страны.

Нельзя сказать, что Мексике не грозит период нестабильности. В ближайшие годы здесь будет поставлена под сомнение способность государства контролировать картели, и Мексике будет угрожать внутренний кризис. Однако в долгосрочном плане, принимая во внимание все XXI столетие, Мексика справится с кризисом и будет извлекать выгоды из притока денег из США.

Наконец, обратив взор на население Мексики, мы видим не только продолжающийся рост в то время, когда он необходим для заполнения рабочих мест, но и мягкое сглаживание прироста населения к середине XXI в., которым характеризуется наступление социальной стабильности и ослабление демографического давления на общество. Структура населения Мексики в 30-х годах XXI в. обеспечит рост миграции в США и будет, таким образом, способствовать росту денежных переводов, а следовательно, и усилению накопления капитала, причем избытка населения в границах страны не возникнет. Хотя миграция не будет играть критически важную роль в развитии Мексики, она, несомненно, поддержит его.

Итак, мы видим, что Мексика, которая достигла некоторых европейских показателей по уровню жизни, на пути к порядку и устойчивости пройдет через неизбежный период нестабильности и роста. Затем, приблизительно в середине XXI в., когда большая часть земного шара будет охвачена войной, Мексика возникнет на глобальной арене как страна со зрелой, сбалансированной экономикой и стабильным населением (и войдет в число шести-семи крупнейших экономических держав планеты). Это положение будет поддержано

ростом военной мощи страны. Мексика станет лидирующей экономической державой Латинской Америки и (возможно, в свободном союзничестве с Бразилией) бросит вызов доминированию США на северной половине континента.

Мексиканская геополитика.

В 30-40-х годах XIX в. Мексика потеряла свои северные территории, которые отошли к США после Техасского восстания и американо-мексиканской войны. По сути, США получили все земли к северу от Рио-Гранде и пустыни Сонора. США не стали проводить этническую чистку на этих территориях: их население осталось на месте, постепенно к нему добавились новые поселенцы-американцы не испанского происхождения. Граница исторически была проницаема, через нее беспрепятственно могли проходить как американские, так и мексиканские граждане. Как я уже говорил, была создана классическая приграничная территория с четкими политическими, но весьма запутанными и невнятными культурными границами.

Положение Мексики никогда не позволяло ей попытаться обратить американских завоевателей вспять. Мексиканцы привыкли думать, что у них нет выбора, кроме как жить дальше после потери северных земель. Даже во время американской Гражданской войны, когда юго-запад был сравнительно незащищен, мексиканцы не предприняли никаких действий в этом направлении. В правление императора Максимилиана Мексика оставалась слабой и разобщенной. Для каких-либо действий у страны не хватало ни воли, ни силы. Когда во время Первой мировой войны немцы обратились к Мексике с предложением создать альянс против США с целью возврата земель Северной Мексики, мексиканцы ответили отказом. СССР и кубинцы, попытавшись создать в Мексике прокоммунистическое движение, чтобы угрожать южным границам США, потерпели фиаско. Мексика не могла выступить против США, и даже иностранным державам не удавалось вовлечь ее в это, поскольку Мексика была не в состоянии мобилизоваться.

Так происходило вовсе не потому, что в Мексике отсутствовали антиамериканские настроения. Эти настроения на самом деле укоренились очень глубоко, чего и можно ожидать, принимая во внимание историю отношений между двумя странами. Однако, как мы видели, настроения мало связаны с реальными возможностями. Мексиканцы были поглощены собственным фракционным регионализмом и политическими проблемами. Они также понимали бесполезность притязаний по отношению к США.

После 1848 г. великая стратегия Мексики была проста. Во-первых, ей нужно было поддерживать внутреннюю сплоченность, которой угрожали регионализм и бунты. Во-вторых — обезопасить себя против любого иностранного вмешательства, особенно со стороны США. В-третьих — получить назад земли, отвоеванные США, и, наконец, занять место США как доминирующей силы в Северной Америке.

В своих геополитических целях Мексика никогда не заходила дальше первого пункта. Со времен американо-мексиканской войны она просто пыталась сохранить внутреннюю целостность. После поражения Мексика потеряла равновесие и так никогда и не обрела его. В прошлом это происходило за счет американской политики, которая способствовала дестабилизации, однако особенно ослабило Мексику то, что она находилась рядом с динамически развивающимся гигантом. Силовое поле, созданное США, всегда формировало мексиканскую реальность сильнее, чем это делал Мехико.

В XXI в. когда-то дестабилизирующее соседство с США превратилось в уравнивающую силу. Америка все еще будет влиять на Мексику, однако отношения между двумя странами будут развиваться таким образом, что Мексика станет реально сильнее. К середине XXI в., по мере того как возрастет экономическая мощь Мексики, станет неизбежен и подъем мексиканского национализма, который, учитывая геополитические реалии, проявится не только в национальной гордости, но и в антиамериканских настроениях. Из-за американских программ, созданных для вытеснения мексиканских

иммигрантов из США, в то время как в Мексике падает рождаемость, США обвинят в проведении политики, которая вредит экономическим интересам Мексики.

Напряжение между США и Мексикой никогда не ослабевало. В 40-х годах XXI в. ситуация будет отличаться лишь в силу того, что мощь Мексики возрастет и, следовательно, увеличится ее уверенность и настойчивость. При сравнении сил двух стран преимущество останется за США — хотя и не настолько подавляющее, как полувеком ранее, однако к 70-м годам и это изменится. Мексика перестанет быть страной-инвалидом и превратится в крупную региональную державу, чего США, однако, не заметят. Во время войны в середине XXI столетия Вашингтон будет рассматривать Мексику лишь как потенциального союзника японо-турецкой коалиции. А когда подозрения окажутся беспочвенными, Вашингтон потеряет к Мексике всякий интерес. В эйфории и экономическом росте, который последует после войны, США будут сохранять традиционное безразличие к проблемам Мексики.

Правда, через какое-то время США, заметив, что Мексика начинает представлять угрозу, очень встревожатся тем, что происходит как внутри Мексики, так и среди мексиканцев на территории США, однако успокоятся в уверенности, что смогут навязать Мексике любое разрешение ситуации по собственному желанию. Напряжение между Мексикой и США, которое до сих пор не всплывало на поверхность, будет нарастать по мере усиления Мексики. США станут считать, что укрепление экономики южного соседа способствует стабилизации как Мексики, так и ее отношений с США, а поэтому и дальше будут поддерживать быстрое экономическое развитие Мексики. По сути, мнение американцев о Мексике как о государстве-клиенте останется неизменным.

К 80-м годам XXI в. США все еще будут самым сильным государством в Северной Америке. Но, как американцы будут осознавать снова и снова, даже очень сильный — не значит всемогущий. Закрывая глаза на этот факт, США могут быстро растерять свою мощь. В это время перед американцами встанет новая проблема, однако на этот раз она будет гораздо сложнее и тоньше, чем та, с чем они столкнулись во время войны в середине XXI века.

Никто из сторон не начнет планировать конфронтацию, поскольку у США не будет интересов в Мексике, а мексиканцы не станут питать иллюзий о том, насколько они сильны по сравнению с США. Однако противостояние органично вырастает из геополитической реальности двух стран. В отличие от большинства подобных региональных конфликтов, в данный конфликт будут вовлечены мировой гегемон и его сосед-выскочка, а призом победителя будет центр притяжения международной системы — Северная Америка. Конфронтацией будут управлять три фактора:

1. Мексика станет одной из важнейших экономических держав глобального масштаба. Занимая в начале XXI в. лишь 14-е или 15-е место по уровню экономического развития, к 80-м годам она твердо укрепится в рядах первой десятки. С населением в 100 миллионов человек она превратится в силу, с которой будут считаться во всем мире, за исключением южной границы США.

2. В 70-х годах XXI в. США столкнутся с очередным витком кризиса, который достигнет кульминации во время выборов 2080 г. Новые технологии в сочетании с рационализацией демографической кривой снизят потребность в новых иммигрантах. Власти начнут настаивать на возвращении на родину, в Мексику, временных иммигрантов даже в том случае, если эти люди приехали в США около 50 лет назад и уже обзавелись детьми и внуками. Следует отметить, что многие из них все еще будут заниматься черной работой. Таким образом, США начнут выдавливать давних поселенцев обратно в Мексику, загружая ее экономику самыми нежелательными работниками, которые к тому же многие годы были жителями США.

3. Несмотря на это, повернуть вспять массовое переселение людей на приграничных территориях не удастся. Доминирование мексиканцев (как граждан, так и не граждан США) будет постоянным. Те части Мексики, которые были оккупированы США в 40-х годах XIX столетия, с культурной, социальной и во многих смыслах политической точки зрения вновь

станут мексиканскими. Политика репатриации временных работников станет, по мнению американцев, законным процессом, однако мексиканцы будут считать ее этнической чисткой.

В прошлом Мексика вела себя достаточно пассивно перед лицом перемен в американской политике. Однако по мере того, как в 70-е годы XXI в. иммиграция станет главной проблемой США, или, иными словами, основным пунктом, вокруг которого будут вращаться выборы 2080 г., Мексика начнет вести себя беспрецедентным образом. Кризис в США и взросление мексиканской экономики совпадут и приведут к быстрому росту напряженности. Основной социальный и экономический сдвиг в США (который, к сожалению, затронет мексиканцев, живущих там) и крупнейшее перераспределение населения юго-западной части Америки приведут к кризису, который нелегко будет разрешить с помощью американских технологий и власти.

Кризис начнется как внутреннее дело Америки. США — демократическое общество, и в больших регионах страны англоязычная культура уже не будет доминировать. США станут страной двух культур, как Канада или Бельгия. Вторая культура не будет формально признана, однако она будет реально существовать, представлять собой не просто культурный феномен, а четко определенную географическую реальность.

Бикультурализм это проблема, если его игнорировать, как происходит, когда доминирующая культура отвергает идею его формализации, вместо этого пытаясь сохранить статус-кво. А особенно сложной проблемой бикультурализм становится, когда доминирующая культура начинает предпринимать шаги к уничтожению культуры меньшинства. И если культура меньшинства является, по сути, продолжением страны-соседа, которая считает, что ее граждане заселяют когда-то украденную у нее территорию, ситуация может стать взрывоопасной.

К 70-м годам XXI в. мексиканцы и лица мексиканского происхождения будут составлять доминирующую часть населения по крайней мере на две сотни километров к северу от американо-мексиканской границы в Калифорнии, Аризоне, Нью-Мексико и Техасе, а также на значительной части земель «мексиканской уступки». Обстановка в этом регионе будет отличаться от ситуации в других районах страны с большим количеством иммигрантов. Скорее, как бывает на приграничных территориях, он станет с культурной и во многих смыслах экономической точки зрения расширением Мексики в северном направлении. Во всех смыслах, кроме юридического, граница передвинется к северу.

Эти поселенцы не будут пеолами, лишены гражданских прав. Экономический рост Мексики и взрывное развитие американской экономики в 50-60-х годах приведут к тому, что поселенцы будут достаточно обеспеченными людьми. Кроме того, они станут способствовать торговле между США и Мексикой, то есть одному из самых прибыльных видов деятельности в конце XXI в. Эта группа будет доминировать не только в местных политических органах, но и в правительствах своих штатов (Аризоны и Нью-Мексико) и в большей части органов управления Калифорнии и Техаса. Только размер двух последних не позволит иммигрантам контролировать их полностью. В США появится субнациональный блок, вроде Квебека в Канаде.

По достижении определенной критической массы географически близкая группа населения приобретает уверенность в себе как отдельная величина внутри страны. Точнее, она начинает считать регион, в котором доминирует, особенным, и стремится добиться признания своих требований, основанных на этом статусе. Родственные связи в соседней стране заставят *часть этой группы ощущать свою* принадлежность к ней и считать, что они живут под иностранным владычеством. А по ту сторону границы, в соседнем государстве, может возникнуть движение за аннексию этой территории.

Данная проблема расколется блок американских мексиканцев. Одни его представители будут считать себя в первую очередь американцами. Другие станут нехотя разделять эти проамериканские настроения, но при этом думать, что находятся в Америке на уникальном положении, и просить законного признания этого статуса. Третью, самую

немногочисленную, группу составят сепаратисты. Такое же распределение начнет наблюдаться и в Мексике. Важно помнить, что в 30-х годах XXI в. нелегальная иммиграция в США практически прекратится, поскольку приток мигрантов получит поощрение на уровне национальной политики. Часть людей по обе стороны границы будут считать проблему чисто американской и постараются не иметь с ней ничего общего до тех пор, пока она не мешает мирным экономическим отношениям с Мексикой. Однако найдутся и те, кто станет считать демографические проблемы в США поводом к пересмотру отношений Мексики и США. В обмен на политику «руки прочь от миграции» кто-то захочет, чтобы США пошли на уступки Мексике в других вопросах. А меньшинство будет поддерживать аннексию. Между Вашингтоном и Мехико развернется сложная политическая борьба, и каждая сторона будет манипулировать ситуацией по другую сторону границы.

На выборах победит большое количество сенаторов и представителей мексиканского происхождения. Многие из них станут воспринимать себя не законодателями, волей случая имеющими мексиканское происхождение и при этом представляющими свои штаты, а скорее, представителями мексиканского сообщества, живущего на территории Соединенных Штатов Америки. Подобно Parti Quebecois⁶ в Канаде, они будут считать регионы своего проживания представительством конкретной нации, живущей в США. Региональный политический процесс начнет отражать эту новую реальность. Возникнет Partido Mexicano⁷, которая будет посылать своих представителей в Вашингтон как отдельный блок.

Такое состояние дел ускорит полное изменение политики иммиграции в 70-х годах XXI в. и выборы, которые пройдут в 2080 г. Кроме демографической потребности переоценки иммиграционной политики 30-х годов XXI в., сам процесс пересмотра приведет к радикализации юго-запада страны. Обострение ситуации, в свою очередь, испугает остальных американцев и приведет к росту антимексиканских настроений. По большей части люди будут бояться, что результаты Техасской революции и американо-мексиканской войны, остающиеся в силе уже более двух столетий, могут быть пересмотрены, что вызовет в США враждебность как к американским мексиканцам, так и к Мексике.

Этот страх не будет иррациональным. Юго-запад США — это оккупированная территория, на которую американские поселенцы стекались с середины XIX в. по начало XXI в. С начала XXI столетия поток мексиканских переселенцев начал менять направление, и новые иммигранты из Мексики присоединяются к тем мексиканцам, которые никогда отсюда не уезжали. Таким образом, движение населения повернуло вспять социальную реальность, навязанную в XIX в. военным путем. Американцы принудительно создали военно-политическую реальность и затем сформировали подходящую к ней демографическую. Мексиканцы, больше за счет американской политики, чем чего-либо еще, создадут новую демографическую реальность и займутся обсуждением нескольких вариантов: попытаться ли повернуть вспять навязанную Америкой военно-политическую реальность; создать новую, уникальную реальность или принять то, что существует здесь и сейчас. Американцы начнут размышлять о том, стоит ли развернуть вспять демографическую ситуацию и вернуть население в государственные границы.

Однако все эти разговоры будут вестись в контексте прежних границ. Границы не изменятся лишь потому, что мексиканцы по обе их стороны говорят об этом, подобно тому, как демографическую реальность не поменять одним лишь желанием американцев. Границу будет укреплять мощнейшая политическая и военная сила — Вооруженные силы США. Мексиканское население земель «мексиканской уступки» пустит глубокие корни в экономической жизни Соединенных Штатов. Если убрать мексиканцев — возникнет

⁶ Партия, опирающаяся на франкофонов и выступающая за национальный суверенитет провинции Квебек. — *Примеч. пер.*

⁷ Мексиканская партия (исп.) — *Примеч. пер.*

всеобщая нестабильность. Статус-кво будут поддерживать влиятельные силы, и не менее влиятельные — противостоять ему.

Сильнейшая отрицательная реакция остальной части США запрет границу и усилит напряжение. По мере того как промексиканские настроения будут все больше накаляться, то же самое произойдет и с проамериканскими. Разногласия в сообществах американских мексиканцев по всей стране будут все менее заметны. В Мексике о США начнут судить по высказываниям более радикально настроенных политиков из Вашингтона, а некоторые достаточно разумные и осуществляемые с лучшими намерениями попытки отдельных политиков прийти к умеренному компромиссу будут считаться предательством фундаментальных интересов одной или другой стороны, а иногда и обеих сразу. Фундаментальные геополитические споры редко можно разрешить с помощью разумного компромисса — стоит вспомнить хотя бы арабо-израильской конфликт.

На фоне подобного развития событий граждан Мексики, живущих в США по временным визам, выданным многие десятилетия назад, заставят вернуться на родину, вне зависимости от того, сколь долго они прожили в Америке. США развернут на мексиканской границе усиленные устройства слежения — не для того, чтобы не пускать иммигрантов, поскольку к этому моменту уже никто не будет пытаться пробраться сюда, а чтобы вбить клин между Мексикой и этническими мексиканцами в США. Эти шаги будут представлены как мера безопасности, однако на самом деле они окажутся методом насаждения реальности, созданной еще в 1848 г. Подобные шаги будут, естественно, раздражать мексиканцев по обеим сторонам границы, подогревать настроения радикалов и представлять угрозу для жизненно важной торговли между двумя странами.

Внутри Мексики будет расти политическое давление, заставляющее правительство страны отстаивать свои права. В Мексике возникнет фракция, стремящаяся аннексировать оккупированный район, вернув Мексике американские завоевания 1848 г. Это будет не малочисленная группа радикалов, а крупная, едва ли не доминирующая фракция политиков. Часть политиков начнет требовать, чтобы США сохранили контроль над регионами в границах «мексиканской уступки» и защитили права мексиканцев, проживающих на территории США, в особенности прекратили изгнание мексиканцев, вне зависимости от статуса их визы. Группа, стремящаяся к сохранению статуса-кво — под руководством бизнеса, которому выгодна стабильность, — будет постепенно слабеть. Призывы к аннексии завершатся требованием региональной автономии.

Враждебные мексиканцам элементы в США используют радикализацию мексиканской политики для заявлений, что эта страна стремится вмешаться во внутренние дела Америки и даже захватить юго-запад, к чему самые радикально настроенные мексиканцы действительно будут призывать. Это, в свою очередь, оправдает требования американских экстремистов о введении еще более драконовских мер, в том числе депортации всех этнических мексиканцев, независимо от гражданского статуса, и завоевании Мексики в случае сопротивления ее правительства. Риторика на границах будет подпитывать себя, управляя этим процессом.

Давайте проиграем ситуацию дальше, представив себе, как может разворачиваться данный конфликт, однако не будем забывать и о том, что в нашей власти — только воображать его подробности.

В 80-х годах XXI в. в Мехико начнутся антиамериканские демонстрации. Они также пройдут в Лос-Анджелесе, Сан-Диего, Хьюстоне, Сан-Антонио, Фениксе и других городах на приграничных территориях, которые станут по большей части мексиканскими. Их основной причиной будет являться нарушение прав этнических мексиканцев, получивших гражданство США. Однако будут и те, кто выйдет на улицы с требованием аннексии территорий в США, где преобладает мексиканское население. Небольшая радикальная фракция мексиканцев в США начнет проводить диверсионные акты и мелкие террористические акты в региональных государственных учреждениях. Эти террористические акты, не имеющие поддержки ни правительства Мексики, ни правительств

штатов, где доминируют мексиканцы, ни большинства мексиканцев по обе стороны границы, будут восприниматься как первые признаки бунта и отделения региона. Американский президент, под сильным давлением требований взять ситуацию под контроль, привлечет к защите федеральной собственности в этих штатах Национальную гвардию, объявив о том, что она будет подчиняться федеральному правительству.

В Нью-Мексико и Аризоне губернаторы, однако, будут продолжать утверждать, что национальная гвардия отчитывается перед ними, и откажутся выполнять приказ о ее подчинении федеральному правительству. Вместо этого они прикажут Национальной гвардии защищать федеральные учреждения, однако при этом будут настаивать, чтобы ее силы остались под контролем штата. Подразделения гвардии в этих штатах (по большей части мексиканские) останутся в подчинении губернаторов. В конгрессе потребуют, чтобы это признали неповиновением. Президент будет сопротивляться, но попросит конгресс позволить проведение мобилизации американских войск в этих штатах, что приведет к прямой конфронтации между Национальной гвардией и подразделениями вооруженных сил США.

По мере того как ситуация начнет выходить из-под контроля, проблема усугубится, когда президент Мексики (который больше не может противостоять требованиям совершить какие-нибудь решительные шаги) мобилизует мексиканскую армию и пошлет ее на север к границе с США. Его будет оправдывать то, что вооруженные силы США уже мобилизованы вдоль мексиканской границы и он хочет предотвратить беспорядки и осуществлять согласованные с Вашингтоном действия. На самом деле причина будет лежать глубже. Президент Мексики начнет опасаться, что американская армия возьмется за мексиканцев (граждан США, держателей зеленых карт и тех, кто находится там по визе) в этих районах и заставит их перейти мексиканскую границу. Мексика не захочет, чтобы ее накрыло волной беженцев. Кроме того, президента Мексики будет страшить перспектива, что в США мексиканцев лишат ценной собственности.

После мобилизации мексиканской армии американские военные будут приведены в полную боевую готовность. Вооруженные силы США не привыкли поддерживать порядок среди враждебно настроенного мирного населения, особенно среди граждан США. Однако они прекрасно умеют нападать на армии врага и уничтожать их. Поэтому военно-воздушные силы и наземные войска США сосредоточатся на возможности конфронтации с многочисленными войсками, стянутыми к мексиканской границе.

Ситуация разрядится встречей двух президентов, после которой станет понятно, что на самом деле ни один из них не хочет войны. В реальности никто из власть имущих не захочет развертывания кризиса на юго-западе США. Однако проблема останется: в ходе этих переговоров, как бы обе стороны ни хотели возврата к докризисному статус-кво, на деле, президент Мексики будет высказываться от имени американских граждан мексиканского происхождения, живущих в США. В снижении напряженности сыграет свою роль обсуждение статуса мексиканцев на землях «мексиканской уступки». К тому моменту, как дискуссия свернет к ослаблению кризиса, уже решится вопрос, кто будет представлять мексиканцев на территории «мексиканской уступки», а именно — президент Мексики.

Хотя кризис 80-х годов XXI в. пойдет на убыль, проблема, вызвавшая его, так и не разрешится. На карту будут поставлены приграничные территории, и в то время как у мексиканцев не хватит сил навязать военное решение проблемы, американское правительство не сможет справиться с нею политическим путем. Введение американских войск в регион и его дальнейшее патрулирование (как будто это зарубежная страна) изменит его статус в глазах общественности. То, что Мексика будет вести переговоры от лица жителей этого региона, укрепит предубеждение. Радикальное сепаратистское движение на данных территориях, финансируемое мексиканскими националистами, будет и дальше усугублять ситуацию, особенно когда отдельные террористические группы начнут осуществлять случайные взрывы и похищать людей — не только на землях «мексиканской уступки», но и по всей территории США. Вновь возникнет вопрос мексиканского

завоевания. Регион все еще будет частью США, однако многие начнут вслух обсуждать вопрос о его лояльности.

Изгнание десятков миллионов человек — не вариант, это невозможно с точки зрения логики и будет иметь разрушительные последствия для США. Однако в то же время исчезнет ощущение, что люди мексиканского происхождения являются простыми гражданами США. Многие уже не будут считать себя таковыми, как и жители остальных американских штатов. Политическая ситуация начнет приобретать все большую радикальность.

Приблизительно к началу 90-х годов XXI в. мексиканские радикалы станут причиной возникновения нового кризиса. В результате изменения конституции Мексики, живущим за пределами страны мексиканцам (по происхождению и культуре), вне зависимости от их гражданства, будет разрешено принимать участие в выборах в мексиканские органы власти. В рамках нового закона избирательные участки будут организованы за пределами Мексики, так что, например, мексиканцы, живущие в Аргентине, смогут голосовать за кандидата в конгресс Мексики, представляющего их интересы.

Множество живущих в США мексиканцев получат право голоса (а на это и будут направлены изменения), и земли «мексиканской уступки» будут поделены на избирательные участки, так что в конгрессе Мексики появится около двадцати конгрессменов от Лос-Анджелеса и пяти от Сан-Антонио. Мексиканские сообщества станут оплачивать выборы из частных средств, и останется неясным, будут ли они нарушать законы США. Конечно, несмотря на ярость, кипящую в остальной части страны, федеральное правительство побоится вмешиваться. Кроме того, в 2090 г. пройдут своим чередом выборы в конгресс США, и «американские» мексиканцы будут голосовать за конгрессменов как в Вашингтоне, так и в Мехико. В некоторых случаях один человек будет выбран в два конгресса. Ловкий шаг — поставить США в оборонительную позицию, лишив их возможности принимать адекватные контрмеры.

К этому времени внутренняя ситуация в США осложнится: страна столкнется с возможностью конфронтации с Мексикой, усиленно вооружающейся из опасений, что США попытаются решить свои проблемы путем военного конфликта. Американцы понадеяются на свое огромное преимущество в космосе, однако на земле превосходство окажется у мексиканцев. Армия США будет не особенно велика, а для того, чтобы контролировать такой город, как Лос-Анджелес, нужны самые обычные пехотинцы.

В ответ на ввод армии США по всему региону возникнут военизированные группы мексиканцев, которые не исчезнут и после вывода войск. Из-за сильной милитаризации приграничных территорий возникнет вполне реальная возможность, что эти группы нарушат линии поставок, изолируя американских военных у границы. США будут в состоянии уничтожить армию Мексики, однако это не значит, что они смогут усмирить собственные юго-западные территории или, если уж на то пошло, саму Мексику. В то же время Мексика начнет запуск в космос собственных спутников и построит беспилотные летательные аппараты.

Что касается международной реакции на эту ситуацию, то мир предпочтет наблюдать за событиями со стороны. Мексиканцы будут надеяться на поддержку из-за рубежа, и Бразилия, которая сама по себе превратится в существенную силу, проявит некоторую солидарность с Мексикой. Но поскольку втайне весь мир будет надеяться, что Мексика оттаскает своего соседа «за нос», никто не будет ввязываться в столь важную для США проблему. Мексика останется в одиночестве. Она примет стратегическое решение и дальше представлять собой проблему на американской границе, в то время как другие державы бросят вызов США на иных театрах. Поляки сильно обижены на американцев, а новые, поднимающиеся страны (как, например, Бразилия), почувствуют, что Америка душит их ограничениями, наложенными на космические разработки.

Мексиканцы не смогут начать войну с США до тех пор, пока не сравняются с ними в военной мощи. Мексике понадобится коалиция, а создание коалиции требует времени.

Однако Мексика будет иметь огромное преимущество: внутренняя обстановка в США окажется беспокойной, и хотя дело не дойдет до беспорядков, напряженность будет отнимать энергию и ограничивать возможности США. Завоевание и поражение Мексики не решит этой проблемы и может лишь усугубить ее. Неспособность Америки решить свою проблему станет важнейшим преимуществом Мексики, которое позволит ей выиграть время.

Американо-мексиканская граница отдалится от территории Мексики. Реальная социальная граница между двумя странами будет находиться на сотни километров к северу от юридической. И дело в том, что, даже если Соединенные Штаты смогут нанести Мексике военное поражение, их основная дилемма не будет решена. Мексиканская проблема превратится для США в безнадежный тупик.

В основу всех этих событий ляжет вопрос, с которым США пришлось столкнуться сразу после своего возникновения: где должна находиться столица Северной Америки — в Вашингтоне или в Мехико? Сначала нам покажется, что предпочтительнее второй вариант. Затем, века спустя, станет очевидно, что первый. И вновь этот вопрос возникнет. Его решение можно отложить, однако уклоняться от него вечно не удастся.

В XVII в. такой же вопрос стоял перед Испанией и Францией. Испания 100 лет правила единолично, доминируя в Атлантической Европе и мире до тех пор, пока новая сила не бросила ей вызов. Кому же обладать всей полнотой власти — Испании или Франции? Спустя 500 лет, в конце XXI в., доминированию США исполнится более 100 лет. И Мексика начнет поднимать голову. Кому в дальнейшем станет принадлежать власть? США будут управлять небесами и морем, однако угроза со стороны Мексики придет с земли, и возникнет опасность, которую может представлять только Мексика, — угроза внутри границ самих США. Умения бороться с этой угрозой у американских военных не окажется. Поэтому, когда XXI в. приблизится к закату и станет ясно, что Северная Америка — центр притяжения международной системы, ребром встанет вопрос: кто будет контролировать Северную Америку? Ответом на него явятся события XXII в.

Эпилог

Кому-то может показаться, что разговор о том, что поднимающая голову Мексика в конце концов бросит вызов гегемонии США, — несколько притянут за уши. Однако подозреваю, что и наш современный мир показался бы людям, жившим в начале XX в., также притянутым за уши. Как я написал в предисловии к этой книге, когда мы пытаемся предсказывать будущее, здравый смысл почти всегда нас предает — стоит только взглянуть на потрясающие перемены, произошедшие в течение XX в., и постараться предсказать их с помощью здравого смысла. Сразу станет очевидно, что строить прогнозы на будущее следует, прежде всего поставив под сомнение ожидаемое.

Люди, родившиеся сегодня, будут жить и в XXII в. Когда я рос в 50-х годах XX в., то следующее столетие ассоциировалось лишь с научной фантастикой, а не с той реальностью, в которой пройдет моя жизнь. Практичные люди сосредотачиваются на завтрашнем дне и оставляют века мечтателям. Однако правда оказалась в том, что для меня XXI в. повернулся весьма практичной стороной и немалая часть моей жизни охвачена событиями этого времени. И то, что сейчас на подходе история нового века, его войны, его технологические изменения, социальные трансформации, поразительно меняет мою жизнь. Я не погиб в ядерной войне с Советами, хотя был свидетелем многих войн, большинство из которых никто не мог предсказать. «Джетсоны»⁸ не определяли жизнь в 1999 г., однако я пишу эти слова на компьютере, который могу удержать одной рукой и который, обходясь без проводов, за секунды умеет получать информацию со всего мира. Организация

⁸ «Джетсоны» (The Jetsons) — мультипликационный сериал, созданный в 1962 году американской мультипликационной студией «Ханна-Барбера» (Hanna-Barbera). — *Прим. пер.*

Объединенных Наций не решила проблем человечества, однако статус чернокожих и женщин претерпел разительные изменения. То, чего я ожидал и что произошло, совершенно не совпало.

Оглядываясь назад, в XX в., мы видим то, в чем можем быть уверены, что было вполне вероятно и что осталось неизвестным. Мы можем быть уверены, что национальные государства и дальше будут способом организации человечества в нашем мире. Мы полагаем, что войны могут стать более смертоносными. Альфред Нобель знал, что его изобретение превратит военные действия в бесконечный ужас, это знал и я. Мы стали свидетелями революционных изменений в том, как мир стал общаться и путешествовать — радио, автомобили и самолеты уже существовали, и чтобы увидеть, что они будут значить для завтрашнего мира, требовалось только воображение и желание верить. Нам нужно было лишь подавить свой здравый смысл.

Зная, что войны неизбежны и что с течением времени они становились только страшнее, несложно было предположить, кто с кем будет воевать. Вновь объединившиеся европейские силы — Германия и Италия — и вновь развивающая свою промышленность Япония попытались переопределить международную систему, которую контролировали страны Атлантической Европы, главным образом Британия и Франция. И по мере того, как эти войны раздирали Европу и Азию, несложно было предположить (и многие прогнозировали это), что Россия и Америка станут крупнейшими мировыми гегемонами. То, что последовало за этим, более туманно, однако также доступно воображению.

В начале XX в. писатель-фантаст Герберт Уэллс описывая оружие, которым будут вести сражения будущие поколения. Для этого ему нужно было лишь взглянуть на уже разработанные, готовые для практического внедрения технологии и включить их в войны будущего. Но вообразить можно не только технологические достижения. Военные игры в Военно-морском колледже США и японских оборонных войсках помогут очертить контуры будущих боев между США и Японией. Германские генералы перед обеими мировыми войнами прогнозировали их вероятный ход и риски. Уинстон Черчилль предвидел последствия войны: потерю Британской империи и будущую холодную войну. Никто не мог представить себе точные подробности событий, однако основные принципы XX в. можно было почувствовать.

Именно это я попытался сделать в своей книге — почувствовать XXI в., опираясь в первую очередь на геополитику. Я начал с вечного: с постоянства человеческой природы, балансирующей между небесами и адом. Затем я стал искать долгосрочные тенденции и нашел их в закате и упадке Европы как центра мировой цивилизации, приходе ей на замену Северной Америки и доминирующей в этом регионе силы — США. Предположив подобное кардинальное изменение расклада сил международной системы, несложно разглядеть и характер США — своевольный, незрелый и блестящий, и реакцию на него остального мира — страх, зависть и сопротивление.

Затем я сосредоточился на двух вопросах: первый — кто же окажет сопротивление новому гегемону; второй — как США отреагируют на этот отпор. Противостояние будет возникать волнами, продолжая короткие сменяющие друг друга периоды XX в. Сначала в ряды несогласных встанут страны ислама, затем Россия, потом коалиция новых сил (Турции, Польши и Японии) и наконец Мексика. Дня того чтобы понять, как будут реагировать США, я изучил процессы, складывающиеся в американском обществе в 50-летние циклы (которые сменяют друг друга последние несколько сотен лет), и пытался представить себе, какими будут 30-е и 80-е годы XXI в. Это позволило мне уловить радикальную социальную перемену, которая происходит в настоящее время, — прекращение роста населения, — и представить себе, что она будет значить для будущего. Я также попытался вообразить, как новые, уже существующие технологии станут ответом на социальные кризисы — сделать это мне позволила связь, которую я заметил между развитием робототехники и получением солнечной энергии в космосе.

Чем ближе мы подойдем к деталям, тем скорее ошибемся — я, как никто другой, знаю

это. Но моя задача — как я ее вижу — передать читателю ощущение от предстоящего в XXI в., дать возможность почувствовать его события. Я могу во многом ошибаться. Я могу быть не прав и в том, какие страны обретут большую мощь и как они будут сопротивляться США. Но я совершенно уверен, что положение Америки в международной системе станет самым спорным вопросом XXI в. и что другие страны попытаются бороться с ее подъемом. В конце концов, если мне придется выделить самое важное в этой книге, я скажу, что это США — которые далеки от упадка и уже начали свой подъем.

Важно, что эта книга вовсе не ставит своей целью восхваление США. Я сторонник американского режима, но не из Конституции или федералистских документов США черпают свою силу. Эту силу дают Америке сопротивление генерала Джексона при Новом Орлеане, поражение генерала Санта-Анна при Сан-Джасинто, аннексия Гавайских островов и передача США британских военно-морских баз Западного полушария в 1940 г. — наряду с уникальными географическими чертами, анализу которых я посвятил много места на этих страницах.

Одной важной проблемы я здесь не касался. Любой читатель заметит, что в этой книге я ни слова не сказал о глобальном потеплении. Я сделал это намеренно. Я верю, что температура на Земле становится выше, и, поскольку ученые сказали нам, что дискуссия окончена, я с готовностью признаю, что глобальное потепление вызвано человеком. По словам Карла Маркса, человечество не ставит перед собой проблем, для которых у него еще нет решения. Не знаю, верно ли это всегда, но в этом случае, кажется, так и есть.

Два момента позволяют людям справиться с глобальным потеплением. Во-первых, прекращение роста населения за несколько десятилетий снизит практически любой спрос. Во-вторых, рост расходов на добычу и использование углеводородов заставит все активнее искать альтернативные виды топлива. Очевидная альтернатива — солнечная энергия, но мне ясно, что на Земле получить солнечную энергию будет не так просто. Однако большинства препятствий не существует, если получать солнечную энергию на орбите в космосе. Ко 2-й половине XXI в. мы станем свидетелями демографических и технологических изменений, которые будут связаны с решением этого вопроса. Другими словами, уменьшение численности населения и поступление преобладающего количества энергии из космоса совместно решат проблему. Ее решение вообразимо уже сегодня, оно станет непреднамеренным последствием других процессов.

Эта книга написана именно о непреднамеренных последствиях. Если люди смогут решить, что и в какой момент они хотят делать, прогнозирование станет невозможным. Свободу невозможно прогнозировать. Но самое интересное, что человек удивительно несвободен. Сегодня люди вольны иметь по 10 детей, но этого никто не делает. В наших действиях мы по рукам и ногам связаны временем и местом, в котором живем. И действия, которые мы совершаем, ведут к последствиям, которых мы не предполагали. Инженеры NASA, впервые используя микрочип, для того чтобы построить компьютер на борту космического корабля, вовсе не собирались создавать iPod.

Я писал эту книгу, держа в голове границы поведения, навязанные людям и нациям, пытаясь понять, как эти границы заставляют их поступать в тех или иных случаях, и затем представить себе непреднамеренные последствия их поступков. Передо мной было бесконечное множество неизвестных, но я понимал, что ни один прогноз на следующее столетие не может быть полным или безоговорочно верным. И все же, если в этой книге мне удалось дать читателю представление о рамках, в которые будет поставлено человечество, его вероятной реакции и результатах его действий в более широком плане — я буду доволен.

Мне было очень странно писать эту книгу, ведь я никогда не узнаю, правдой она обернется или ложью. Поэтому я пишу для своих детей и даже для внуков, которые уж точно будут это знать. Если моя книга как-то поможет им, я буду к их услугам.

Выражение благодарности

Если бы не мои коллеги по компании Stratfor, у меня никогда бы не появилась мысль написать эту книгу, и уж тем более я не стал бы пытаться воплотить замысел в жизнь. Мой друг Дон Кьюкендолл постоянно проявлял настойчивость и оказывал поддержку. Скотт Стригер проявил терпение и изобретательность как картограф. Все сотрудники компании старались помочь мне и сделать эту книгу как можно лучше. Особой благодарности заслуживают Роджер Бейкер, Рева Бхалла, Лорин Гуддрич, Нейт Хьюз, Аарик Эйнштейн и Колин Чэпмен. В частности, хочу поблагодарить Питера Зейхана, основательные критические замечания которого хотя и вызывали у меня раздражение, но были исключительно полезны. За пределами сообщества Stratfor я хотел бы поблагодарить Джона Модлина и Густава Молнара, которые научили меня смотреть на вещи другими глазами. Сьюзен Коупленд приложила все силы к тому, чтобы книга была написана, а многое другое — сделано.

Наконец, я благодарю Джима Хорнфишера, моего литературного агента, и Джейсона Кауфмана, работавшего над редактированием книги в издательстве Doubleday. Оба они сделали очень многое, чтобы моя рукопись стала понятна читателям. Роб Блум обеспечил объединение разрозненных фрагментов книги в единое целое.

Создавать эту книгу помогали многие люди, но за все ее недостатки несу ответственность только я.

Образ нежеланного завтра

Федор Лукьянов, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», член президиума Совета по внешней и оборонной политике.

В июле 2000 года на Окинаве собрался очередной саммит «Большой восьмерки» — последний в XX веке. Коммюнике заседания просто-таки лучится оптимизмом. Кажется, что вместе с завершающимся столетием в прошлое уходят все его жестокие проявления. Участники обсуждают информационное общество, затрагивают различные аспекты проблемы здоровья, говорят о старении, биотехнологиях и геноме человека. Лишь последний, самый лаконичный раздел посвящен политическим и стратегическим вопросам: предотвращение конфликтов (два абзаца), разоружение, контроль над вооружениями и нераспространение ядерного оружия (через запятую), наконец терроризм — три коротеньких пункта.

Мировой истеблишмент полагает, что политические проблемы в целом решены, «верный курс» в направлении свободы и демократии взят. Пункт 2 — настоящий эталон самодовольства: «Мировая экономика достигла беспрецедентного уровня благосостояния, холодная война закончилась, и вследствие глобализации в сообществе нарастает чувство здравого смысла». До 11 сентября 2001 года, дня, который открыл новую эпоху неуверенности и нестабильности, остается чуть больше года.

Джордж Фридман, автор книги «Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века», откровенно потешается над теми, кто в силу приверженности стереотипам и недостатка воображения пытается строить прогнозы, исходя из текущего состояния вещей. Приводимая вначале хронология XX века наглядно демонстрирует, насколько быстро меняются обстоятельства и, соответственно, их проекция в будущее. Автор сознательно разбивает столетие на условные 20-летние отрезки, создавая у читателя ощущение прерывистости времени и событий. В полном изложении все выглядит более последовательно, и логика четко прослеживается, многие вроде бы непредсказуемые явления выглядят неизбежными. Это, однако, видно задним числом. Находясь внутри событийного потока, двигаясь по его течению, трудно понять широкий контекст, уловить общую закономерность — обилие деталей, помноженное на инерцию мышления, отвлекает от сути.

Джордж Фридман уверен в том, что калейдоскоп кажущихся хаотическими перемен диктуется железными законами геополитики. «Характер нации (как и отношения между

народами) во многом определяется географией», — пишет автор. И делает вывод: «Политики редко обладают свободой действий. Их поступки предопределены обстоятельствами, а государственная политика является ответом на фактически сложившуюся обстановку».

Фридман сравнивает свой подход с либеральным представлением о «невидимой руке» рынка, которая движет экономическое развитие в определенном направлении. Для геополитиков такая же «невидимая рука» руководит поведением народов и других международных игроков. Цели незыблемы — державы всегда стремятся либо к экспансии, либо к защите контролируемой территории. А поскольку измениться может все, кроме географии, неизбежно воспроизводство тех же конфликтов. Отсюда предрекаемые Фридманом войны США с Японией (как в XX веке) и Мексикой (как в XIX веке), противостояние с Москвой в Евразии по модели холодной войны и последующий необратимый распад России, турецкая экспансия на север и запад *a la* Османская империя, фрагментация Китая, аналогичная его состоянию до провозглашения КНР, и период новой изоляции и ре-централизации, наконец, антиамериканская коалиция Турции и Японии (разновидность «держав оси» эпохи Второй мировой войны).

Как любая жесткая схема, геополитический подход грешит упрощениями, а наличие заранее сформулированного вывода (в случае Фридмана — безальтернативный характер американского лидерства) заставляет избирательно подходить к фактам. В книге хватает откровенных натяжек, иногда из-за пренебрежения к деталям, иногда из-за желания выстроить нужную цепочку, даже если для этого что-то приходится игнорировать. Так, Фридман не верит в то, что глобализация с ее тотальной взаимозависимостью и проницаемостью государств перед внешними влияниями хоть на йоту меняет характер мировых процессов.

Настаивая на неизбежности окончательной дезинтеграции Российской Федерации и дробления постсоветских государств, Джордж Фридман накладывает на недалекое российское будущее советские лекала, не видя отличий. Судьба огромной территории после предполагаемого развала России практически не затронута, автор лишь констатирует наступление тотального «браконьерства». Маловразумительное описание противоречит его же утверждению о крайней важности положения дел в Евразии. Примечательно, что Фридман даже не упоминает о проблеме, считавшейся чуть ли не главной в момент распада Советского Союза, — судьбе огромного ядерного потенциала России и его влияние на мировую безопасность. Он отчего-то вообще не считает ядерное оружие, несмотря на его неизбежное распространение, важным военно-политическим фактором XXI века.

Карикатурна предрекаемая Фридманом война «польского блока» против расширившейся и укрепившейся Турции. Непонятно, почему вдруг под началом Варшавы объединится вся неоднородная Восточная Европа, тем более что, согласно вышеизложенному, консолидирующей ее российской угрозы к тому времени уже не будет. Не придается значения Ирану, хотя его потенциал стоило бы как минимум учесть при описании евразийского пасьянса. Фридман априори считает, что Соединенные Штаты обуздают амбиции Тегерана, а возможность участия Ирана в какой-то антиамериканской коалиции (что допускается для других стран) почему-то не рассматривается.

Описание мировой войны середины века комментировать бессмысленно — автор впадает в детский азарт, увлекаясь передвижением фишек и рисованием разноцветных стрелок на карте. Стоит отметить его веру в высокоточные вооружения, размещенные в космосе. Эпоха кровопролитных войн с массовыми жертвами останется в прошлом, судьба сражений решится точечными ударами по инфраструктуре. По поводу роли космоса спорить трудно, а вот «гуманные» войны обещали уже в Афганистане и Ираке, но пока без результата, да и технологические боевые действия, оказывается, мало что дают без «старых добрых» наземных операций со всеми вытекающими последствиями.

Наконец, будущее великодержавие Мексики связано исключительно со стремлением «замкнуть» цикл милой сердцу Фридмана историко-географической предопределенности. Если когда-то противостояние с Мексикой дало старт восхождению Америки к мировому

господству, то на новом витке оно обязательно случится вновь. Выбирая Соединенным Штатам соперника в Западном полушарии, автор сразу указывает на Мексику, отбрасывая Бразилию, потенциал которой уж никак не меньше.

Впрочем, всерьез спорить с Фридманом не имеет смысла. Его фабула — лишь способ нагляднее представить понимание автором «приводных ремней», при помощи которых вращаются шестерни политического развития. И наибольший интерес представляет не прогноз, а тенденции, точно подмеченные Джорджем Фридманом.

Фридман brutally откровенен, описывая американскую стратегию. Многочисленные недруги Вашингтона горячо согласятся с тем, что Соединенные Штаты — воинственная и агрессивная держава, они делают ставку на абсолютное военное превосходство и заинтересованы в том, чтобы, поддерживая хаос в Евразии, предотвратить появление страны, способной бросить вызов. Фридман справедливо замечает, что сущность международной системы заключается в ее стремлении не допустить гегемонии. Но не предвидит даже возможности возникновения в какой-то момент коалиции стран, которые всерьез вознамерятся остановить Соединенные Штаты. Фактически он исходит из презумпции американского превосходства.

Убедителен анализ демографических изменений. Способность США привлекать иммигрантов и переплавлять их в единую нацию — огромное преимущество в условиях, как верно констатирует Фридман, будущей острой конкуренции за человеческие ресурсы. При этом он лишь вскользь, в контексте противостояния с Мексикой, затрагивает вопрос о том, как по причине демографии изменится национально-государственная идентичность стран. Например, будут ли Соединенные Штаты, в которых граждане с европейскими корнями составляют меньшинство, тем же государством, что и раньше?

То же касается и Европы, где население, в отличие от Америки, убывает, а «плавильный котел» работает отнюдь не столь эффективно. Фридман не видит перспектив ни у Европейского союза, ни у НАТО, и с этим трудно спорить. Интеграция уперлась в неготовность европейских наций отказываться от суверенитетов, а североатлантический альянс в отсутствие советской угрозы не только потерял боеспособность (если она у него, конечно, была раньше), но и раскололся на группы стран, имеющих практически несовместимые представления об угрозах. США намерены использовать блок для укрепления своих позиций по всему миру, Западная Европа категорически не воинственна и предпочитает говорить о «мягких» опасностях от изменения климата до миграции, а Восточная Европа видит угрозу только в России. Хотя описание «польского блока» несколько анекдотично, Фридман верно идентифицирует проблему — по мере деградации НАТО государства, опасаясь России, станут стремиться обеспечить безопасность за счет прямого военного альянса с Соединенными Штатами. Тем самым Москва получит недружественный «буфер» вдоль своих границ и будет отсечена от основных экономических и политических партнеров в Западной Европе, что неминуемо создаст напряжение.

Фридман отвергает клише начала века, например одержимость борьбой с «международным терроризмом». Он совершенно прав, говоря о том, что рост терроризма был не причиной, а следствием нестабильности, возникшей после распада биполярной модели, и исламский мир не будет нести системную опасность. При этом, правда, автор слишком уж легко отмахивается несистемные, но весьма неприятные угрозы, которые связаны с политическим возрождением «третьего мира» и способны повлиять на глобальные процессы. Другой стереотип, в который не верит Фридман, это неизбежность подъема Китая и Азии до вершин международной иерархии. Анализ слабостей КНР, пожалуй, наиболее интересная часть книги, хотя святая вера автора в повторяемость событий не позволяет ему, вопреки его же призыву к воображению, предположить способность правительств извлекать уроки и модифицировать алгоритм поведения. Кроме того, например, убедительно доказывая экономическую уязвимость Китая, привязанного к американскому рынку, автор не желает видеть обратный эффект — для США Пекин критически важный и незаменимый кредитор.

Россия, согласно Фридману, не входит в число ведущих держав XXI века. Он

предполагает, что нынешние усилия Москвы по восстановлению влияния на постсоветском пространстве увенчаются успехом, но удержать вновь обретенное страна уже не сможет и рухнет от перенапряжения, не выдержав конкуренции. Правда, параллельно автор предрекает упадок Китая и совершенную сумятицу в Европе, так что эту самую острую конкуренцию Кремлю, по его мнению, составят только Соединенные Штаты, стремящиеся к дроблению Евразии. Стоит заметить, что предыдущий раунд такого дробления имел для США неоднозначный эффект — сначала геополитический триумф, а затем увязание в болоте региональных конфликтов, резко ослабившее лидирующие позиции в мире. Но для Джорджа Фридмана способность Вашингтона победоносно выходить из всяких затруднений является аксиомой.

Сколь сомнительным ни был бы сценарий, диагноз, который Фридман ставит России, недалек от истины. Страна с тающим населением, односторонней сырьевой экономикой, устаревшей инфраструктурой, богатейшими ресурсами и геополитическим положением, которое генерирует экспансионистские инстинкты, крайне уязвима. И если она будет действовать в соответствии с той жесткой и достаточно одномерной логикой, которую описывает Фридман, у нее не очень много шансов на успех. Точная внешняя политика, способная отделить «зерна от плевел», то есть истинные потребности от мнимых амбиций, избегание конфликтов, если они не затрагивают жизненно важных интересов, противодействие созданию антироссийских коалиций за счет налаживания выгодных отношений с их потенциальными участниками и интенсивное внутреннее развитие — это необходимо, чтобы предсказания остались литературными страшилками.

При всем явно пренебрежительном отношении к России Фридман, по сути, признает, что именно она является ключом к структурной стабильности Евразии, и именно исчезновение Российской Федерации с разделом «трофеев» между сопредельными странами служит отправной точкой для дальнейшей турбулентности. Таким образом, на России лежит глобальная ответственность, о которой еще раз напоминает книга Джорджа Фридмана. Хотелось бы, чтобы его замечание, что «те, кто недооценивал Россию, расплачивались за свои ошибки», впоследствии можно было бы повторить, объясняя причины неудачи прогноза на XXI век.

www.e-puzzle.ru